

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2022 – 1 (323)

Научно-информационный бюллетень

Издаётся с 1992 года

**Москва
2022**

**Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки «Институт научной информации
по общественным наукам РАН»**

Отдел Азии и Африки

Редакционная коллегия

*В.С. Мирзеханов – д-р ист. наук, профессор, научный консультант,
Е.Л. Дмитриева – главный редактор, А.В. Белинский – канд. полит.
наук, В.К. Белозёров – д-р полит. наук, О.П. Бибикова – канд. ист.
наук, первый зам главного редактора, Н.В. Гинесина – отв. за выпуск
на англ. яз., А.В. Гордон – д-р ист. наук, И.П. Добаев – д-р филос.
наук, канд. полит. наук, Ш.Р. Кашаф – магистр теологии,
Д.Б. Малышева – д-р полит. наук, А.В. Малащенко – д-р ист. наук,
А.Ш. Ниязи – канд. ист. наук, зам главного редактора, В.Н. Сченс-
нович – отв. секретарь*

**Россия и мусульманский мир : научно-информационный
бюллетень / ИНИОН РАН, Центр науч.-информ. исслед. глобаль-
ных и региональных проблем. – Москва, 2022. – № 1 (323). – 121 с.**

ISSN 1998-1813

DOI: 10.31249/rimm/2022.01.00

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Сченснович В.Н.</i> Сотрудничество России со странами ближнего и дальнего зарубежья. (Обзор).....	5
<i>Добаев И.П.</i> Внутриполитическая и этноконфессиональная ситуация в Афганистане в преддверии ввода советских войск (27.12.1979 г.).....	15

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>2022.01.001. Дмитриева Е.Л.</i> Динамика религиозного мировоззрения башкир и гражданская идентичность населения республики в постсоветский период. (Сводный реферат).....	29
<i>Адиев А.З., Мусаева А.М.</i> Профилактика терроризма на Северном Кавказе.....	33
<i>Ниязи А.Ш.</i> Узбекистан: проблемы современной модернизации водного и сельского хозяйства	53
<i>2022.01.002. Сченснович В.Н.</i> Стратегическое партнерство государств Центральной Азии. (Сводный реферат)	66

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Бибикова О.П.</i> О системном расизме в ливанском обществе	71
2022.01.003. <i>Атамали К.Е.</i> Северная Африка: проблема миграции мусульман в Европу и влияние пандемии COVID-19. (Сводный реферат)	84
2022.01.004. <i>Дмитриева Е.Л.</i> Направления внешнеэкономической политики Египта и перспективы сотрудничества с Россией. (Сводный реферат)	91

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Мельник С.В.</i> Совместная российско-иранская комиссия по диалогу «Православие – Ислам»: история и основные принципы межрелигиозного взаимодействия	95
<i>Чикризова О.С., Лашхия Ю.В.</i> Религиозный фактор в мировой политике и международных отношениях	109

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – НЕТ!
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – ДА!

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Сченнович В.Н.*
**СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ
СО СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО
И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ. (Обзор)**

DOI: 10.31249/rimm/2022.01.01

***Аннотация.** В обзоре анализируются актуальные тенденции международного сотрудничества современной России. Приведены статистические данные внешнеторговых связей РФ за 2018–2019 гг. со странами ближнего и дальнего зарубежья. Рассмотрена динамика внешней торговли России, изменения в ее географической и товарной структуре. Особое внимание уделено сотрудничеству РФ со странами ЕАЭС, АСЕАН, АТЭС и СНГ.*

Ключевые слова: Россия; внешнеэкономическая политика; международная торговля; инвестиции; турбулентность; МВФ; санкции; Евросоюз; Китай; Япония; Сингапур; ЕАЭС; АСЕАН; АТЭС; СНГ; протекционизм; зона свободной торговли (ЗСТ).

Введение

Авторы статей анализируют эволюцию внешнеэкономической политики России в период действия западных санкций. На протяжении последнего времени международные экономические связи характеризуются неустойчивостью намечающихся трендов в их развитии. Своебразным «барометром» происходящих в мировой экономике перемен являются отчеты МВФ за 2018–2020 гг., в которых неоднократно менялись оценки и прогнозы развития.

* Сченнович В.Н., научный сотрудник, отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН,
e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

Среди основных причин синусоидного тренда, сначала подъема до середины 2018 г., затем замедления развития к началу 2020 г., экспертами фонда отмечается усиление неопределенности в плане перспектив международных экономических отношений, зависящих от geopolитики.

Особое место исследователи уделяют международному сотрудничеству РФ со странами ЕАЭС, АСЕАН и АТЭС, а также современному состоянию российской экономики, инвестициям в её развитие, государственному регулированию внешнеторговой деятельности.

Внешнеторговые связи России в 2018–2020 гг.

Доктор экономических наук, руководитель Центра европейской торговли Института Европы РАН, профессор Российского экономического ун-та им. Г.В. Плеханова И.С. Гладков [2] отмечает, что негативные тренды в мировой экономике обусловливались нестабильностью торговой политики, повышением тарифов, что предопределило снижение инвестиций во внешнем торговом обороте. В такой геоэкономической ситуации осуществлялись внешнеторговые связи продолжавшей находиться под санкциями со стороны ряда западных стран России. В 2019 г. она понесла потери в стоимости отечественного экспорта. Сопоставление статистических данных по внешней торговле РФ за 2019 г. и за 2018 г., показывает: стоимость ее товарооборота снизилась примерно на 3,1%. Произошло это в основном за счет сокращения экспорта на 6,0%, импортные закупки по стоимости возросли на 2,2%. Однако Россия добилась позитивных результатов в сфере нефтяного экспорта в страны дальнего зарубежья. География отечественного товарного вывоза в целом сохранилась при изменении ее пропорций.

Наиболее важным внешнеторговым партнером РФ оставался Евросоюз, в составе 28 стран-членов.

Вторым крупным контрагентом России в 2019 г. стал Азиатско-Тихоокеанский регион, в нем представлены страны – члены форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Долевой вклад форума во внешнюю торговлю России в 2019 г. повысился до 31,8%, с понижением абсолютных показателей на 0,5%. Отечественный товарный экспорт в АТЭС в 2019 г. сократился на 4,3%, но возрос импорт РФ на 4,1%. Крупнейшим внешнеторговым партнером России в АТЭС является Китай, его долевой вклад в российский внешний товарооборот повысился с

15,7% до 16,6%. При меньшей стоимости товарооборота на втором месте среди российских партнеров находятся США, с возросшим долевым вкладом с 3,6 до 3,9%. Третью ступеньку занимает Республика Корея, однако в 2019 г. темпы роста ее торгового оборота с Россией были отрицательными, а стоимость его составила 3,7% всего внешнего товарного обмена РФ. На четвертом месте находится Япония, ее оборот в 2019 г. с РФ сократился по стоимости на 4,5% при падении отечественного товарного вывоза на 8,7%, но повышении стоимости поставок японских товаров в Россию на 1,6%.

Третьей по долевому вкладу в 2019 г. во внешний товарооборот РФ стала зона стран ближнего зарубежья, на нее приходится примерно 1/8 стоимости внешнеторговых операций. Данный показатель повысился в 2019 г. до 12,1%. Возросла и стоимость внешнеторгового оборота РФ со странами – членами ЕАЭС – с 8,2 до 8,6%. При этом ведущими контрагентами России в данном ареале оставались Белоруссия, Казахстан, Украина. Активно развивал внешнеторговые связи с РФ Узбекистан, повысивший долевой вклад в российский внешний товарный оборот и добившийся роста двустороннего обмена. Автор отмечает, что среднеазиатские партнеры России в 2019 г. продемонстрировали повышение всех стоимостных показателей во взаимном товарном обороте с РФ.

Другие внешнеторговые контрагенты РФ – Турция, Индия, Египет и Бразилия – показали снижение практически всех параметров, характеризующих их торговые связи с РФ.

При рассмотрении новейших трендов во внешней торговле РФ особое значение имеет структура экспортно-импортных связей. Расчетные данные показывают доминирование в отечественном вывозе минеральных продуктов (топливно-энергетических товаров – почти 68,0% всех поставок в страны дальнего зарубежья, свыше 31,4% – в СНГ). При этом отмечается снижение их стоимостных параметров. На втором месте в структуре российского экспорта находятся «металлы и изделия из них» (8,2% общей стоимости вывоза в дальнее зарубежье), на третьем – группа «продукция химической промышленности, каучук» (5,4%), на четвертом – «продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье» (5,1%), на пятом – «машины, оборудование и транспортные средства» (свыше 4,6%), на шестом – «драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них» (4,0%). В совокупности на шесть товарных групп в 2019 г. пришлось 95,3% всего стоимостного объема отечественного вывоза в дальнее зарубежье. В СНГ направлены те же товарные группы, они обеспечили 89,1% стоимости российских поставок в эту зону.

Во ввозе России из стран ближнего зарубежья совокупный вес шести товарных групп составляет почти 93% его общей стоимости.

Автор констатирует: России в 2019 г. на фоне нарастающей турбулентности в системе мировой экономики и международного товарного обмена, сохраняющегося санкционного давления, в основном удалось показать неплохие результаты в сфере внешней торговли. Вопреки санкциям, РФ активизировала поставки топлива в США, заняв место среди трех наиболее крупных экспортёров нефти, наряду с Канадой и Мексикой. Тем не менее, по мысли исследователя, перспективы развития экономики и внешнего товарного обмена РФ связаны с необходимостью перевести внешнеторговую деятельность на современный уровень, обеспечить технологический прорыв, диверсифицировать экспорт и импорт.

Сотрудничество России с ЕАЭС и АСЕАН

Старший преподаватель Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии А.А. Ворона [1] обобщает тенденции и перспективы развития сотрудничества Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Страны, входящие в АСЕАН, – перспективные партнёры для государств ЕАЭС, поскольку потенциал экономического взаимодействия значительный, численность населения двух объединений составляет практически 850 млн человек. ЕАЭС создавался для повышения конкурентоспособности экономик стран Союза и международной кооперации. Развитие сотрудничества АСЕАН и ЕАЭС способствует укреплению взаимовыгодных связей с партнёрами в рамках интеграционных процессов в Евразии. Ввиду того что страны АСЕАН являются центрами технологического развития в АТР, партнерство с АСЕАН представляется также ресурсом для решения стратегических задач по модернизации экономик стран-участниц. В условиях развития торговых отношений товарооборот стран ЕАЭС и АСЕАН в 2018 г. увеличился на 11,5% до 22,4 млрд долл. США. ЕАЭС экспортирует в страны АСЕАН минеральные продукты, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, а также металлы и изделия из них, а импортирует в основном машины, оборудование и транспортные средства, продовольственные товары.

В целях дальнейшего поступательного развития ЕАЭС и АСЕАН заявили о необходимости расширения сотрудничества. Новые форматы взаимодействия позволят удвоить товарооборот

между ЕАЭС и АСЕАН. Реализовать это возможно в рамках идеи Большого Евразийского экономического партнерства. Сотрудничество наиболее перспективно в цифровой экономике и сфере высоких технологий. Взаимовыгодны совместные проекты в сельском хозяйстве и секторе коммуникаций. В октябре 2019 г. было подписано соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Сингапуром. Для государств ЕАЭС это открывает большие возможности торгового и инвестиционного сотрудничества с одной из самых экономически развитых стран АСЕАН и Азии в целом. Сингапур заинтересован в выходе на рынки стран ЕАЭС и в развитии с ними экономического сотрудничества, в первую очередь, с Россией, которая является экономическим лидером Союза.

Большое внимание в Соглашении о свободной торговле между ЕАЭС и Сингапуром уделяется инвестиционному сотрудничеству. Создание зоны свободной торговли (ЗСТ) может принести выгоду обеим сторонам. Товарооборот Сингапура и России демонстрирует постепенный рост с 2 млрд долл. в 2012 г. до 3,6 млрд долл. в 2018 г. Россия в основном поставляет на рынок Сингапура нефть и нефтепродукты, что составляет примерно 90% российского импорта. В настоящее время Россия ведет активную политику по направлению освоения азиатско-тихоокеанского нефтегазового рынка. При этом АТР стал одним из самых перспективных направлений российского углеводородного экспорта. Потребление энергоносителей в странах Восточной и Юго-Восточной Азии (Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур), постоянно растет. Так же они географически близки к центрам добычи углеводородов на Дальнем Востоке РФ, в первую очередь, на острове Сахалин. Кроме того, Россия готовится к запуску проекта «Восток ойл», который предусматривает освоение месторождений в арктических зонах РФ и вывоз их продукции по Северному морскому пути. Основным направлением движения нефтеналивных танкеров будет АТР. При этом Сингапур ежегодно инвестирует значительные средства в российское сельское хозяйство. Импорт российского зерна и инвестиции в его производство становятся все более привлекательными для других стран, в том числе для Сингапура. Развитие торговых отношений Сингапура и России происходит достаточно стремительно, товарооборот же с другими странами ЕАЭС не очень велик, в 2018 г. он составил примерно 0,6 млрд долл. США. Автор делает вывод, что торгово-экономическое сотрудничество АСЕАН и ЕАЭС находится на начальной стадии развития и требует пристального внимания для дальнейшей интеграции. Обе

стороны намерены стимулировать потенциал этого взаимодействия. Сингапур производит высококачественную электронику, суда, машины, лекарства и другие товары, пользующиеся спросом у потребителей. Льготный доступ сингапурской продукции на большой рынок может принести выгоду обеим сторонам и позволит им продолжать взаимодействовать друг с другом.

Страны ЕАЭС обладают достаточно мощным инвестиционным потенциалом, являются носителями новых знаний, технологий, которые могут быть интересны партнерам АСЕАН. При этом важное значение приобретает обмен знаниями, что достигается в рамках создания совместных предприятий. Таким образом, Евразийский экономический союз стимулирует освоение новых направлений для будущей кооперации между странами. Экономическое взаимодействие укрепит региональные связи, повысит инвестиционную привлекательность ЕАЭС. Дальнейшее сотрудничество ЕАЭС и АСЕАН позволит облегчить экспорт товаров на рынок, обеспечив экономическое развитие для объединений.

Государственное регулирование внешнеторговых связей РФ

Кандидат экономических наук, доцент Финансового университета при Правительстве РФ Е.А. Мирошина и студентка Финансового университета А.К. Григорьева [3] отмечают, что ускоренное развитие экономического сотрудничества требует изменения функций государственного регулирования внешнеторговой деятельности.

Основными целями регулирования внешнеэкономической деятельности России являются:

- оказание помощи отечественным производителям посредством предоставления предприятиям нового оборудования, техники, технологий, необходимых ресурсов;
- поддержка и совершенствование торгово-политических связей с иностранными конкурентами, расширение участия России в интеграционных и международных процессах;
- решение валютных и финансово-кредитных проблем во взаимоотношениях со странами-кредиторами, а также международными союзами;
- защита внешнеэкономических интересов государства;
- стремление занять лидирующие позиции на мировых рынках по производству современных товаров и услуг;

- создание конкурентоспособного сектора в обрабатывающей промышленности и сфере услуг;
- повышение роли России в обеспечении энергетической безопасности и укрепление её позиций на рынке углеводородов;
- интеграция России в мировую транспортную систему. Создание новых путей трубопроводов («Северный и Южный потоки», «Сила Сибири»), расширение транссибирской магистрали, развитие Северного морского пути из Азии в Европу.

Внешнеторговая деятельность постоянно обновляется и требует регулирования международными объединениями. В 1995 г. возникла Всемирная торговая организация (ВТО), под ее контролем примерно 90% всей мировой торговли. Вступление России в ВТО (2011) – значимый шаг интеграции страны в международную торговлю. Немаловажную роль в объеме внешнеторгового оборота России играют государства – члены Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Основными участниками являются: Республика Беларусь, Казахстан, Армения, Киргизия. Внешнеторговый оборот России с государствами – участниками ЕАЭС в 2018 г. увеличился по сравнению с 2016–2017 гг., в результате это привело к положительному сальдо торгового баланса. На увеличение внешнеторгового оборота России со странами – участниками ЕАЭС повлиял экспорт. В 2018 г. он увеличился по сравнению с 2017 г. на 25,8 %. Большая часть экспортта представлена топливно-энергетическими товарами. По данным таможенной статистики внешнеторговый оборот в 2018 г. составил 688 млрд долл. США (увеличился по сравнению с 2017 г. на 18%). Из них экспорт – 450 млрд долл. США (вырос на 26% по сравнению с 2017 г.), а импорт составил 238 млрд долл. США (вырос на 5% по сравнению с 2017 г.).

Россия, как и многие другие страны, проводит политику протекционизма. Методы протекционистского регулирования делятся на два вида: тарифные и нетарифные. Тарифные методы регулирования основываются на таможенных тарифах на импорт, а также предполагают экспортные тарифы и таможенные союзы. Экспортные тарифы на продукцию национальных производителей вводятся, чтобы ограничить экспорт ради сохранения предложения на внутреннем рынке. Таможенные союзы – это сообщества стран, которые убирают все таможенные барьеры внутри их союзов, но при этом устанавливают барьеры для стран, не входящих в их объединения. Авторы рассматривают нетарифные методы государственного регулирования внешней торговли: введение квот, экономические санкции или эмбарго. Экономические санкции или

эмбарго предполагают введение государством полного запрета на внешнеторговую деятельность с отдельными странами. Цель эмбарго – оказание политического давления. В 2012 г. ЕС установил экономические санкции на ввоз нефти из Ирана из-за угрозы, что эта страна может построить ядерное оружие. В июле 2014 г. ЕС и США от санкций против физических лиц и предприятий перешли к санкциям, которые оказали влияние на экономику России. В ответ Россия ограничила импорт продовольственных товаров для стран, которые ввели против нее санкции.

Иностранные инвестиции в России

В статье кандидата экономических наук И. Квашниной (Институт экономики РАН) [4] рассматриваются изменения в регулировании иностранных инвестиций, которые происходили в последние годы в мире и в России. Отмечается тенденция усиления протекционизма в отношении прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Динамика притока прямых иностранных инвестиций в РФ лишь отчасти отражает колебания в движении глобальных мировых инвестиций. Помимо объективных факторов, для России ключевым остается фактор мировых цен на сырье и энергетические ресурсы; действующие прямые и косвенные барьеры для внешнего финансирования; сохранение угрозы введения новых ограничительных мер как в отношении компаний и физических лиц, так и секторов экономики. Если в 2018 г. в России, так же как и во всем мире и в Европе, импорт прямых инвестиций опустился до минимальных значений, то в 2019 г., когда мир показывал небольшой рост, импорт ПИИ в Россию увеличился на 60%, а страна по этому показателю вновь вошла в двадцатку крупнейших государств.

Согласно прогнозам, в 2021 г. страны с формирующимся рынком (СФР) столкнутся с почти двукратным падением инвестиций. Пандемия и падение цен на энергетические ресурсы вынуждают многие компании пересматривать свои инвестиционные планы в России, хотя большая часть начатых ранее проектов по-прежнему реализуется. Одной из причин снижения капиталовложений является сокращение прибыли международных компаний и возможностей ее использования на рефинансирование инвестиционных проектов. Другая угроза для капиталовложений в страну связана с особенностями российской отраслевой структуры ПИИ. От 70 до 80% поступающих инвестиций приходится на добычу полезных ископаемых и сферу услуг, а в обрабатывающей промыш-

ленности в последнее десятилетие большую роль играют автомобильная промышленность и связанные с ней производства. Именно эти отрасли и сектора считаются наиболее пострадавшими в мире от вызванного COVID-19 кризиса (компании ТЭК и добывающих секторов, автопром, авиаотрасль, транспортные, гостиничные, развлекательные и прочие услуги). В новых условиях вероятнее всего будут востребованы инвестиции в здравоохранение и производство лекарственных препаратов и оборудования, а также в динамично развивающуюся деятельность в области информации и связи, в том числе и за счет переноса продажи товаров и услуг из онлайн в онлайн.

Как и в большинстве стран, в России либеральные меры в отношении ПИИ сочетаются с использованием определенных ограничений. Мониторинг степени открытости экономики для прямых иностранных инвестиций осуществляет Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В целом в отношении иностранного капитала в России действует больше ограничений, чем в среднем по ОЭСР, а динамика трех лет (2016–2018) свидетельствует об ужесточении регуляторной политики. За этот же период государства БРИКС (особенно КНР) заметно продвинулись в противоположном направлении и по степени открытости экономик для иностранных инвесторов теперь опережают Россию. Исследователь подчеркивает, что, несмотря на ограничения, финансовая деятельность и страхование остаются одними из наиболее привлекательных сфер приложения иностранного капитала. При вступлении в ВТО (соглашение подписано в 2011 г.) РФ приняла на себя обязательства, предусматривающие упрощение допуска иностранных инвесторов. В страховом секторе квота для иностранцев была повышена с 25 до 50%. С середины 2017 г. был отменен лимит на участие иностранного бизнеса в капитале компаний, занимающихся страхованием жизни и обязательным страхованием, в 2021 г. на работу в России получат разрешение филиалы международных страховых компаний. В банковской сфере после присоединения к ВТО запрет на открытие филиалов сохраняется. Зарубежные банки могут учреждать только дочерние компании.

Автор отмечает, что в РФ нет тотальных ограничений для иностранных инвесторов, но действующая система регулирования допуска иностранцев громоздка и непрозрачна. Стимулированию притока ПИИ в малый и средний бизнес должна способствовать отмена (с 2018 г.) ограничений на участие иностранного капитала в малых и средних предприятиях (МСП) при условии, что сами иностранные компании также являются субъектами малого и

среднего бизнеса. Включение компаний с иностранным капиталом в реестр МСП дает им право на налоговые льготы, допуск к участию в государственных закупках и к льготным кредитам, освобождает от плановых проверок. В апреле 2020 г. был принят закон «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации». Бизнес обязуется инвестировать от 250 млн руб. до 10 млрд руб. и выше в проекты в обмен на неизменность налоговых и неналоговых условий работы на срок от 6 до 20 лет. В настоящее время акцент сделан на конкурентоспособность и технологичность производимой продукции. Расширена сфера заключения специальных контрактов за счет энергетики и сельского хозяйства, а максимальный срок действия контракта продлен с 10 до 15 лет, отменен минимальный порог инвестиций. По новым правилам контракт заключается по результатам конкурсного отбора, а инициатором проекта может быть не только инвестор, но и государство.

На всех компаниях, в том числе и на предприятиях с иностранными инвестициями, сказался кризис, вызванный пандемией. В последние годы в регулировании прямых иностранных инвестиций в России наблюдается усиление элементов протекционизма, в том числе и под воздействием экономического кризиса, вызванного COVID-19. В современных условиях нахождение баланса между защитой национальных стратегических интересов и использованием иностранных ресурсов и компетенций представляется неизбежной парадигмой, а создание прозрачной и понятной системы поддержки и ограничений иностранных капиталовложений становится важным элементом благоприятного инвестиционного климата.

Заключение

Мировой экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19, негативно сказался на мировых потоках прямых иностранных инвестиций. Эпидемия коронавируса и последовавшая за ней глубокая рецессия могут спровоцировать очередной виток геополитического соперничества и протекционизма, усиления контроля государств за потоками инвестиций. В России в последние годы сложилась ситуация, когда, с одной стороны, ограничиваются инвестиции в значительную часть экономической деятельности и усиливаются механизмы проверок, а с другой – делаются шаги по вовлечению иностранных компаний в модернизацию экономики.

Внешнеэкономическая политика основывается на развитии технических средств, охране национальных интересов во внешне-

экономической сфере. В России сегодня предпринимаются меры по стимулированию новых технологических разработок, следует внести изменения в зачастую не отвечающую современным требованиям географическую и товарную структуру ее внешнеторговой деятельности. Помимо необходимости совершенствования системы поддержки экспорта ставится также задача изменения макроэкономической стратегии. По мнению российских ученых, наиболее продуктивной идеологией для России сейчас является стратегия диверсификации, которая позволяет обеспечить оптимальное вовлечение в разнонаправленные тенденции мирового развития.

Литература

1. Ворона А.А. Сотрудничество ЕАЭС и АСЕАН : проблемные аспекты и перспективы развития // Ученые записки Санкт-Петербургского им. Б.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2020. – № 1 (73). – С. 51–54.
2. Гладков И.С. Внешнеторговые связи Российской Федерации: новые тренды в эпоху турбулентности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. Экономика инновационного развития : теория и практика, 2020. – № 1(25). – С. 19–29.
3. Григорьева А.К., Мирошина Е.А. Роль Российской Федерации в регулировании внешнеторговой деятельности // Национальная ассоциация ученых, 2020. – № 53 (2). – С. 25–29.
4. Квашинина И. Особенности регулирования в России прямых иностранных инвестиций // Общество и экономика, 2020. – № 10. – С. 85–97.

Добаев И.П.*

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ В ПРЕДДВЕРИИ ВВОДА СОВЕТСКИХ ВОЙСК (27.12.1979 г.)

DOI: 10.31249/rimm/2022.01.02

Аннотация. В статье рассматривается внутренняя политическая и этноконфессиональная ситуация в Афганистане, сложившаяся накануне ввода советских войск в эту страну 27 декабря 1979 г. Показывается и доказывается доминирующее влияние на внутриафганские процессы эт-

* Добаев И.П., доктор философских наук, профессор, эксперт РАН, ветеран войны в Афганистане, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, e-mail: ipdobaev@sfedu.ru

© Добаев И.П., 2022

нического, прежде всего пуштунского, фактора. Этот фактор базируется на традиционных родоплеменных отношениях, исторически сложившихся у пуштунов, являющихся государствомобразующим народом Афганистана. Игнорирование этнических особенностей афганских мусульман, особенно синтеза пуштунского национализма, их обычного права (пуштунвалай) и традиционных форм бытования ислама внешними силами ведет к негативным для них последствиям. Недаром Афганистан называют «кладбищем империй». Примеры Великобритании, Советского Союза, а теперь и Соединенных Штатов убедительно подтверждают данный тезис.

Ключевые слова: Афганистан; конфессия; ислам; исламизм; племена; пуштуны; этносы.

Являясь страной с древнейшей историей, Афганистан в течение многих веков территориально входил в состав других государств. В XVIII в. территория Афганистана пребывала в составе Персидской империи, однако после трагической гибели Надиршаха Афшара в 1747 г. эта империя распалась. Наиболее боеспособные части персидского войска – афганцы – возвратились на родину, где в том же году по инициативе пуштунского вождя Ахмад-шаха впервые в истории возникает собственно афганское государство – Дурранийская держава. В период своего расцвета ее южные берега омывали воды Индийского океана. Однако при преемниках Ахмад-шаха огромное афганское государство распалось на ряд самостоятельных территориально-политических образований – Пешаварское, Кабульское, Кандагарское и Гератское.

В XIX в. на огромном театре евразийского Римланда пришли в противоречие geopolитические интересы Российской и Британской империй. Эта многоплановая борьба, получившая в литературе метафорическое название «Большая игра», спровоцировала три англо-афганские войны (две в XIX в. и одну в XX в.), однако установить над Афганистаном колониальное господство британцам так и не удалось, а по результатам третьей войны англичане были вынуждены признать независимость Афганистана. В то же время, по окончании второй англо-афганской войны пуштунский суперэтнос был разделен примерно пополам, а между Британской Индией и Афганистаном прошла новая граница по так называемой «линии Дюранда», получившей название по имени политического советника британского вице-короля того времени.

После получения независимости в 1919 г. первым эмиром Афганистана становится Аманулла, тогда же это государство первым признало РСФСР, между ними были установлены дипломатические отношения. В 1926 г. эмир Аманулла, приступив к модернизации страны, упразднил эмирят и объявил себя королем, а страну королевством. В конце 1928 г. в Афганистане при поддержке англичан вспыхнул мятеж и к власти пришел тесно связанный с английскими спецслужбами авантюрист, этнический таджик Бача-и Сакао («сын водоносса»). Однако вскоре он был свергнут и убит, а королем стал пуштун Надир-шах, после смерти которого в 1933 г. престол унаследовал его сын Захир-шах, который в 1973 г. был свергнут своим дядей – Мухаммедом Даудом. Он провозгласил образование республики и приступил к реализации соответствующих реформ, однако очевидных успехов достичь не удалось. В этот же период в стране усиливалась созданная в середине 1960-х Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА), декларировавшая марксистско-ленинские принципы. Вскоре после своего создания партия размежевалась по этническому принципу. Крыло «хальк» («народ») возглавил пуштун Нур-Мухаммед Тараки, а «парчам» («знамя») – таджик Бабрак Кармаль. Однако к весне 1978 г. оба крыла вновь объединились, а 27 апреля 1978 г. при ведущей роли НДПА был осуществлен военный переворот, в ходе которого Дауд-хан и его окружение были убиты, а к власти пришла НДПА. Первым лидером провозглашенной Демократической Республики Афганистан (ДРА) стал пуштун Нур-Мухаммед Тараки, а фактически вторым лицом в государстве – пуштун Хафизулла Амин. Внутрипартийная борьба внутри НДПА вспыхнула с новой силой, а вскоре Х. Амин, физически устранив Н.-М. Тараки, стал новым лидером ДРА. Жесточайшим способом осуществляя реформы, Х. Амин восстановил против себя население Афганистана, в результате повсеместно развернулась борьба против режима. Сложная ситуация стала причиной многократных обращений Тараки, а затем Амина, к советскому руководству ввести войска на территорию страны. 27 декабря 1979 г., после двух десятков обращений к Москве Тараки и Амина, после свержения и убийства Тараки, советские войска вошли в Афганистан. Халькисты были от власти отстранены, во главе Афганистана встал лидер «Парчам» – таджик Бабрак Кармаль.

В контексте вышесказанного представляется актуальным рассмотреть этноконфессиональную ситуацию в Афганистане на кануне ввода советских войск, игнорирование которой при плани-

ровании советским руководством привело к крайне негативным для Советского Союза результатам.

Афганистан с момента своего образования являлся политечническим государством. На 1979 г. население страны насчитывало 15,5 млн человек, со следующим этническим составом: пуштуны – 45% от общей численности населения (7 млн человек), таджики – 25% (3,8 млн человек), хазарейцы – 10% (1,5 млн человек), узбеки – 8% (1,2 млн человек), чараймаки – 6% (980 тыс. человек), туркмены – 3% (460 тыс. человек), нуристанцы, киргизы, белуджи, индийцы, курды, персы и др. – 3% (460 тыс. человек) [1, с. 4].

Следует подчеркнуть, что для всех афганских народов были характерны наличие устойчивых родоплеменных связей, приверженность этнической солидарности независимо от того, вели ли они оседлый (80% населения), кочевой или полукочевой образ жизни, проживали ли они в городе или в сельской местности. Такая ситуация, в целом, сохраняется и в настоящее время. В большей степени это характерно для пуштунов, хазарейцев, чараймаков, белуджей, туркмен и киргизов. Эти народы делятся на племена, а они, в свою очередь, на роды и семейства. Существуют также объединения в племенные союзы. Активную роль в жизни афганского общества до сих пор продолжают играть такие традиционные формы, как институты племенных собраний (джирга) старейшин племен и религиозных авторитетов, при этом зачастую старейшины и муллы выступают в одном лице.

Племена всегда стремились к существенной автономии и независимости от центральных властей. Многие афганские племена, особенно кочевые и полукочевые, отличались ярко выраженной военно-племенной организацией. Афганцы южных, юго-западных и восточных провинций никогда не расстаются с холодным, а зачастую и огнестрельным оружием, что издревле стало их традицией. Военная подготовка в племенах, особенно у пуштунов, ведется постоянно. Они располагают собственными вооруженными отрядами, возглавляемыми их вождями. В случае необходимости они пополняются за счет вооруженных членов племен, включая подростков и даже женщин. Внутри племен установлена строгая дисциплина, существует стройная и надежная система оповещения.

Вместе с тем между различными афганскими народами и племенами существуют противоречия, нередко приводящие к серьезным конфликтам. Они всегда проявлялись между пуштунами, которые традиционно занимали господствующее положение в стране, и непуштунами. Противоречия в афганском обществе име-

ли и до сих пор имеют место и на религиозной почве, особенно между суннитами (их большинство) и шиитами (их менее 20% населения).

Пуштуны, являясь государствообразующим народом Афганистана, составляли и составляют почти половину населения этой страны. Однако следует иметь в виду, что в Пакистане, вследствие англо-афганских войн XIX в., в конце 70-х годов XX в. проживало 9 млн пуштунов, от приграничных с Афганистаном районов до Индии (племена вазиров, афридиев, манголов, шинвари, момандов, джаджи и др.).

Собственно в Афганистане пуштуны расселены главным образом в южной, юго-восточной и восточной частях страны (провинции Герат, Фарах, Гур, Кандагар, Заболь, Газни, Пактия, Пактика, Парван, Лагман, Кунар, а также в Кабуле), то есть от юго-западных границ (с Ираном) до восточных (с Пакистаном), где их расселение непосредственно переходит на пакистанскую территорию. Общее число пуштунов в Афганистане и Пакистане в 1979 г. составляло 17 млн человек (в настоящее время – свыше 60 млн человек. – И.Д.), объединенных в 60 с лишним племен и кланов. Искусственно разделенные так называемой «линией Дюранда», пуштунские племена продолжают связывать тесные родовые, родственные и иные связи.

По своему составу пуштунские племена Афганистана относят к трем основным группам: западное племенное объединение дуррани (на 1979 г. – более 3 млн человек), восточное племенное объединение гильзаев (более 1,5 млн человек), племенное объединение карани (около 1,5 млн человек), а также ряд отдельных крупных племен, не входящих в указанные племенные объединения.

Племена дуррани проживают, в основном, в юго-западных областях Афганистана – на обширной территории от Кандагара до Фараха на юге и Герата на западе. Крупнейшими племенами этого объединения выступают баракзай, попельзай, аликазай, ачекзай и др. Племенному союзу дуррани принадлежит главенствующая роль в становлении и последующем оформлении афганского государства. Из него выходили все правящие династии афганского государства. Особое место в этом отношении на протяжении полутора столетий занимал клан мохаммедзаев, представителями которого были бывший король Захир-шах и бывший президент М. Дауд. Отметим также, что в этом племенном объединении исторически враждают племена баракзаем и попельзаем.

Гильзаи проживают в основном в южных и юго-восточных провинциях – Заболь, Газни, Пактия и Пактика, а также в Пакистане. Наиболее авторитетные племена гильзаев – сулейман-хейль, ахмадзай, али-хейль, тараки и др. Племена гильзаев, наряду с дуррани, занимали и занимают видное место в афганской истории. Между гильзаями и дуррани фиксировалось постоянное соперничество за преимущественное влияние в государстве. Например, последний просоветский лидер Афганистана – пуштун Наджибулла – был выходцем из племени ахмадзай.

К племенному объединению карани относятся племена африди, мангаль, джаджи, моманды, вазири, шинвари, джадраны и др. Они, в основном, расселены в юго-восточных районах Афганистана. Ряд племен карани проживают по обе стороны афгано-пакистанской границы, а большое их количество живет на территории Пакистана, их центром является город Пешавар.

Взаимоотношения правящих кругов Афганистана с пуштунскими племенами всегда отличались сложностью и противоречивостью. Пуштунские кочевые племена традиционно пользовались значительными привилегиями по сравнению с другими народами. Они полностью или частично освобождались от налогов, воинской повинности и др. Тем не менее ни одно афганское правительство так и не сумело установить какую-либо форму эффективного контроля за кочевниками.

Необходимо также подчеркнуть, что, являясь самой крупной этнической общностью и традиционно играя доминирующую роль в афганском обществе, пуштуны зачастую проявляли и проявляют высокомерие и демонстрируют собственное превосходство по отношению к другим народам.

Большое влияние на жизнь каждого пуштуна оказывает «кодекс чести» – «пуштунвалай». Он включает в себя многие моральные ценности, среди них – достоинство, правдивость, искренность. Пуштуны скорее отдадут жизнь, чем допустят посягательство на честь своих женщин или авторитет старейшин. Кодекс предписывает им быть преданными истине, независимо от последствий, любой ценой держать свое слово, проявлять твердость и настойчивость, бесстрашие и отвагу, быть гостеприимными и не прощать обиду (пуштун может годами ждать удобного момента, чтобы отомстить обидчику). Учитывая, что Афганистан практически всегда, за редким исключением, управлялся представителями пуштунов, а правящие круги государства десятилетиями проводили политику ассимиляции, законы «пуштунвалая» довольно глубоко

проникли в афганское общество, став ценностными ориентирами для остальных народов страны.

Среди других этносов Афганистана следует выделить таджиков. Они являются не только второй по численности этнической группой, но и наиболее развитой в экономическом отношении частью населения страны. У таджиков хотя и существуют родоплеменные отношения, но они выражены в значительно меньшей степени, чем у других народов. Таджики составляют значительную прослойку населения городов, а процент грамотности среди них выше, чем у других народов. Кроме того, как и пуштуны, таджики считают себя потомками легендарных ариев. Однако, являясь национальным меньшинством, они никогда не играли такой роли в политической жизни страны, как пуштуны.

Остальные народы Афганистана (хазарейцы, узбеки, чараймаки, туркмены и др.) представляют собой национальные меньшинства, их влияние на политические процессы в стране всегда было малозаметным. Однако уже в середине 60-х годов XX в. фиксируются политизация этническости и их определенная консолидация. На этом поле происходит размежевание по линии пуштуны – непуштуны. Это касается не только «левой» НДПА, которая вскоре после своего образования в 1965 г. распалась на два крыла – «хальк» (лидер – пуштун Н.-М. Тараки) и «парчам» (таджик Б. Кармаль), но и филиальных исламистских структур местных «Братьев-мусульман». Среди последних также произошло образование партийных группировок по этническому принципу. «Исламскую партию Афганистана» (ИПА) возглавил пуштун Г. Хекматяр, а «Исламское общество Афганистана» (ИОА) – таджик Б. Раббани. В этой связи представляется важным рассмотреть состояние ислама на момент ввода советских войск.

Исторически в Афганистане ислам играл и продолжает играть важную роль. С момента своего распространения на афганской территории в течение веков ислам безраздельно господствовал среди других религиозных культов, особенно в сельской местности. Под флагом религии правители осуществляли объединение афганских земель и завоевание других территорий. Когда над Афганистаном нависла угроза колониального завоевания его англичанами, религия стала использоваться как средство сплочения афганских народов в борьбе против колонизаторов [2, с. 60–61].

Ислам активно вмешивался в развитие общественно-политической жизни, используя различные каналы воздействия на людей, на их общественное мнение. Более того, религия в лице

служителей культа, которые участвовали в различных звеньях государственного аппарата, непосредственно влияла на формирование государственной политики и обслуживающей ее официальной идеологии.

Большинство населения Афганистана всегда питало глубокую приверженность к исламу и испытывало на себе всестороннее влияние служителей культа. Удельный вес духовенства в афганском обществе был весьма значителен. Так, на начало 1980 г. из почти 16-миллионного населения страны служителей культа и богословов различных рангов насчитывалось более 250 тыс. человек. В стране функционировало свыше 15 тыс. мечетей. В одном только Кабуле насчитывалось 545 мечетей [3, с. 7].

На тот же период времени примерно 80% населения страны составляли мусульмане-сунниты, 18% – шииты и около 2% – последователи прочих верований. Причем, характерным для Афганистана был сильно развитый суфизм в суннитском направлении ислама, действовали различные суфийские тарикаты и братства. На западе Афганистана распространен тарикат чиштийя, сторонники которого чаще всего проживают в городах. На востоке страны на границе с Пакистаном проживают приверженцы тариката сухравердийя. В северных и центральных районах распространен тарикат накшбандийя. Среди части пуштунов имеются сторонники еще одного крупного тариката — кадирийя. Подчеркнем, что два последних суфийских тариката (накшбандийя и кадирийя) получили распространение на Северо-Восточном Кавказе (Дагестан, Ингушетия и Чечня), а на основе идеологической доктрины тариката накшбандийя в XIX в. там развернулось мощное религиозное движение, ставшее известным как «кавказский мюридизм» [4, с. 21]. В связи с развитием суфизма в Афганистане широко распространен культ почитания гробниц (мазаров) и «святых мест» (зияратов), которых здесь насчитывалось более 8 тыс. Наиболее почитаемыми из них являются: гробница «Мазар святого Али» (Мазар-и-Шариф), место хранения «рубища» Пророка Мухаммеда (Канда-гар); мечеть Сахи (Кабул); гробница религиозного мыслителя, святого Ахунд-заде (Джелалабад), а также центральная мечеть в Герате [3, с. 5].

Шииты в Афганистане (хазарейцы и немногочисленная часть некоторых других народов, в том числе ряда пуштунских племен) представлены группой направлений и сект, среди которых имамиты, исмаилиты, али-иллахи, рошанийя, ахмадийя и др. Имамиты пользуются поддержкой Ирана, особенно после февральской

революции 1979 г. в этой стране, когда к власти пришло исламское духовенство, а государство превратилось в Исламскую Республику Иран (ИРИ).

В ходе исторического развития Афганистана духовенство превратилось во влиятельную, привилегированную прослойку. Однако в силу ряда обстоятельств у мусульманского духовенства страны никогда не было признанного лидера, обладающего правом выступать в качестве главы религиозной общины всего Афганистана. Вместе с тем в некоторых районах страны, подчас охватывающих значительные территории, действовали различные духовные авторитеты. Среди них – сеиды (считающие себя потомками Пророка Мухаммеда), хазраты, шейхи, пиры, ишаны (главы различных сект и суфийских тарикатов), имеющие многочисленных последователей и непререкаемый авторитет среди верующих своей округи. Наиболее влиятельной среди них являлась семья Муджаддиди. Ее представители в период монархии занимали главенствующее положение в высшем руководящем органе духовенства – Совете улемов («Джамийат-и-улама»). Значительным влиянием пользовалось и семейство Гиляни, поставлявшее духовников афганским монархам. Крупное духовенство экономически было тесно связано с феодальной земельной аристократией, а некоторая часть – с торговой буржуазией [3, с. 7–9].

Разумеется, высшее и среднее духовенство, придерживаясь крайне консервативных взглядов, и до апрельского переворота 1978 г. ратовало за сохранение традиционных порядков, выступало против демократизации общественной жизни страны и сотрудничества с Советским Союзом. Уже во второй половине 60-х годов в Афганистане появляются филиальные структуры исламистской организации «Братья-мусульмане», которая была создана на рубеже 1928–1929 гг. в студенческой среде Египта, возглавляемой их лидером – Хасаном аль-Банной [5, 18–19]. Питательной почвой для появления подобных организаций в Афганистане стал Кабульский университет, где была создана политическая партия «Мусульманская молодежь». В числе основателей движения были А. Сайаф, Б. Раббани, Г. Хекматъяр, позже к ним присоединился Ахмад Шах Масуд. Клерикалы вели активную политическую агитацию в различных слоях населения, особенно среди студенческой молодежи, а их организация «Мусульманская молодежь» выступала под лозунгом «Да здравствует борьба за Коран во всем мире!». Религиозные экстремисты уже в тот период вынашивали планы

создания в Афганистане теократического государства во главе с «праведным президентом», избранным из числа духовенства.

После государственного переворота 1973 г., осуществленного М. Даудом, в Афганистане властями начала проводиться жесткая антиисламистская политика, что стало причиной перехода местных «Братьев» от политической к вооруженной борьбе против режима [6, с. 141]. В 1975 г. ими была предпринята попытка вооруженного антиправительственного мятежа, которая потерпела неудачу. В результате лидеры мятежников бежали в Пакистан, где уже в 1976 г. в руководстве «Мусульманской молодежи» произошел раскол. Были сформированы две партии – «Исламское общество Афганистана» (ИОА) во главе с таджиком Б. Раббани и «Исламская партия Афганистана» (ИПА), лидером которой стал пуштун Г. Хекматъяр. В партию Хекматъяра входили преимущественно пуштуны, а в структуру Раббани – соответственно таджики. В последующем расколы по этническому признаку стали правилом при формировании других афганских религиозно-политических партий и движений.

После апрельского переворота 1978 г. его противники продолжали активно и искусно манипулировать лозунгами защиты ислама, которые подкреплялись некоторыми положениями шариата, а также цитатами из Корана и Сунны. При этом преследовались вполне конкретные политические цели – свержение «марксистского» руководства, власти НДПА и восстановление монархии, либо установление исламской республики. Эти силы зачастую группировались вокруг мечетей, стремясь превратить их в свои опорные пункты. Пересядя к открытой вооруженной борьбе, они объявили «джихад» против кабулского режима. Вооруженную борьбу возглавили различные «исламские» партии и организации: «Исламская партия Афганистана», «Исламское общество Афганистана», «Движение исламской революции Афганистана», «Исламская националистическая революционная партия Афганистана», «Союз исламских воинов» и др., зачастую возглавлявшиеся представителями крупного и среднего духовенства страны. Среди них можно назвать С. Муджаддеди, Б. Раббани, маулави М. Наби и др. Уже в январе 1980 г. под нажимом зарубежных «спонсоров» был организован так называемый «единый национальный исламский фронт», впоследствии трансформировавшийся в «союз семи исламских партий». Безусловно, всему этому способствовали радикальные, совершенно пагубные в условиях Афганистана реформы, осуществлявшиеся новым руководством страны. Начавшись при

Н.-М. Тараки, такие «реформы» при Х. Амине приобрели невиданный размах, сопровождались государственным террором против «инакомыслящих». Все это привело к полномасштабному развертыванию, по сути, гражданской войны в стране.

Противники режима, при массированной поддержке извне приступили к созданию, обучению и вооружению диверсионно-террористических отрядов. Часть из них формировалась в Афганистане, другие, пройдя обучение в специальных лагерях и базах на территории Пакистана и Китая под руководством американских, китайских, пакистанских и египетских инструкторов, переправлялись через афганскую границу. Важную роль в этих отрядах играли муллы, осуществлявшие пропагандистскую деятельность против кабульского режима. Используя вооруженные басмаческие и террористические формы борьбы, морально-психологическое давление на сторонников официального Кабула, они в целях подрыва новой власти стремились дестабилизировать внутреннее и осложнить международное положение нового государства.

Одним из основных направлений антиправительственной пропаганды стала идея «защиты ислама», обвинение режима в безбожии, воинствующем атеизме. Примкнувшие к «моджахедам» служители мусульманского культа обвиняли НДПА и ее лидеров в том, что они якобы стремятся ликвидировать ислам в Афганистане и что с этой целью сжигаются мечети, уничтожаются священные книги, оскверняются «святые места» (мазары и зияраты), мусульманам запрещают исполнять религиозные обряды, детей в школах учат безбожию, что члены партии культивируют антирелигиозную мораль и т.д. Пытаясь подтвердить фактами свои обвинения, исламисты нередко устраивали провокационные поджоги мечетей, осквернение «святых мест», уничтожали священные книги, разбрасывая их страницы в общественных местах, выступали перед верующими с провокационными речами, якобы от имени официальных властей [2, с. 65].

В этих же целях, с учетом неграмотности основной массы населения, стали активно использоваться красочно исполненные листовки, на которых в карикатурной форме изображались «враги ислама» видные государственные и политические деятели ДРА, – и наоборот, «борцы за веру» и их лидеры героизировались. На том же этапе активно распространялись аудиокассеты, записи на которых представляли ислам как религию, приносящую социальное освобождение, выступающую против неравенства и эксплуатации. Гарантией создания справедливого общества, по словам исламских

идеологов, должно быть соблюдение таких принципов ислама, как добровольное пожертвование богатыми, а не насильственное изъятие их имущества в пользу бедняков, что по раннему большевистскому образцу практиковалось афганскими властями.

В свою очередь, шиитское духовенство и часть шиитского населения, проживающего в основном в западных и центральных провинциях страны, пользовались поддержкой иранских властей, которые оказывали им идеологическую, моральную и материальную помощь, направляя денежные средства, снаряжение, пропагандистскую и специальную литературу с рекомендациями по вопросам ведения подрывной деятельности против новых властей, кассеты с записями речей «рахбара» – аятоллы Рухоллы Хомейни. Тегеранское радио вело передачи на религиозные темы с целью разжигания ненависти не только шиитов, но и всех верующих Афганистана к кабульскому режиму.

В результате такого массированного мобилизующего идеологического воздействия противникам НДПА удалось привлечь на свою сторону значительную часть афганского населения, особенно в сельской местности. К идеологической антиправительственной кампании активно подключились и пропагандистские органы Пакистана, Ирана, а также радиостанции США, Великобритании, ФРГ и других западных стран, стремившихся разыграть «исламскую карту». В планах США было втягивание Советского Союза в непосредственное военное участие во внутреннем афганском конфликте, а затем и перенесение «священной войны» на советскую территорию, прежде всего, в Среднюю Азию, где еще не забыли о вооруженной борьбе большевиков с местными басмачами. Разумеется, реализация таких планов представляла серьезную угрозу для советского государства.

Вместе с тем, как подчеркивалось выше, накануне военного переворота в Афганистане 1978 г. наибольшее распространение имели четыре суфийских суннитских тариката, существовали также многочисленные секты, как в суннитском, так и в шиитском направлениях. Крайняя этническая, родо-племенная и конфессиональная (внутри ислама) разобщенность и неоднородность афганского общества длительное время препятствовали консолидации сил сопротивления на какой-либо основе. Лидер каждой из исламских партий всячески отстаивал свою самостоятельность, нередки были кровавые стычки между боевиками, сторонниками тех или иных религиозно-политических движений. В определенной степени объединяющим религиозным фактором по сплочению оппози-

ции, по мнению американцев и их союзников, могло бы стать на-саждение в Афганистане саудовского ваххабизма [7, с. 56–67], но для этого нужно было обеспечить непосредственное втягивание советских вооруженных сил во внутриафганский конфликт. Американцы давно уже размышляли о своеобразном «Вьетнаме» для Советского Союза, с вытекающими отсюда последствиями. Такая возможность, наконец, представилась: гражданская война в Афганистане набирала обороты, а ее лидеры (Тараки и Амин) действительно неоднократно обращались к советскому руководству с просьбой о вводе войск в эту страну.

После долгих размышлений «кремлевские старцы» решились на отправку «ограниченного воинского контингента» в Афганистан. Скорее всего, в этом решении превалировали геополитические моменты, тем более что в феврале 1979 г. в соседнем Иране был свергнут шахский режим, союзник США в регионе, что давало поводы говорить об ослаблении американских позиций в регионе. Занять их советскому руководству так и не удалось, поскольку пришедшая к власти иранская муллократия вскоре заняла не только антиамериканскую, но и антисоветскую позицию. В такой динамично изменяющейся обстановке советское руководство, по-видимому, сочло необходимым предпринять активные действия на афганском направлении, перехватив у американцев стратегическую инициативу [8, с. 31–33]. В результате, досконально не просчитав все риски и не приняв во внимание исторические, внутриполитические, этноконфессиональные факторы, должным образом не спрогнозировав реакцию международного сообщества, 27 декабря 1979 г. в соседнюю, дружественную страну был осуществлен ввод советского «ограниченного воинского контингента».

Растянувшееся почти на девять лет советское военное присутствие в Афганистане (27 декабря 1979 г. – 15 февраля 1989 г.) имело геополитические последствия глобального масштаба, приведя в действие негативные внутриполитические процессы в Советском Союзе, одновременно ослабив его на мировой арене. Пришедшие в 1985 г. к руководству СССР партийные функционеры с «новым мышлением», инициировавшие пресловутую политику «перестройки», вскоре и вовсе привели к развалу великую страну.

Литература

1. Особенности национальных, родоплеменных отношений в Афганистане и его армии (пер. с дари). – Кабул: Изд-во ИОН ЦК НДПА, 1986. – 31 с.

2. Добаев И.П. Исламский радикализм в международной политике // Ростов-на-Дону: «Ростиздат», 2000. – 200 с.
3. Роль и место ислама в современном Афганистане (перевод с дари) // Кабул: Изд-во ИОН ЦК НДПА, 1986. – 42 с.
4. Добаев И.П., Мурклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев К.М. Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе: сравнительно-политологический анализ. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2010. – 186 с.
5. Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика // Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. – 80 с.
6. Добаев И.П. Исторические и доктринальные корни исламского радикализма, его современные проблемы и течения // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – № 2 (14).
7. Добаев И.П. Ваххабизм как социально-политический феномен в Саудовской Аравии и на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 2001. – № 3.
8. Добаев И.П. Кавказский макрорегион в фокусе geopolитических интересов мировых держав: история и современность // Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. – 208 с.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

2022.01.001. Дмитриева Е.Л.*

ДИНАМИКА РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ БАШКИР И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД. (Сводный реферат)

DOI: 10.31249/rimm/2022.01.03

1. Мигранова Э.В. Трансформация религиозного мировоззрения башкир // Ватандаш, 2021, № 1 (292). С. 120–125.
2. Габдрафиков И.М., Глуховцев В.О. Современное состояние гражданской идентичности в полиэтничном регионе России (на примере Республики Башкортостан) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021, № 4 (53). С. 101–107.

Ключевые слова: религиозное мировоззрение; ислам в Башкирии; гражданская и этническая идентичность; межнациональные отношения; религиозность населения.

Мигранова Э.В., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ИИЯЛ УФИЦ РАН, г. Уфа
Габдрафиков И.М., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ИЭИ им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН, г. Уфа

Глуховцев В.О., кандидат философских наук, доцент, Уфимский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, г. Уфа

* Дмитриева Е.Л., старший научный сотрудник, отдел Азии и Африки, ИИОН РАН, e-mail: eldmi@list.ru

Автор статьи Э.В Мигранова [1] для анализа процесса трансформации религиозного мировоззрения башкир использует данные двух этносоциологических опросов населения республики – в 1986 г. и в 2019–2020 гг. Были заданы примерно те же вопросы, что и в середине 1980-х годов.

Исследователь отмечает, что в последние десятилетия в РБ (Республике Башкортостан) произошло усиление позиций религии во многих сферах жизни и во всех половозрастных и социальных группах населения. В соцопросе 1986 г. незначительное количество башкир (5%) ответили, что соблюдают посты. В 2019–2020 гг. положительно на тот же вопрос ответили уже около 60% башкир. Увеличилось количество имеющих дома Коран, их стало почти 60% (в 1986 г. – 10,5%), а также количество знающих молитвы – 56,8 % (в 1986 г. – 9,6%). Почти в 2,5 раза больше оказалось тех, кто пользуется услугами священнослужителей – 82% (33,5% в 1986 г.). Многие из опрошенных отметили, что в жизни есть такие ситуации, в которых не обойтись без обязательного присутствия священнослужителя и чтения молитв. Мусульманство для башкир является не только религиозным, но и этноопределющим признаком.

Одной из главных причин усиления религиозного мировоззрения у башкир, по мнению автора, является поиск нравственных начал, во многом утраченных в период после раз渲ала СССР, при одновременном процессе дискредитации атеизма как мировоззрения, который ставился как бы вне культуры и часто преподносился как её антипод.

Автор полагает, что возрождению религиозного сознания способствовали следующие факторы: поддержка религиозных институтов со стороны государства, широкое распространение религиозной идеологии в СМИ, в том числе и в художественной форме, преподавание основ религиозных культур в школах и т.д. (выпуск духовной литературы и периодических изданий, функционирование религиозных веб-сайтов, проведение тематических семинаров, мероприятий, праздников). В РБ отмечаются «Курбан Халяль Fest», «Детский Курбан-байрам» и другие религиозные праздники, где принимают участие не только приверженцы ислама. В свою очередь, башкиры, наряду с православным населением республики, участвуют в праздновании Крещения, Рождества, Пасхи, в масленичных гуляниях, подтверждая тем самым, что эти мероприятия выходят за рамки одной религии и превращаются в площадки для общения и единения представителей многонационального и многоконфессионального населения республики.

В статье И.М. Габдрахикова и В.О. Глуховцева [2] анализируется современное состояние гражданской идентичности в Башкортостане на основе данных трех массовых опросов в 2013, 2014 и 2020 гг.

Данные первого опроса (2013) свидетельствуют: большинство жителей считают, что окружающие должны воспринимать их как граждан своей страны, а доля ответивших: «Как представителя своей этнической группы» незначительна. Для 21% респондентов на первом месте стоит региональная идентичность. Более 50% респондентов ответили, что Россия является для них тем государством, которое более всего подходит для реализации их жизненных планов, менее 1/3 ответили «другое государство», а 1/6 – затруднились с ответом. Более 80% респондентов не приходилось испытывать неудобства в связи с их национальностью, что говорит о высоком уровне межэтнической толерантности граждан Башкирии. По мнению авторов, в РБ сравнительно низки ксенофобские настроения: так, 78% респондентов ответили, что для них нет причин, по которым они могли бы быть против какого-либо определенного народа, а 80% респондентов – выступать против какой-то религии.

Во втором исследовании «Молодежь в полигэтнических регионах ПФО» (2014) данные по РБ формировались на основе массового опроса студентов. Итоги опроса показали: в студенческой среде Башкортостана доминирует общероссийская гражданская идентичность (понятие «Родина» 65% студентов региона связывают с понятием «Россия»). Патриотические чувства молодежи связаны в первую очередь с Россией. Интересен тот факт, что в ответах респондентов на вопрос о том, что могла бы позаимствовать современная Россия из предшествующих исторических периодов, на первом месте стоят упоминания о Советском Союзе периода И.В. Сталина и эпоха Российской империи. Представления о Родине заметно варьируются в зависимости от этнической принадлежности опрошенных, так, наибольшая доля отметивших вариант «Родина – это Россия» среди русских студентов (74%), среди студентов башкир – 61 и татар – 65%. В то же время в ответах «Родина – это мой регион» другая картина: башкиры – 58%, татары – 51, русские – 30%. Авторы констатируют: русская молодежь в вузах республики в большей степени, чем башкирская или татарская молодежь, ориентирована на общероссийскую идентичность, при этом башкиры – на свою республику, а у татар немного выше значимость локальной идентичности (город, район, село). На основе

итогов данного опроса исследователи также отмечают, что на формирование этнических стереотипов (в том числе и негативных) оказывают заметное влияние СМИ и социальные сети. Авторы считают, что студенческая молодежь недостаточно хорошо знает отечественную историю, так как знания главным образом черпаются из художественных фильмов, а не из учебных курсов, имеют фрагментированный характер, молодым людям не хватает системности в понимании прошлого России. Поэтому необходимы современные учебники, пособия и специальные программы по изучению многонациональной истории России для того, чтобы молодежь не была жертвой националистических заблуждений.

Данные третьего исследования «Этнический фактор в общественно-политической жизни регионов России: от этнополитической мобилизации к гражданской интеграции» (2020) показывают, что для жителей РБ доминирующей формой групповой идентичности является общероссийская гражданская идентичность. По мнению 75% респондентов, окружающие должны их воспринимать как граждан страны. Второе место занимает региональная идентичность – 17% ответили, что окружающие должны их воспринимать как жителей определенного региона. В ответах также прослеживаются этнические особенности: 80% русских считают, что окружающие должны воспринимать их как граждан страны, среди башкир таковых оказалось меньше – 71%, выбрали вариант «как жителей определенного региона» 15% русских и 24% башкир, а как представителей отдельной национальности — всего 8% русских и 24% башкир. Таким образом, в шкале ценностей граждан «своя национальность» и «своя вера» не превалируют. На вопрос: «Что может способствовать укреплению общероссийской гражданской идентичности, формированию российской нации?» – преобладают варианты, имеющие позитивный смысл: 64% – экономические успехи и повышение уровня жизни, на втором месте – укрепление международного авторитета России, далее – память о Победе в Великой Отечественной войне, государственные и культурные символы страны, спортивные достижения россиян.

В заключение авторы делают вывод, что население Республики Башкортостан имеет высокий уровень гражданской идентичности, которая для людей более значима, чем этнические и конфессиональные компоненты их самосознания.

Адиев А.З.* , Мусаева А.М. **
ПРОФИЛАКТИКА ТЕРРОРИЗМА
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ¹

DOI: 10.31249/rimm/2022.01.004

Аннотация. В статье отражен опыт последних лет в области профилактики терроризма в республиках Северного Кавказа, где на сегодняшний день наблюдается значительный спад террористической активности. На основе анализа данных исследования утверждается, что успех государства в предупреждении терроризма обусловлен повышением качества межведомственного и межсугорневого взаимодействия всех субъектов противодействия терроризму, ориентацией на адресную работу с категориями лиц, наиболее подверженных воздействию идеологии терроризма и экстремизма, а также вовлечением в эту деятельность широких общественных кругов. В статье также описаны некоторые проблемы в подходах и организации мероприятий по профилактике терроризма в ряде республик Северного Кавказа, и предлагаются для апробирования те решения, которые успешно практикуются в отдельных муниципальных образованиях и регионах.

Ключевые слова: национальная безопасность; Северный Кавказ; профилактика терроризма; противодействие идеологии терроризма; Национальный антитеррористический комитет; антитеррористическая комиссия; Дагестан; Ингушетия; Кабардино-Балкарья; Карачаево-Черкесия; Северная Осетия-Алания; Чечня.

Введение

В северокавказских республиках накоплен солидный практический опыт профилактики терроризма², основанного на идео-

* Адиев А.З., кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Региональный центр этнополитических исследований, ДФИЦ РАН, г Махачкала, e-mail: khalid_84@mail.ru

** Мусаева А.М., научный сотрудник, Региональный центр этнополитических исследований, ДФИЦ РАН, г. Махачкала

© Адиев А.З., Мусаева А.М., 2022

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31438.

² Не существует общепринятого определения понятия «терроризм». В контексте тематики нашего исследования «терроризм» представляет собой

логии радикального исламизма¹. В отчетах Национального антитеррористического комитета (НАК) России, интервью руководителей правоохранительных органов и глав северокавказских республик с каждым годом отмечается снижение в регионе количества преступлений террористической направленности, имеющих насильственный характер. Наглядным признаком стабилизации общественно-политической обстановки на Северном Кавказе является растущая популярность Дагестана, Ингушетии и Чечни для туризма, которые еще 5–10 лет назад воспринимались широкой общественностью как регионы, которые не стоит посещать из соображений безопасности. Позитивные изменения на Северном Кавказе во многом стали возможными благодаря повышению эффективности государства в противодействии терроризму. По заявлению представителя ФСБ России, в 2010–2020 гг. на стадии подготовки предотвращено более 170 террористических актов в различных регионах страны, их организаторы, исполнители и пособники задержаны, а оказавшие вооруженное сопротивление – уничтожены на месте [8, с. 28]. К настоящему времени здесь ликвидированы основные очаги террористической активности и все главари бандформирований, которые пытались навязать северокавказским региональным социумам свои псевдорелигиозные порядки². Успех государства в противодействии терроризму на Северном Кавказе обусловлен комплексным сочетанием силовых методов с несиловыми профилактическими мерами, направленными: на информационное и идеологическое противодействие терроризму; сокращение социальной базы сочувствующих террористическому подполью; устранение факторов радикализации местной молодежи и предупреждение вовлечения в террористическую деятельность лиц, наиболее подверженных воздействию идеологии терроризма. Все профилактические антитеррористические меры реализуются на Северном Кавказе системно под руководством НАК в рамках выполнения федерального, а также республиканских комплексных планов противодействия идеологии

метод достижения политических, идеологических и псевдорелигиозных целей насильственным путем.

¹ Исламизм – политическая идеология, которая призывает к установлению исламской системы правления путем прямого насиждения исламского религиозного права (шариата).

² Пятнадцать лет против террора // «Российская газета» от 10.03.2021 г. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/03/10/direktor-fsb-za-10-let-v-rossii-udalos-predotvratit-okolo-200-teraktov.html> (проверено: 20.10.2021).

терроризма. В реализации этих планов задействованы не только представители органов государственной власти и местного самоуправления (МСУ), но и научное сообщество, религиозные авторитеты и представители самых широких гражданских кругов. При этом, в каждой северокавказской республике имеются свои особенности в профилактической работе, обусловленные множеством внутренних и внешних факторов. Цель статьи – описать наработанный за последние годы опыт профилактики терроризма в республиках Северного Кавказа.

Эмпирическая база. Эмпирическую основу исследования составляют: республиканские и муниципальные комплексные планы и программы противодействия идеологии терроризма и экстремизма; протоколы заседаний антитеррористических комиссий в муниципальных образованиях северокавказских республик, опубликованные на их сайтах; материалы тематического обзора региональных общественно-политических печатных СМИ за 2010–2020 гг.; обзор материалов, размещенных в рубрике «Публикации» на официальном сайте НАК России; записи интервью с субъектами профилактики терроризма на Северном Кавказе, проведенные авторами в июле–ноябре 2021 г.

Проблема терроризма на Северном Кавказе

Проблема терроризма на постсоветском Северном Кавказе актуализировалась вскоре после проникновения в регион идеологии радикального исламизма, адепты которой прилагают свои усилия к свержению здесь конституционного строя государства и установлению теократического режима путем прямого насаждения исламского религиозного права (шариата). Процесс распространения на Северном Кавказе идеологии радикального исламизма в конце XX – начале XXI в. подробно исследован в работах российских исламоведов-кавказоведов [см., например: 1, 3, 5, 11]. Анализ литературы по данной теме выявляет терминологический плюрализм («исламский радикализм», «исламский экстремизм», «радикальный ислам», «радикальный исламизм», «религиозно-политический экстремизм», «салафитский джихадизм», «такфиризм» и др.), когда разные авторы пытаются обозначить идеологическую платформу экстремистских и террористических практик радикальных исламистов. Для сохранения в тексте терминологического единства при обозначении идеологической основы терроризма на Северном Кавказе мы будем использовать термин «радикальный исламизм».

Мусульманское духовенство северокавказских республик прозвало радикальных исламистов «ваххабитами», и это название прочно закрепилось за ними в публичном дискурсе, хотя сами они предпочитают называть себя «истинными мусульманами», «братьями», «салафитами», но не «ваххабитами». Пионерами радикального исламизма в регионе стали студенты и выпускники зарубежных исламских образовательных центров, подвергшиеся во время учебы за границей воздействию этих радикальных убеждений. Кроме них эту идеологию на Северном Кавказе распространяли и профессиональные проповедники так называемого «чистого ислама» из-за рубежа, в том числе посредством видеокассет с проповедями, религиозных газет, брошюр и прочей пропагандистской литературы. Как отмечал видный исследователь из Дагестана К.М. Ханбабаев, интерес к радикальному исламу инициировался религиозными центрами Саудовской Аравии, Пакистана, а также ряда арабских стран Персидского залива, рассматривавших Дагестан в качестве плацдарма для утверждения своего духовного и политического влияния на Северном Кавказе и других мусульманских регионах России [11, с. 284–285].

Специалист по исламу на Кавказе А.А. Ярлыкапов отмечает, что поначалу большинство северокавказских салафитов придерживалось мирной повестки дня и ограничивалось, в основном, прозелитической деятельностью [7, с. 306]. В 1990-е годы (вплоть до военных событий августа-сентября 1999 г.) салафитами в республиках Северного Кавказа была проявлена наибольшая активность по созданию всевозможных общественных движений, исламских политических партий, СМИ, издательств и типографий, благотворительных фондов, медресе, образовательных и культурных центров. И довольно быстро лидерские позиции среди так называемых «истинных мусульман» региона стали занимать радикально настроенные элементы, призывающие к активным действиям по установлению исламских порядков посредством насилия и захвата власти. К середине 1990-х годов в неподконтрольную официальным властям Чечню массово устремились иностранные боевики, имевшие военный и диверсионный опыт, резко выросли масштабы контрабанды оружия. Так, например, саудовский джихадист Хаттаб привлек в середине 1990-х годов значительные финансовые ресурсы и поддержку в сепаратистскую Чечню [14]. Как пишут исследователи из МГИМО: «*иностранные и местные джихадисты организовали в Южной Чечне военные и религиозные учебные лагеря с целью распространения вооружен-*

ного джихада на весь Северный Кавказ» [7, с. 306]. К ним примкнули проповедники радикального исламизма из соседних республик, призывавшие мусульман региона к вооруженному сопротивлению российским властям. Урус-Мартан, отмечает профессор В.Х. Акаев, «с лета 1998 года превратился в крупный центр ваххабизма в Чечне» [1, с. 160]. Исламисты пытались навязать мировой общественности восприятие своих действий в Чечне как «джихада», борьбы северокавказских мусульман с оккупантами. В некоторых селах Дагестана исламистам даже удалось установить свою систему правления, как, к примеру, в Карамахинских селах Буйнакского района республики, где с лета 1998 по осень 1999 г. просуществовал так называемый «ваххабитский» анклав. В этом же направлении дрейфовали и ряд других сельских общин Карабудахкентского, Кизильтортовского, Унцукульского, Цумадинского и др. районов Дагестана. А в Ингушетии, Северной Осетии-Алании, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии в процессе реисламизации среди местной молодежи стали появляться приверженцы радикальных взглядов в исламе.

Летом 1999 г. представители радикального крыла исламистов в Дагестане перешли к открытому вооруженному противостоянию с государством. Попытки насилиственного захвата власти в ряде сел Цумадинского района Дагестана, предпринятые исламистами в июле-августе 1999 г., не увенчались для них успехом. Тогда с целью оказания им поддержки с территории Чечни было совершено вторжение крупного отряда боевиков. После их разгрома российской армией на территории Дагестана осенью 1999 г. боевые действия возобновились в самой Чечне. Масштабные боевые действия в этой республике завершились в начале 2000-х годов полным военным поражением исламистов и сепаратистов. С завершением активной фазы военных действий в Чечне, многие отряды боевиков-сепаратистов, которые уже восприняли идеологию радикального исламизма, вступили на путь террористической войны с государством, расширив зону нестабильности до масштабов всего Северного Кавказа.

С середины 2000-х годов наметился рост активности террористического подполья не только в Чечне, но и в Дагестане, Ингушетии и Кабардино-Балкарии. Были совершены нападения больших групп бандформирований на Назрань (июнь 2004 г.), Грозный (август 2004 г.), Беслан (сентябрь 2004 г.), Нальчик (октябрь 2005 г.). В последующем боевики-исламисты, по всей видимости, в результате сокращения их возможностей, отказались

от прямых масштабных боестолкновений с силовиками и все чаще использовали тактику внезапных обстрелов и подрывов. Главной мишенью боевиков становились представители правоохранительных структур.

В ноябре 2007 г. лидер чеченских радикальных исламистов Д. Умаров провозгласил создание так называемого Кавказского эмирата (организация запрещена в РФ), и это стало последним шагом к преобразованию чеченского сепаратистского движения в северокавказский радикальный исламистский проект, являющийся частью «глобального джихада» [6, 14]. Начиная с этого момента основными очагами распространения терроризма на Северном Кавказе, по наблюдениям исследователей, остаются Дагестан и Ингушетия. Помимо внезапных вооруженных нападений на силовиков, в Дагестане участились случаи двойных взрывов (когда на место первого взрыва прибывали представители профильных служб и ведомств, террористами осуществлялся второй, более мощный взрыв), а также использования террористов-смертников¹. Статистика терактов в эти годы (2008–2012) настолько возросла, что побудила социолога С.Я. Сущего характеризовать северокавказское террористическое подполье словом *самовоспроизведимость* – способность к полному восстановлению понесенных кадровых, организационных, инфраструктурных и прочих потерь [9, с. 285]. И действительно, представители правоохранительных органов ежегодно отчитывались о ликвидации на Северном Кавказе сотен боевиков, предотвращении десятков терактов, однако оперативная обстановка в регионе продолжала оставаться крайне сложной.

Только с 2013 г. активность террористического подполья на Северном Кавказе начинает постепенно угасать. Некоторые исследователи связывают эти изменения с наступлением т.н. «арабской весны» и началом в 2011 г. войны в Сирии, куда устремились радикальные исламисты со всего мира, в том числе из регионов России, чтобы вести там «истинный джихад» [7, с. 308]. Исламисты из Северного Кавказа в 2013–2016 гг. массово отправлялись на Ближний Восток, где становились членами различных террористических группировок, главным образом «Исламского государства» (организация запрещена в РФ), которое в 2014–2016 гг. контролировало значительные территории Сирии и Ирака. Массовый отток

¹ Мустафаев Т. Опоясанные смертью // «Черновик» № 12 от 02.04.2010 г. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chernovik.net/content/respublika/orouyasannye-smertyu-0> (проверено: 10.10.2021).

исламистов на Ближний Восток, безусловно, отразился на общей ситуации в республиках Северного Кавказа. В первую очередь это ускорило процесс нормализации оперативной обстановки в регионе, поскольку из-за эмиграции так называемых «джихадистов», возможно, здесь не было проведено несколько сотен потенциальных контртеррористических операций по ихнейтрализации. Но «после этого» не значит «вследствие этого», и основной причиной улучшения общей ситуации с безопасностью на Северном Кавказе, на наш взгляд, является то, что государство постепенно научилось эффективно противодействовать терроризму. В конце концов, именно государственная политика тотального антитеррора вынудила радикальных исламистов искать другие территории для строительства своего «халифата», а не их отток стал первопричиной стабилизации обстановки на Северном Кавказе.

Тенденция снижения активности северокавказского террористического подполья, наблюдаемая с 2013 г., сохраняется по настоящее время. По данным директора ФСБ России А. Бортникова, за последние 10 лет не допущено около 200 терактов, а количество совершенных в России преступлений террористической направленности, носящих насильственный характер, т.е. взрывов, захватов заложников, убийств, снизилось за это время в 260 раз (с 779 в 2010 г. до 3 в 2020 г.)¹. Все это – результат последовательной и системной работы всех органов и уровней власти, а также негосударственных акторов, задействованных в профилактике терроризма.

Организационные основы профилактики терроризма в России

Современная система противодействия терроризму в России, которая, на наш взгляд, пока справляется со своей основной задачей, начала выстраиваться после кровавого теракта в Беслане (сентябрь 2004 г.), жертвами которого стали более трехсот человек, в том числе 186 детей. Этот теракт заставил руководство страны переосмыслить всю стратегию противодействия терроризму. Из узко-профильной задачи правоохранительных органов и спецслужб противодействие терроризму становится теперь общенациональным делом. С принятием в 2006 г. соответствующих нормативно-

¹ Пятнадцать лет против террора // «Российская газета» от 10.03.2021 г. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/03/10/direktor-fsb-za-10-let-v-rossii-udalos-predotvratit-okolo-200-teraktov.html> (проверено: 25.11.2021).

правовых актов¹ была создана качественно новая система противодействия терроризму под эгидой Национального антитеррористического комитета. В ее основе лежит идея о том, что все государственные органы и все уровни власти, а также само общество должны участвовать в противодействии терроризму.

НАК – коллегиальный орган, координирующий и организующий антитеррористическую (в том числе и профилактическую) деятельность органов государственной власти на федеральном уровне, на уровне субъектов РФ и органов МСУ. После принятия в 2009 г. «Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации» приоритетным направлением в указанной сфере деятельности все больше становится предупреждение (т.е. профилактика) терроризма, на что НАК постоянно обращает внимание участников антитеррористической борьбы [2, с. 5]. С 2014 г. решения НАК являются обязательными для исполнения органами власти, организациями и гражданами, а их неисполнение влечет административную ответственность.

На федеральном уровне, при координирующей роли НАК, к противодействию терроризму, наравне с правоохранительными органами и спецслужбами, подключились и гражданские ведомства. Например, Минобрнауки, Минпросвещения, Минкультуры, Росмолодежь и др. ведомства участвуют в реализации массовых мероприятий среди молодежи по противодействию идеологии терроризма и экстремизма; Росфинмониторинг занимается блокировкой финансирования терроризма; Минюст на основании судебных решений формирует федеральный перечень экстремистских материалов; Роскомнадзор содействует ограничению доступа к контенту экстремистского содержания в СМИ и сети Интернет.

В субъектах РФ координацию деятельности по профилактике терроризма территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (ТО ФОИВ), органов исполнительной власти субъектов РФ и органов МСУ осуществляют Антитеррористические комиссии (АТК), возглавляемые главами соответствующих субъектов РФ. К настоящему времени закреплена обязательность исполнения решений региональных АТК, а также введена ответственность должностных лиц за нарушение этого требования. Аппа-

¹ См.: ФЗ от 06.03.2006 №35-ФЗ «О противодействии терроризму»; Указ Президента РФ от 15.02.2006 №116 «О мерах по противодействию терроризму // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (проверено: 24.11.2021).

раты АТК в субъектах РФ координируют работу по профилактике терроризма на территории всего субъекта, внутри которого на уровне городских округов и сельских районов функционируют муниципальные АТК. На сегодняшний день конкретизированы полномочия органов МСУ по участию в профилактике терроризма и минимизации его последствий. Таким образом, система предупреждения терроризма в России охватывает все уровни власти и все административно-территориальные единицы внутри страны.

НАК разрабатывает пятилетние комплексные планы мероприятий в области борьбы с идеологией терроризма. На текущем этапе реализуется «Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы» (Комплексный план), целью которого является защита населения от пропагандистского воздействия международных террористических организаций (МТО), сообществ и отдельных лиц¹. Среди приоритетных направлений работ, предусмотренных в Комплексном плане, выделяются: 1) профилактическая работа с лицами, подверженными воздействию идеологии терроризма, а также поддавшими под ее влияние; 2) меры по формированию у населения страны антитеррористического сознания; 3) защита информационного пространства РФ от идеологии терроризма.

Опыт профилактики терроризма в северокавказских республиках

На основе положений федерального Комплексного плана и с учетом специфики самих республик субъектами антитеррора разрабатываются и выполняются региональные планы мероприятий по противодействию идеологии терроризма. Все ТО ФОИВ, органы исполнительной власти субъектов РФ и органы МСУ, в рамках своих функционалов, участвуют в реализации Комплексного плана и региональных планов; включают мероприятия по противодействию идеологии терроризма и экстремизма в свои ведомственные ежегодные планы работы.

¹ Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы (утвержден Президентом Российской Федерации 28 декабря 2018 г. № Пр-2665) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrortizma-v.html> (проверено: 24.11.2021).

В республиканские Комплексные планы, программы и подпрограммы по противодействию идеологии экстремизма и терроризма закладываются мероприятия: 1) индивидуально-профилактической работы с населением; 2) по созданию и распространению антитеррористического контента (наружная реклама, видеоролики и т.д.); 3) по повышению квалификации специалистов в сфере противодействия идеологии экстремизма и терроризма (курсы и семинары); 4) воспитательные мероприятия с участием молодежи (форумы, фестивали, слеты, уроки мужества, спортивные состязания, летние школы); 5) мероприятия научно-исследовательского характера (соцопросы, конференции, круглые столы); 6) поддержка деятельности граждан, общественных организаций, журналистов и СМИ в области противодействия идеологии терроризма и экстремизма (гранты, субсидии, конкурсы).

Обзор перечней конкретных пунктов, прописанных в республиканских планах мероприятий, показывает, что среди них есть оригинальные и, безусловно, полезные профилактические мероприятия. Вместе с тем некоторые из них носят откровенно декларативный и имитационный характер. В качестве недостатков многих региональных тематических планов и программ профессор И.П. Добаев отмечает тот факт, что «*эти меры, как правило, адресуются обычным законопослушным гражданам, далеким от идеологии и практики терроризма. Одновременно наблюдается явный дефицит предложений относительно уязвимых категорий молодых людей и носителей идеологии религиозно-политического экстремизма*» [2, с. 6.]. В стране действительно, как отмечает исследователь, развернута широкомасштабная информационно-пропагандистская деятельность: проводятся тысячи конференций и круглых столов; издаются сборники материалов, книги и брошюры; в СМИ продвигается масса тематических статей и видеосюжетов; изготавливается много наружной рекламы; снимаются фильмы и видеоролики на антитеррористическую тематику. Однако в различных регионах России (в том числе и на Северном Кавказе) все еще выявляются факты публичного оправдания и призыва к терроризму (в основном, посредством сети Интернет); финансирования различных МТО, а также вербовки их участниками новых сторонников, как среди российской молодежи, так и среди мигрантов (преимущественно из стран Центральной Азии и Южного Кавказа). Таким образом, очевидно, что эффект от некоторых антитеррористических информационно-пропагандистских

мероприятий не такой уж и впечатляющий, как расписывают разработчики программ и планов в разделе «ожидаемые результаты».

Вместе с тем, по оценкам опрошенных нами экспертов, в республиках Северного Кавказа за последние годы удалось существенно повысить эффективность межведомственного взаимодействия субъектов профилактики терроризма; улучшить контроль исполнения принимаемых НАК и региональными АТК решений и рекомендаций; организовать работу АТК в муниципальных образованиях, обеспечить для их работников курсы повышения квалификации; организовать адресную профилактическую работу в отношении лиц, наиболее подверженных воздействию идеологии терроризма.

Основными субъектами противодействия идеологии терроризма и экстремизма на региональном уровне являются органы исполнительной власти субъектов РФ, уполномоченные в сферах: образования; информации и печати; национальной политики, взаимодействия с НКО и реализации государственно-конфессиональных отношений; молодежной политики; культуры; спорта; труда и социальной защиты. Все они участвуют в реализации федерального и республиканских Комплексных планов по противодействию идеологии терроризма. Наравне с ними, в профилактической деятельности антитеррористического характера непосредственно участвуют представители различных общественных организаций, научного сообщества, СМИ и духовенства.

На муниципальном уровне, с учетом рекомендаций НАК России, аппаратов АТК в регионах, а также особенностей самих территорий, принимаются муниципальные программы профилактики террористических и экстремистских проявлений. В тех муниципалитетах, где уже многие годы сохраняется стабильная оперативная обстановка и почти отсутствуют категории лиц, являющихся объектами профилактического воздействия, соответствующие программы, как правило, нацелены на поддержание антитеррористической защищенности объектов с массовым пребыванием граждан и общую пропаганду среди населения межэтнической и межконфессиональной толерантности, неприятия экстремистских идеологий. В остальных муниципалитетах, помимо перечисленного, в тематические программы закладывается весь набор профилактических (в том числе и адресных) мероприятий.

Федеральное законодательство обязывает муниципальные власти принимать участие в профилактике терроризма и экстремизма. По мнению эксперта из Северной Осетии-Алании, органы

МСУ и образовательные учреждения сегодня являются основными субъектами противодействия идеологии терроризма, поскольку они наиболее близки к народу, взаимодействуют с органами власти, а также с общественными и религиозными объединениями, и поэтому имеют серьезный потенциал противодействия террористической и экстремистской деятельности [12, с. 70]. Соответственно, во всех муниципалитетах в северокавказских республиках созданы АТК и приняты тематические муниципальные программы.

При описании практики профилактики терроризма на муниципальном уровне интересен, в частности, опыт работы АТК города Хасавюрт (Дагестан). Комиссия города работает в соответствии с Планом мероприятий по реализации «Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы», республиканского Комплексного плана и соответствующей муниципальной программы, утверждаемой в начале каждого года. При городской АТК создана межведомственная лекторская рабочая группа из числа авторитетных специалистов, которая регулярно проводит встречи с молодежью в светских образовательных учреждениях и медресе. В форме дискуссии лекторы обсуждают с молодежью острые социально-политические, религиозные и нравственные проблемы. На этих занятиях представители хасавюртовской молодежи, не имеющие серьезного жизненного опыта, получают развернутые ответы на свои сложные мировоззренческие вопросы. Это, по мнению работников АТК Хасавюрта, способствует формированию у молодежи социального иммунитета к агрессивной экстремистской пропаганде¹. При АТК Хасавюрта работает также межведомственная рабочая группа, которая проверяет состояние антитеррористической защищенности социальных объектов, расположенных в черте города. По инициативе АТК город условно разбит на 20 микрорайонов, где созданы общественные советы из числа депутатов городского Собрания, имамов мечетей, участковых уполномоченных полиции, заместителей директоров школ и других авторитетных представителей власти и местного сообщества. Эти советы призваны участвовать в решении социально значимых вопросов и обеспечении правопорядка на закрепленных территориях.

¹ В Хасавюрте прошла встреча лекторской группы со школьниками // Официальный сайт муниципального образования «Город Хасавюрт» [Электронный ресурс]. URL: <https://xasavurt.ru/news/5645-v-hasavjurte-proshla-vstrecha-lektorskoy-gruppy-so-shkolnikami.html> (проверено: 24.11.2021).

Поскольку религия играет заметную роль в жизни горожан, на одном из заседаний муниципального АТК был выработан курс на сплочение всех исламских религиозных объединений в деле профилактики экстремизма и терроризма, который поддержали имамы всех 44 мечетей города. В результате здесь стал возможен диалог между представителями различных течений ислама. Кроме этого в Хасавюрте, по рекомендации аппарата АТК в Дагестане, учрежден Совет религиозных деятелей, окончивших исламские учебные заведения за рубежом. В настоящее время в Хасавюрте проживает несколько сотен таких выпускников. Основная задача Совета – оказание содействия в социальной, культурной и профессиональной адаптации упомянутой категории граждан к жизни на малой родине. С участием представителей данного Совета в городе регулярно проводятся семинары для лиц, получивших религиозное образование за пределами РФ и имеющих намерение заниматься религиозной деятельностью на территории республики в целях разъяснения им норм законодательства страны. Эти мероприятия реализуются с участием специалистов муниципальных учреждений, сотрудников правоохранительных органов, а также представителей муфтията Дагестана.

В Хасавюрте и приграничных сельских районах Дагестана было немало фактов вовлечения местной молодежи в террористическое подполье не только по убеждениям, а вследствие сложных жизненных обстоятельств или по легкомыслию. Помочь им вернуться к нормальной жизни призвана открытая в Хасавюрте по рекомендации АТК в Дагестане Комиссия по содействию возвращении и адаптации к мирной жизни лиц, решивших прекратить террористическую и экстремистскую деятельность. Работающие в этой Комиссии на общественных началах специалисты разного профиля (юристы, психологи, теологи) помогают юношам и девушкам, отказавшимся от экстремистской деятельности, а также их родственникам, пройти процесс социальной адаптации к новым для них жизненным обстоятельствам [10, с. 54]. В целом следует отметить, что деятельность АТК в Хасавюрте неоднократно была признана одной из лучших в Дагестане, поэтому опыт профилактики терроризма, накопленный в этом муниципалитете, заслуживает серьезного осмысления.

Субъектами профилактики терроризма и экстремизма на местах (АТК в МО) с определенной периодичностью направляются в аппараты региональных АТК отчеты о ходе выполнения мероприятий Комплексного плана с отражением в них: общей харак-

теристики обстановки в сфере противодействия идеологии терроризма; мер организационного характера, принятых в отчетный период; сведений о реализации профилактических мероприятий и достигнутых при этом результатах; проблем, выявленных в ходе реализации этих мероприятий и принятых мерах в целях их преодоления; предложений по повышению эффективности мероприятий (по пунктам Комплексного плана); статистических сведений об элементах оперативной обстановки; дополнительных материалов, могущих иметь значение для оценки деятельности в отчетный период. В дальнейшем сводная информация направляется региональными АТК в аппарат НАК России, где отчетные материалы внимательно анализируются, выявляются лучшие региональные и муниципальные практики и на основе этогорабатываются методические рекомендации по дальнейшему повышению эффективности профилактической работы на местах.

Немаловажную роль в повышении эффективности профилактической антитеррористической деятельности в северокавказских республиках играют консультативные и совещательные органы. Так, при аппаратах АТК в республиках СКФО РФ работают Экспертные советы по выработке информационной политики в сфере профилактики терроризма и экстремизма. Члены этих советов (ученые-гуманитарии, богословы, психологи, педагоги, юристы и др.) предварительно обсуждают и оценивают все материалы (учебные, методические, информационные, рекламные и т.д.), подготовленные субъектами антитеррора к тиражированию. Нередко подготовленные материалы, например, тематические видеоролики или баннеры, бракуются членами Совета как малоэффективные, некорректные или вовсе бесполезные.

Кроме того, в республиках действуют Экспертные комиссии / советы по оценке литературы, видео-аудио и других материалов религиозного содержания на предмет наличия в них элементов пропаганды экстремизма и / или терроризма. Члены такого совета при правительстве Ингушетии с определенной частотой проводят ревизию продукции книжных магазинов на территории республики, а также ведут разъяснительные беседы с продавцами и владельцами этих магазинов о необходимости тщательной проверки реализуемой продукции. До сведения коммерсантов доводится информация о наличии на сайте Минюста России поисковой страницы, на которой размещен полный федеральный перечень запрещенных экстремистских материалов. А в Дагестане аналогичная комиссия, в состав которой входят и представители муфтията рес-

публики, периодически проверяют религиозную литературу в магазинах, библиотеках, в том числе в библиотеках исправительных учреждений ФСИН России, расположенных в Дагестане, на наличие публикаций, включенных в федеральный список экстремистских материалов.

В условиях существенного снижения террористической активности на Северном Кавказе первостепенной задачей становится целенаправленная (адресная) профилактическая работа с категориями людей, наиболее подверженных воздействию идеологии экстремизма и терроризма. Как пояснили опрошенные на Северном Кавказе эксперты, это, прежде всего: лица, уже осужденные (отбывающие наказание) за преступления террористической направленности; бывшие (амнистированные) участники террористического подполья; члены семей лиц, выехавших на Ближний Восток для участия в деятельности МТО; лица, прошедшие обучение в зарубежных исламских учебных заведениях; ближайшие родственники (вдовы, дети)нейтрализованных, действующих или осужденных членов незаконных вооруженных формирований (НВФ) и их пособников; мигранты из стран с повышенной террористической активностью.

При поступлении информации о проживании на территории того или иного муниципального образования лиц из перечисленных категорий субъектами профилактики терроризма на местах разрабатываются планы-графики профилактических мероприятий с данными лицами и членами их семей; определяются формы и методы предстоящей работы и назначаются ответственные исполнители. Как отмечают специалисты из Кабардино-Балкарии, «*каждое профилактируемое лицо – это своего рода самостоятельный проект, требующий непрерывного сопровождения от склонения лица к отказу от противоправной деятельности до его полной адаптации к мирной жизни*» [4, с. 26]. При этом основными направлениями данной работы являются: социальная адаптация указанных категорий лиц; недопущение возобновления преступной деятельности; вовлечение искренне раскаявшихся бывших участников террористического подполья и их пособников в профилактическую работу по противодействию идеологии терроризма.

Особое внимание уделяется организации адресной работы с лицами из числа ранее судимых, отбывших и отбывающих наказание за совершение террористических преступлений, поскольку эта категория лиц представляет наибольшую опасность с точки зрения возможности возобновления преступной деятельности. Так, пред-

ставители АТК в Ингушетии, в ходе исследовательского интервью, рассказали о сотрудничестве с учреждениями ФСИН России, где отбывают наказание выходцы из республики, осужденные за преступления экстремистской и террористической направленности. Согласно договору о сотрудничестве, представители учреждений ФСИН России уведомляют аппарат АТК в Ингушетии о выходцах региона, отбывающих наказание по соответствующим статьям УК РФ за год до истечения сроков их заключения. В течение оставшегося времени представители АТК приезжают в эти учреждения ФСИН России; с каждым из осужденных, прописанных в Ингушетии, проводится индивидуально-профилактическая беседа, в ходе которой обсуждаются вопросы их адаптации к мирной жизни после освобождения, а также разъясняется ответственность за участие в экстремистской и террористической деятельности.

Аналогичным образом, согласно Комплексному плану, налажено сотрудничество ФСИН России с субъектами профилактики терроризма во всех остальных республиках Северного Кавказа. На подготовительном этапе до отбывающих наказание доводится информация о принимаемых в республиках мерах по социальной адаптации и оказанию искренне раскаявшимся содействия в решении различных вопросов: трудоустройство, получение дополнительного профессионального образования, материальная помощь, медицинское обследование и лечение, консультации юристов, психологов, мусульманских богословов и пр. Предполагается, что вследствие всех этих мероприятий у осужденных должны формироваться мотивы к отказу от возобновления преступной деятельности.

Практика показывает, что случаи рецидива, а также вовлечения в террористические сообщества лиц, осужденных по другим статьям УК РФ, представляют серьезную опасность. К примеру, 30 августа 2021 г. информационным агентством «ТАСС» сообщалось, что Южный окружной военный суд приговорил к 5,5 года колонии особого режима уроженца Дагестана, принимавшего участие в деятельности террористической организации, действовавшей в исправительном учреждении. Ранее сообщалось, что силовики раскрыли террористическую организацию, состоящую из отбывавших наказание в одном из учреждений ФСИН России на территории Калмыкии. В ходе обыска в помещениях колонии были обнаружены и изъяты экстремистская литература и символика МТО «Исламское государство» (запрещена в РФ). Уголовное дело

было возбуждено в отношении 22 лиц по ч. 1 и 2 ст. 205.4 УК РФ («Создание террористического сообщества и участие в нем»)¹.

В целях недопущения распространения идеологии терроризма в учреждениях уголовно-исполнительной системы субъектами профилактики терроризма разрабатываются совместные с администрациями учреждений ФСИН России планы воспитательных мероприятий; создаются информационные массивы (библиотеки, подборки видеофильмов и аудиопрограмм) антитеррористической направленности и обеспечивается их доведение до «профилактируемых» лиц; проводится работа по выявлению лиц, распространяющих террористическую идеологию, и пресекается их противоправная деятельность.

После освобождения объектов профилактики из учреждений ФСИН России контакты с ними не утрачиваются. В дальнейшем работниками АТК в регионах изучаются их социально-бытовые проблемы, вопросы занятости и жизнеобеспечения, а также планы на будущее. В процессе ресоциализации лиц, осужденных и отбывших наказание за преступления террористической направленности, большое внимание уделяется их вовлечению в культурно-массовые, спортивные, патриотические и др. общественные мероприятия.

Аналогичным образом в северокавказских республиках ведется работа с лицами, добровольно отказавшимися от участия в деятельности террористических и экстремистских организаций, от пособничества НВФ. Лица указанной категории, их родственники, а также родственники действующих, осужденных или убитых членов НВФ привлекаются к созданию информационных материалов (videorоликов, интервью с рассказом личного трагического опыта) в области противодействия идеологии терроризма.

В целях защиты населения (прежде всего молодежи) от идеологического воздействия террористов, в северокавказских республиках практикуется сотрудничество аппаратов региональных и муниципальных АТК с местным мусульманским духовенством. Муфтияты северокавказских республик проводят огромную работу в области противодействия идеологии терроризма; разъясняют молодежи основы религии, ее несовместимость с идеологией

¹ Участник террористической организации в ИК в Калмыкии приговорен к 5,5 года колонии // ИА «ТАСС». Опубликовано: 30.08.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/proisshestviya/12254393> (проверено: 02.09.2021).

и практикой терроризма. Как отмечает специалист из Северной Осетии-Алании, в мероприятиях по противодействию идеологии терроризма важная роль отводится духовенству, и мусульманские общины республики реализуют с каждым годом все больше значимых и социально ориентированных акций, принимают активное участие в проведении просветительских встреч с верующей молодежью [13, с. 20]. Наиболее системно это осуществляется в Дагестане, где у муфтията республики есть специализированное подразделение (отдел просвещения), работники которого непосредственно участвуют в мероприятиях в области противодействия идеологии терроризма; ведут YouTube-канал и аккаунты муфтията в социальных сетях. Имамы сельских и городских мечетей, аффилированные с духовенством республики, не только участвуют в тематических мероприятиях, проводимых органами исполнительной власти республики и АТК в муниципальных образованиях, но и самостоятельно работают в этом направлении при координирующей роли отдела просвещения муфтията Дагестана.

В последнее время муфтият Дагестана, руководство которого представлено в основном суфиями орденов (тарикатов) на-кшбандия, кадирия и шазилия, существенно расширил географию своего влияния внутри республики, и к настоящему времени представители этой централизованной религиозной организации есть во всех муниципальных районах Дагестана. Вместе с тем ислам в Дагестане (как и в других республиках Северного Кавказа) весьма мозаичен и не ограничивается только суфизмом, а черно-белый подход в выстраивании государственно-конфессиональных отношений, основанный на разделении мусульман на «традиционистов» и «не традиционистов», не совсем отвечает духу времени. Как отмечает исламовед И.П. Добаев, *«росту религиозно-политического экстремизма на Северном Кавказе способствует не только глубокий кризис всех светских идеологий нынешнего периода, но и идеологических основ традиционного в регионе ислама, нуждающегося в коренной модернизации»* [2, с. 8]. В 1990-е годы руководство страны, отмечает автор, возлагало большие надежды на авторитет представителей традиционного, официального ислама, но социальная отчужденность и политическая пассивность «официального ислама», с его теоретической слабостью, на деле усилила шансы исламистов в идейной схватке за мусульманскую молодежь. В целом, считает И.П. Добаев, проповедь «официального ислама» оказалась малоэффективной в противостоянии с человеконенавистнической идеологией радикальных исламистов. Од-

нако в мероприятиях органов власти по противодействию идеологии экстремизма и терроризма в Дагестане (за редким исключением отдельных муниципалитетов) по-прежнему задействованы только представители официального духовенства. Соответственно, ресурс имамов и других исламских религиозных авторитетов не из числа суфииев почти не используется в Дагестане для защиты мусульманского населения от пропаганды террористов. В то же время, например, в Ингушетии, как сообщил в ходе беседы представитель республиканского АТК, в профилактических мероприятиях по противодействию идеологии терроризма участвуют имамы всех мечетей, зарегистрированных на территории республики, безотносительно их принадлежности к тому или иному религиозному течению в исламе. В целом на Северном Кавказе, даже с учетом выше обозначенных проблем, мусульманское духовенство проводит огромную повседневную работу, направленную на защиту местной молодежи от пропагандистского воздействия террористов, которую не могут выполнять администрации образовательных учреждений, аппараты республиканских и муниципальных АТК.

Заключение

Изученные нами практики предупреждения терроризма в республиках Северного Кавказа позволяют в целом положительно оценивать весь комплекс работ, осуществляемых сегодня субъектами профилактики терроризма. К настоящему времени произошло существенное снижение террористической активности, сформировалась общенациональная система противодействия терроризму, приняты адекватные имеющимся угрозам и вызовам антитеррористические нормативно-правовые акты и документы концептуального содержания. Успехи последних лет в деле профилактики терроризма, очевидно, связаны с повышением эффективности межведомственного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти под эгидой НАК России; со слаженностью работы всех субъектов антитеррора на уровне регионов РФ, где в аппаратах АТК в республиках анализируется соответствующая работа в муниципалитетах, оперативно выявляются и устраняются ошибки, изучаются лучшие практики. Это и результат более активного участия в профилактике терроризма представителей научного общества, общественных и религиозных организаций. Реализуемые в рамках Комплексного плана адресные профилактические мероприятия, направленные на отдельные категории людей, наи-

более подверженных воздействию идеологии терроризма, очевидно, способствуют предупреждению возобновления ими преступной деятельности и в определенной степени препятствуют вовлечению в ряды террористических организаций новых сторонников. Разумеется, угрозы терроризма, хоть и существенно снизились, никуда не исчезли. По-прежнему наблюдаются попытки вовлечения россиян и мигрантов в террористическую деятельность, активно ведется террористическая пропаганда в социальных сетях и мессенджерах. Поэтому очень важно, в зависимости от появления новых или утраты актуальности старых угроз, адекватно корректировать и профилактическую антитеррористическую работу.

Литература

1. Акаев В.Х. Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2011. – 208 с.
2. Добаев И.П. Основные направления усиления противодействия терроризму в молодежной среде России в идеологической сфере // Россия и мусульманский мир. 2018. № 3 (309). С. 5–14.
3. Добаев И.П. Северный Кавказ: процесс «растекания джихада» // Россия и мусульманский мир. 2009. № 9. С. 50–61.
4. Каширов З.К., Уначев А.Х. Об опыте работы антитеррористической комиссии в Кабардино-Балкарской Республике по организации адресной профилактической работы с категорией лиц, наиболее подверженных идеологии терроризма // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2018. № 2 (19). С. 25–29.
5. Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе: идеология и практика (на материалах Республики Дагестан) / Отв. ред. И.П. Добаев. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2006. – 156 с.
6. Пащенко И.В. Экспорт джихадизма на Северный Кавказ: к истории вопроса // Новое прошлое. 2017. № 4. С. 190–202.
7. Саграмосо Д., Ярлыков А.А. Джихадистское насилие на Северном Кавказе. Политические, социальные и экономические факторы // Кавказский сборник. – М.: «Аспект Пресс», 2021. С. 305–326.
8. Седов А.С. ФСБ России в борьбе с терроризмом в 2006–2020 годах // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2021. №1 (25). С. 27–29.
5. Сущий С.Я. Северный Кавказ: реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 432 с.
6. Умаров Х.Г. Опыт работы антитеррористической комиссии в МО «город Хасавюрт» по дерадикализации подрастающего поколения // Терроризм как угроза межнациональному миру и согласию. – Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Махачкала, 24 декабря 2015 г.). – М.: Парнас, 2015. – С. 50–54.
7. Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм в России: состояние и проблемы. – Махачкала: Изд-во «Лотос», 2010. – 720 с.

8. Цаллагов А.А. Национальная безопасность: формы противодействия экстремизму и терроризму в Республике Северная Осетия-Алания // Профилактика экстремизма и терроризма на национальной и религиозной почве. – Сборник научных докладов по материалам научно-практической конференции. 30 октября 2019 г. – Владикавказ, 2019. С. 51–75.
9. Цаллагов А.А. Опыт противодействия распространению идеологии терроризма в Республике Северная Осетия – Алания // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2019. № 2 (22). С. 19–25.
10. The North Caucasus: The Challenges of Integration (II), Islam, the Insurgency and Counter-Insurgency. – Crisis Group Europe Report №221, 19 October 2012. – 37 p.

*Статья предоставлена авторами для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

Ниязи А.Ш.*

УЗБЕКИСТАН: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ВОДНОГО И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

DOI: 10.31249/rimm/2022.01.05

Аннотация. Ситуацию с дефицитом водно-земельных ресурсов в Узбекистане нельзя назвать критической, но она близка к ней. В условиях растущей нехватки воды и плодородных земель в республике осуществляются и планируются достаточно действенные меры по их сбережению. Они соразмерны возможностям государства. Закладывается запас прочности от неминуемого воздействия негативных природных явлений, связанных с изменением климата. Тем не менее остается неясным, как собственными силами можно остановить рост дефицита воды и сельхозугодий, одновременно увеличивая рост потребления и выпуска продукции на фоне высоких темпов рождаемости и нерешенности водно-земельных проблем с соседями. Впрочем, такая головоломка встает перед всеми государствами Центральной Азии.

Узбекистан первым в регионе ЦА всерьез взялся за внедрение технологий по адаптации к последствиям изменения климата, накапливая для этого собственные средства и привлекая международную финансово-техническую помощь. Ему удалось закрепить за собой лидерство сре-

* Ниязи А.Ш., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт восстоковедения РАН, e-mail: aziz.niyazi@mail.ru

© Ниязи А.Ш., 2022

ди государств ЦА в планировании и реализации проектов по рациональному использованию водных и земельных ресурсов, которые помогут в дальнейшем в адаптации к грядущим климатическим изменениям. Но это лишь тактика отдельной страны при отсутствии общей региональной стратегии. Учитывая факторы неопределенности, связанные с региональной интеграцией и изменчивостью климата в долгосрочной перспективе, сейчас сложно дать ответ, насколько Узбекистану удастся решить проблему водообеспеченности и продовольственной безопасности в будущем. Без выработки общей водно-энергетической политики страны ЦА ждут серьезные испытания, вплоть до тяжелых социальных потрясений, внутренних и межгосударственных конфликтов.

Ключевые слова: Центральная Азия; Узбекистан; водное хозяйство; сельское хозяйство; водно-земельные ресурсы; изменение климата; социально-экологический кризис; конфликты.

В последние годы водно-земельная проблема в Узбекистане заметно обострилась. С советского периода она носит комплексный характер. Нарастающий дефицит водных и земельных ресурсов порожден прежде всего колоссальными издержками в системе орошения, сохранением экологически вредных технологий в сельском хозяйстве, растущим промышленным и демографическим давлением на окружающую среду. С переходом на капиталистические рельсы развития, начиная с 90-х годов влияние этих факторов только увеличивалось. При этом нарастание серьезнейших проблем в водном и сельском хозяйствах республики оказалось подстегнуто ускоряющимися климатическими изменениями, происходящими в последнее время по всей Центральной Азии.

На протяжении десятилетий примерно 90% потребляемой воды в Узбекистане приходилось на орошающее земледелие. По данным Министерства водного хозяйства республики, в 2020 г. орошающее земледелие, как и прежде, забирало 90% от общего объема потребляемой воды всеми отраслями экономики¹. При этом крайне расточительные оросительные технологии ведут не только к огромным непродуктивным потерям воды, но и одновременно к деградации почв – их засолению и эрозии. Земля деградирует из-за чрезмерного полива и затопления полей или долговременного от-

¹ Из общего объема используемой воды в 2019 г. на коммунальное хозяйство приходилось 4,2%, на энергетику – 2,3, промышленность – 1,3, рыболовство – 1,2, другие отрасли – 1%. Министерство водного хозяйства Республики Узбекистан [Электронный ресурс] URL: <https://water.gov.uz/ru> (дата обращения: 04.07.2021).

существия их рекультивации. Вследствие износа мелиоративных и ирригационных сетей, отсутствия должного учета в водопотреблении, дефицит воды на орошаемых территориях из года в год увеличивается.

Официально признаётся, что срок службы большинства объектов инфраструктуры водного хозяйства превышает 50–60 лет, а их техническое состояние постоянно ухудшается. В частности, 66% каналов системы ирrigации имеют земляное русло, потеря воды в них за счет фильтрации остается высокой. 77% каналов системы ирrigации требуют ремонта и восстановления, 20% – реконструкции. Основная часть действующих лотковых сетей служит более 30 лет, вследствие непроведения в свое время ремонтных работ и истечения срока службы 70% из них требуют замены или реконструкции. В большинстве случаев места водозабора не оборудованы средствами управления и учета воды. Коэффициент полезного действия системы ирrigации и оросительных сетей в среднем составляет 0,63 (при нормативе 0,7), в ряде регионов – ниже данного показателя¹.

Важной составляющей водных ресурсов служат возвратные воды от орошения, так как более половины их объема снова поступает в реки. Согласно оценкам узбекистанских экспертов, суммарный объем возвратных вод составляет около 35 км³ в год, из них 65% приходится на бассейн реки Сырдарьи и 35% – Амударьи, что обусловлено большими фильтрационными потерями из каналов и с полей орошения. К тому же качество возвратных вод представляет серьезную угрозу для водных ресурсов и наземных экосистем. В целом в оросительных сетях теряется 35–40%, добываемой из основных источников воды.

Разрушение коллекторно-дренажных сетей, ненормированное орошение приводят к поднятию уровня грунтовых вод и засо-

¹ Здесь и далее, если ссылки по текущей статистике и расчетам на будущее отсутствуют, это означает, что данные приводятся на основе государственных документов Республики Узбекистан: Концепция развития водного хозяйства Республики Узбекистан на 2020–2030-е годы. (Национальная база данных законодательства при Министерстве юстиции Республики Узбекистан, 11.07.2020 г., № 06/20/6024/1063). [Электронный ресурс] URL: <https://lex.uz/docs/4892946> (дата обращения: 01.07.2021); Стратегия развития сельского хозяйства Республики Узбекистан на 2020–2030 годы. [Электронный ресурс] URL: (дата обращения: 07.04.2021); Концепция охраны окружающей среды Республики Узбекистан на период до 2030 года. [Электронный ресурс] URL: <https://regulation.gov.uz/oz/document/3920> (дата обращения: 12.12. 2020).

лению земель. Наряду с этим деградация почв часто связана с отсутствием необходимого севооборота и оптимальной зяблевой пахоты. Несоблюдение требований по возделыванию сельскохозяйственных культур и неконтролируемое использование удобрений приводят к нарушению почвенно-экологических условий.

На большей части территории Узбекистана широко распространены эрозионные процессы. Они продолжают развиваться, что является одним из признаков подверженности экосистем опустыниванию. Так, из 27 млн га угодий процессу эрозии в различной степени подвержены 25 млн га (92,6%), в поливной зоне из 3,8 млн га эрозии подвержены 2,7 млн га. Водная эрозия развита на площади более 1 млн га пахотных земель, более 50% орошаемых земель подвержено вторичному засолению, их мелиоративное состояние ухудшается. 45,3% орошаемых земель республики имеют разную степень засоления, из них: 2% – сильнозасоленные, 12,2 – среднезасоленные, 31,1% – слабозасоленные. Площадь орошаемых земель, уровень грунтовых вод которых находится до от 0 до 2 м от поверхности земли, составляет порядка 30%. Хотя в последние годы в рамках государственных программ было улучшено мелиоративное состояние примерно 1,7 млн га земель, на 560 тыс. га уровень обеспечения водой остается низким, а 298,5 тыс. га орошаемой земельной площади оказались выведены из оборота.

Площадь орошаемых земель в стране составляет примерно 4,3 млн га¹, и вопрос об их сохранении наряду с рациональным использованием водных ресурсов становится крайне актуальным. В этом отношении достигнут определенный прогресс. По данным Минводхоза Узбекистана, количество воды, потребляемой на 1 га в 1991 г., составляло 18 тыс. кубометров, а в 2019 ее использовалось намного меньше – 10,2 тыс. кубометров на 1 га. На протяжении 2008–2017 гг. достигнуто улучшение водоснабжения более 1,7 млн га орошаемых площадей, улучшено мелиоративное состояние 2,5 млн га земель². По нарастающей вводятся передовые технологии полива, к примеру капельное орошение с 2013 по

¹ Информация по реализации мероприятий по улучшению мелиоративного состояния орошаемых земель на период 2019–2020-е годы. Министерство водного хозяйства Республики Узбекистан. [Электронный ресурс] URL: <https://water.gov.uz/ru/doc/1561351501/1563283611> (дата обращения: 04.07.2021).

² Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по эффективному использованию земельных и водных ресурсов в сельском хозяйстве». Дата регистрации: 2019-06-17 | Номер: УП-5742. <https://lex.uz/ru/docs/4378524> (дата обращения: 04.10.2021).

2019 г. было внедрено на 77 440 га¹. В 2020 г. водосберегающие технологии были внедрены дополнительно на площади 133 тыс. га². По прогнозу на 2021 г. они должны быть размещены на площади в 430 000 га, из них капельное орошение на 210 739 га³. Тем не менее такую положительную динамику трудно назвать переломной, в целом ситуация остается настораживающей.

Надо признать, что в нынешний период Узбекистан предпринимает серьезные усилия по сохранению водно-земельных ресурсов и их рациональному использованию. В последние два года в республике начали осуществляться некоторые кардинальные меры по одновременной модернизации водного и сельского хозяйства. По сути проводятся реформы по постепенной перестановке этих отраслей экономики на рыночные рельсы.

Сложившаяся в стране в постсоветский период система управления водным и сельским хозяйством малоэффективна. Ее функции рассредоточены по множеству ведомств, координация между ними слабая, зачастую они дублируют работу друг друга. Материально-техническая база организаций, отвечающих за сохранение водно-земельных ресурсов, до сих пор финансируется преимущественно из государственного бюджета и остается низкой. Широкое внедрение водосберегающих технологий сдерживается неэффективной системой покрытия расходов по водообеспечению в сельском хозяйстве. В управлении водообеспечением аграрного сектора, как и всем сельским хозяйством в целом, пока доминируют нерыночные методы.

С целью сокращения потерь в водном и сельском хозяйстве в стране взят курс по постепенному переходу от использования административных методов государственного регулирования в этих сферах к расширению рыночных механизмов. В агропроизводстве и водном хозяйстве развивается государственно-частное партнерство. Реформа управления водными ресурсами предусматривает расширение доли негосударственного финансирования сек-

¹ Министерство водного хозяйства Республики Узбекистан [Электронный ресурс] URL: <https://water.gov.uz/ru> (дата обращения: 09.08.2021).

² Постановление Президента Республики Узбекистан о мерах по дальнейшему ускорению организации внедрения водосберегающих технологий в сельском хозяйстве. 11 декабря 2020 г., № ПП-4919. г. Ташкент. С. 1.

³ Прогнозные показатели по внедрению водосберегающих технологий в 2021 году. Приложение № 1 к постановлению Президента Республики Узбекистан от 11 декабря 2020 года № ПП-4919. (*Национальная база данных законодательства, 12.12.2020 г., № 07/20/4919/1616*). С. 1.

тора за счет поэтапного перехода на оплату услуг по доставке воды, передачи хозяйственных функций по управлению межхозяйственной инфраструктурой в аутсорсинг негосударственным структурам. Увеличение размеров финансирования в этом секторе идет за счет привлечения частных инвестиций, в том числе иностранных, а также кредитов и грантов международных финансовых институтов и зарубежных стран.

В связи с этим скорее всего будет сокращаться количество ассоциаций водопотребителей (АВП), действующих на низовом уровне. Они создавались с целью содействия государственным организациям в осуществлении мероприятий по рациональному использованию водных ресурсов. Эту функцию они выполняют слабо. К тому же они так и не стали устойчивыми структурами самоуправления водопотребителей. В первую очередь причина такой ситуации кроется в низком уровне сборов, связанном с их некачественными услугами. Между фермерами и дехканами, с одной стороны, и ассоциациями – с другой, нередко возникают конфликты из-за неправильного учёта расходования воды на границе водопотребителей.

Считается, что функции по надлежащему обслуживанию оросительных систем и внедрению передовых водосберегающих технологий способны более эффективно выполнять активно создающиеся в последнее время сельскохозяйственные кластеры¹. В Узбекистане формируются кластеры разного направления: зерновые, мясомолочные, плодовоовощные, садоводческие, семеноводческие, но наиболее крупные из них – хлопково-текстильные. Они обладают широкими инвестиционными возможностями по внедрению передовых технологий в том числе и в водопользовании². В республике действует около 120 хлопково-текстильных класте-

¹ Эти агропромышленные объединения представляют единую технологическую цепочку комплекса предприятий, охватывающую все циклы производства от выращивания сырья, его переработки до изготовления конечного продукта и его реализации.

² За последние годы узбекский текстильный бизнес значительно нарастил производственные мощности по переработке хлопкового сырья в готовую продукцию, стал обладать солидным капиталом. Текстильные предприятия начали непосредственно участвовать в выращивании хлопка. Хлопково-текстильные кластеры арендуют земли у государства под выращивание хлопка, а также заключают договора на его поставку с фермерскими хозяйствами.

ров¹. Притом что на их полях отмечается повышение урожайности, остается неясным, насколько бережно они используют водно-земельные ресурсы. Пока такие данные не обнародуются. Понятно, что в целях увеличения прибыли, крупные частные компании могут нарушать нормы водо- и землепользования. К тому же существуют опасения, что они будут вытеснять и поглощать фермерские хозяйства.

С 2020 г. в Узбекистане отменен государственный заказ на заготовку хлопка. Его закупки производятся по рыночной цене. Также отменена принудительная система по его сбору. С 2021 г. отменен госзаказ на выращивание пшеницы. Пересматривается система финансирования сельского хозяйства. Поставлена задача невмешательства государства в ценообразование в этом секторе экономики.

Намечается существенное увеличение госрасходов на модернизацию и строительство объектов водного хозяйства, научные исследования, опытно-конструкторские разработки, внедрение передовых водосберегающих технологий и подготовку высококвалифицированных специалистов. Ставится амбициозная задача – создать интегрированное управление водными ресурсами с полным охватом их использования, потребления и распределения между водоснабжением населения, отраслями экономики и природной средой². Внутренний потенциал по модернизации водного и сельского хозяйства подкрепляется серьезным инвестированием в них не только со стороны государства, но и частного капитала.

Дорогостоящие, ресурсоемкие и технологически сложные модернизационные проекты в водном и сельском хозяйстве невозможно воплотить в жизнь без привлечения зарубежной помощи. Для их реализации устанавливается тесное сотрудничество национальных научно-исследовательских институтов с зарубежными и международными научно-исследовательскими организациями. В ведущих зарубежных компаниях готовятся национальные кадры. В министерства и ведомства приглашаются высококвалифициро-

¹ [Электронный ресурс] URL: <https://review.uz/post/vstuplenie-prezidenta-shavkata-mirziyoyeva-na-seremonii-posvyashennoy-30-letiyu-nezavisimosti-uzbekistana> (дата обращения: 27.09.2021).

² Такая система предусматривает поэтапное внедрение мониторинга водных объектов с помощью цифровых технологий и создание единой информационной базы по всем водным ресурсам. Комплексное планирование по их развитию будет учитывать сохранение экологического баланса в окружающей среде и факторы изменения климата.

ванные иностранные ученые и инженерно-технические специалисты. Ставится задача по ускорению привлечения грантовых средств, кредитов и технической помощи международных финансовых институтов и зарубежных государств. Узбекистан уже заметно преуспел в этом направлении. В целом в сельское хозяйство вместе с проектами по рациональному использованию водных ресурсов в страну удалось привлечь более 3,5 млрд долл. США в виде инвестиций, кредитов и грантов¹.

Анализ предпринимаемых и планируемых до 2030 г. мер по водосбережению и модернизации сельского хозяйства показывает, что страна может добиться в намеченные сроки поставленных целей. Тем не менее собственные усилия республики не решат проблему ее водной и, соответственно, продовольственной безопасности. Сохраняется угроза возникновения острого дефицита воды в будущем. Серьезные риски связаны с неурегулированностью вопросов трансграничного водопользования на фоне климатических изменений². Страны нижнего течения используют воду преимущественно для орошения земель и нуждаются в максимальном поступлении воды в летний период, в то время как страны верховий

¹ Трансформация сельского хозяйства 2030. Стратегия развития сельского хозяйства Республики Узбекистан на 2020–2030-е годы. Ташкент. С. 33. Примеры освоения зарубежных средств по проектам приведены в Информации по освоению в 2017 г. иностранных кредитов под гарантию Правительства Республики Узбекистан. Министерство сельского хозяйства Республики Узбекистан. 31.01.2018. https://agro.uz/ru/information/about_agriculture/429/ (дата обращения: 14.10.2021).

² В Узбекистане на долю трансграничных рек приходится примерно 80% от общего объема потребляемых водных ресурсов. Поливное земледелие республики крайне зависимо от водоспусков из Киргизии и Таджикистана. В советское время республики верховий поставляли воду в необходимые периоды для аграриев низовий и взамен получали углеводородные энергоносители. Возвведение водохранилищ и выработка электроэнергии тогда планировались во взаимоувязке с развитием аграрного сектора по всему региону – эксплуатация гидроэлектростанций и водохранилищ была соразмерена с ирригационным режимом. Единая водно-энергетическая система гарантировала сбалансированное экономическое развитие всех пяти среднеазиатских республик. С распадом Советского Союза она исчезла. Получив независимость, центральноазиатские государства начали на свое усмотрение решать собственные экономические проблемы, исходя из наличия имеющихся ресурсов. Киргизия и Таджикистан, обладающие скучными залежами газа и нефти, сделали ставку на увеличение гидроэнергетических мощностей, что со временем привело к изменению водного баланса на региональном уровне. Были нарушены согласованные режимы и величины пусков воды для стран, расположенных ниже по водотоку, – Узбекистана, Казахстана и Туркменистана.

с целью увеличения выработки электричества заинтересованы в максимальном сбросе воды в энергодефицитное зимнее время. В такой ситуации участились случаи нехватки воды для ирригации, особенно в систематически повторяющиеся маловодные годы и периоды засух. Зимой излишний сброс воды из водохранилищ верховий начал приводить к подтоплению территорий в низовьях.

Узловые сложности в удовлетворении спроса со стороны конкурирующих стран ЦА на поставки воды сохраняются. С целью их поэтапного преодоления узбекской стороной выдвигается ряд мер, направленных на осуществление межгосударственного сотрудничества в сфере использования трансграничных водных ресурсов. Пока речь идет не о создании единого надгосударственного органа управления водно-энергетическими ресурсами ЦА, а о разработке и применении принципов и механизмов интегриированного управления трансграничными реками, нахождении компромиссных решений водопользователями, расположенными выше и ниже по их течению. Активность Узбекистана в этом направлении в последнее время заметно возросла, и его позиции скорее всего будут оказывать все более существенное влияние в вопросах деления трансграничных вод и их рационального использования.

Вопрос о едином комплексном управлении водными ресурсами региона остается открытым. Его актуальность возрастает по мере усиления влияния климатических изменений. Тем временем Узбекистан выходит в региональные лидеры по решению проблем водопользования с учетом климатического фактора. Он демонстрирует серьезное стремление к адаптации сельского и водного хозяйства к грядущим аномальным природно-климатическим стрессам. Теперь стратегические правительственные документы, относящиеся к проблематике охраны окружающей среды и рациональному использованию водно-земельных ресурсов, обязательно включают разделы по учету меняющегося климатического воздействия. В Центральной Азии оно, по всей видимости, начинает приобретать угрожающие масштабы. Среднегодовая температура здесь только за последние 30 лет выросла примерно на один градус. Для сравнения – примерно на столько же – $1,1^{\circ}\text{C}$ увеличился с доиндустриального периода до наших дней среднегодовой показатель потепления по всей Земле¹. Если за последнее десятилетие (2010–2019) усредненная приземная температура нашей планеты росла со

¹ Для удобства берется усредненная температура за период с 1850 по 1900 г., который обозначается как «доиндустриальный».

скоростью 0,2°С, то в Узбекистане средние темпы ее роста за этот период составили 0,29°С, что существенно превысило среднемировой показатель. Интенсивное потепление отмечается по всей территории страны. Ожидается, что такая тенденция сохранится как в Центральной Азии, так и в мире в целом, из-за рекордно высоких уровней, удерживающих тепло в атмосфере парниковых газов¹.

Центрально-Азиатский регион относится к группе территорий с высокой уязвимостью к последствиям меняющегося климата. Потепление здесь сопровождается ускоренным таянием горных ледников и снежников, питающих большинство рек и водоемов². Увеличиваются число и интенсивность аномальных погодных явлений и стихийных бедствий, включая засухи, волны жары, наводнения и сели, затяжные ливни. В 2021 г. Центральная Азия столкнулась со значительным повышением температуры. В отдельных районах Узбекистана начиная с июня воздух прогревался до 44°С, в соседнем Таджикистане до 48. Многие регионы ЦА оказались охвачены засухой, что привело к масштабным неурожаям, падежу скота, маловодности рек, иссушению водохранилищ. Дефицит воды эксперты связывают с недостаточной снежностью зимой и уве-

¹ The Global Climate in 2015–2019. WMO No. 1249, World Meteorological Organization, 2020. Р. 6–7; По данным Узгидромета средние температуры воздуха за последнее десятилетие (2010–2019) и последнее пятилетие (2015–2019) были самыми высокими по сравнению с предыдущими 10-летними и 5-летними периодами за весь ряд метеорологических наблюдений. В 2019 г. среднегодовая температура по большей части территории республики была на 1,6–2,3°С выше нормы, в районе Приаралья и по пустынной зоне местами на 2,9–3,1°С выше нормы. Одним из показателей потепления климата является устойчивая тенденция увеличения числа дней с температурой воздуха 40°С и выше по многим регионам Узбекистана. Тенденции изменений климата в Узбекистане: темпы повышения температуры выше средних темпов в глобальном масштабе. Центр гидрометеорологической службы Республики Узбекистан. [Электронный ресурс] URL: <http://meteo.uz/#/ru/news/2020-04-14-tendencii-izmeneniy-klimata-v-uzbekistane-tempy-povysheniya-temperatury-vyshe-srednih-tempov-v-globalnom-masshtabe> (дата обращения: 14.10.2020).

² В связи с ускоренным таянием ледников для Узбекистана и других государств низовья Аральского бассейна возникает угроза острого дефицита воды. В бассейнах рек Амударья и Сырдарья наблюдается повсеместная деградация ледников: крупные распадаются, а мелкие вовсе исчезают. Согласно международным исследованиям с 2000 по 2010 г. запасы льда сократились по сравнению с периодом с 1961–1980 гг. по бассейну р. Сырдарья на 21%, по бассейну Амударья на 17%. В результате глобального изменения климата на протяжении последних 50–60 лет площадь всех ледников в Центральной Азии в целом сократилась примерно на 30%.

личившимся испарением воды летом. Разумеется, в расчет берутся сохраняющиеся огромные потери воды при орошении. По оценкам специалистов Всемирного банка, аномальные погодные явления в Центральной Азии становятся нормой и будут усиливаться из года в год. В ближайшие десятилетия средние температуры в Центрально-Азиатском регионе могут повыситься на 3–5°С, что приведет к исчезновению более трети горных ледников к 2050 г. В свою очередь это вызовет внезапные наводнения, сход лавин и селей. Повышение температуры пагубно скажется на сельском хозяйстве, уменьшение водности рек – на гидроэнергетике. Согласно критическому варианту прогнозов, опирающихся на различные модели изменения климата, две главные водные артерии ЦА – реки Амударья и Сырдарья – могут обмелеть на 10–15% уже к 2030 г. В долгосрочной перспективе (2050–2100) сток Амудары может сократиться от 21 до 40 %, а Сырдарьи – от 15 до 30 %, что может в перспективе привести к экологической и гуманитарной катастрофе¹. Уже сейчас Центральная Азия сталкивается с весьма ощутимым сокращением водных ресурсов. За последние десятилетия показатель объема водных ресурсов на душу населения здесь снизился в четыре раза – с 8,4 тыс. кубометров в 1960 г. до 2,1 тыс. кубометров к настоящему времени. К 2040 г. этот показатель может приблизиться к критической черте – 1 тыс. кубометров на душу населения².

Что касается Узбекистана, то за последние 15 лет обеспеченность водой на душу населения сократилась там с 3048 кубических метров до 1589 кубометров. В период до 2015 г. суммарный дефицит воды в республике составлял более 3 млрд кубометров.

¹ Forecasting for Resilience: Central Asia Strengthens Climate and Weather Services. World Bank. March 23, 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2018/03/23/forecasting-for-resilience-central-asia-strengthens-climate-and-weather-services> (дата обращения: 05.10.2021);

В этом году есть риск увеличения дефицита воды до критических показателей 2008 г. Министерство водного хозяйства Республики Узбекистан. 21.02.2021 [Электронный ресурс] URL: <https://kun.uz/ru/news/2021/02/21/v-etom-godu-yest-risk-uvelicheniya-defitsita-vody-do-kriticheskikh-pokazateley-2008-goda-ministerstvo-vodnogo-xozyaystva>; Дефицит воды в Центральной Азии: как Узбекистану и его соседям спастись от засухи. 15.07.2021. https://uz.sputniknews.ru/20210715/defitsit-vody-v-tsentralnoy-azii-kak-uzbekistanu-i-ego-sosediyam-spastis-ot-zasuxi-19700909.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm_campaign=db

² Международная конференция по климату: страны Центральной Азии представляют единый региональный павильон. 30.07.2021. <https://livingasia.online/2021/07/30/mezhdunarodnaya-konferenciya/> (дата обращения: 03.11.2021).

Согласно расчетам узбекистанских специалистов, к 2030 г. он может составить 7 млрд кубометров, а к 2050 г. уже 15 млрд кубометров¹.

Ситуацию с нехваткой водных ресурсов в Узбекистане нельзя назвать критической, но она близка к ней. В ранжировании стран, испытывающих водный стресс, проводимом Институтом мировых ресурсов (WRI, Вашингтон), Республика Узбекистан располагается в группе государств с высоким уровнем базовой водной нагрузки. Это означает, что в среднем ежегодно на нужды сельского хозяйства, бытового потребления и промышленности расходуется более 40% имеющихся запасов воды. Отдельные районы страны испытывают чрезвычайно высокий водный стресс. В Бухарской, Самаркандской, Ферганской, Навоийской, Джизакской и Кашкадарьинской областях забирается более 80% воды от всех доступных запасов². Такой напряженный баланс между наличием имеющихся водных ресурсов и их потреблением создает угрозу острой нехватки воды в будущем.

Одновременно обостряется земельная проблема. В республике постепенно усиливаются демографическая и экономическая нагрузки на земли сельскохозяйственного назначения. За последние 15 лет площадь сельхозугодий сократилась более чем на 5%, а в расчете на душу населения — на 22%. Темпы роста численности населения намного опережают темпы увеличения площади орошаемых земель. За последние 30 лет площадь орошаемых земель на душу населения уменьшилась примерно на 25%, — с 0,23 га до 0,16 га. По оценкам Азиатского банка развития, при сохранении существующих тенденций площадь орошаемых земель в Узбекистане сократится еще на 20–25% в течение следующих 30 лет³.

В условиях растущей нехватки водно-земельных ресурсов Узбекистан предпринимает и планирует осуществить достаточно действенные меры по их сбережению. Они соразмерены его возможностям. Закладывается запас прочности от неминуемого воз-

¹ Концепция развития водного хозяйства Республики Узбекистан на 2020–2030-е годы. (Национальная база данных законодательства при Министерстве юстиции Республики Узбекистан, 11.07.2020 г., № 06/20/6024/1063). [Электронный ресурс] URL: <https://lex.uz/docs/4892946> (дата обращения: 11.09.2020).

² Электронный онлайн ресурс Института мировых ресурсов: URL: <https://www.wri.org/applications/aqueduct/country-rankings/?indicator=bws> (дата обращения: 07.12.2020).

³ Абдурахманов М.А., Рахимов Я.Т. Состояние земельных ресурсов в республике Узбекистан // Территория науки. 2017, № 4. С. 75–76.

действия негативных природных явлений. Тем не менее остается неясным, как собственными силами возможно остановить рост дефицита воды и плодородной почвы, одновременно увеличивая рост потребления и выпуска продукции на фоне высоких темпов рождаемости и нерешенности водно-земельных проблем с соседями. Впрочем, такая головоломка встает перед всеми государствами Центральной Азии.

Нехватка жизненно важных природных ресурсов неуклонно растет по всей Центральной Азии. Их увеличивающийся дефицит ведет к накоплению опасных социально-экологических сдвигов, порождающих новые точки напряженности как внутри стран, так и в межгосударственных отношениях. При этом сохраняются старые нерешенные проблемы по разделу границ, земель и водных источников. В отличие от соседей, Узбекистан первым в регионе ЦА всерьез взялся за внедрение технологий по адаптации к последствиям изменения климата, накапливает для этого собственные средства и преуспевает в привлечении международной финансово-технической и научной помощи. В последнее время ему удалось закрепить за собой лидерство среди государств ЦА в планировании и реализации проектов по рациональному использованию водных и земельных ресурсов. При рачительном использовании собственных и зарубежных средств республика способна выполнить поставленные задачи по водосбережению и рекультивации земель в намеченные сроки (до 2030 г.). Передовые технологии в орошаемом земледелии несомненно помогут в адаптации Узбекистана к грядущим климатическим изменениям. Но это лишь тактика отдельной страны при отсутствии общей региональной стратегии. Учитывая факторы неопределенности, связанные с региональной интеграцией и изменчивостью климата в дальнесрочной перспективе, сейчас сложно дать ответ, насколько Узбекистану удастся решить проблему водообеспеченности и продовольственной безопасности в будущем. Без выработки общей водно-энергетической политики центральноазиатские государства ждут большие испытания, возможно, вплоть до тяжелых социальных потрясений, серьезных внутренних и межгосударственных конфликтов.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

2022.01.002. Сченнович В.Н.*
**СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО
ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.
(Сводный реферат)**

DOI: 10.31249/timm/2022.01.06

1. Алимов Р.К. Центральная Азия – регион сотрудничества, а не соперничества // *Обозреватель – Observer*, 2020, № 10(369). – С. 5–20.

2. Карпович О.Г., Кондаков С.А. Центральная Азия – регион геополитической конкуренции или партнерства? // *Обозреватель – Observer*, 2021, № 5(376). – С. 59–71.

Ключевые слова: Россия; Китай; Центральная Азия; ШОС; США; ЕС; интеграция; геополитическое противостояние; COVID-19; стратегия; конкуренция.

Алимов Р.К.,

д-р п. наук, почетный профессор Института Тайхэ (КНР)

Карпович О.Г.,

д-р п. наук, д-р юрид. наук, профессор,
директор Института актуальных международных
проблем Дипломатической академии МИД России

Кондаков С.А.,

канд. п. наук, ст. н. с. Института актуальных
международных проблем
Дипломатической академии МИД России

Начало XXI в., по мнению Р.К. Алимова [1], подтверждает прогнозы о перемещении центра мирового развития в сторону Азии. Ощущимо возрастает политическая значимость Центральной Азии, которую все чаще называют «сердцем Азии». Китай и Россия исторически и географически тесно связаны с этим регионом, и их взаимодействие здесь носит характер стратегического партнерства. Примером тому может служить ШОС – межгосударственное объединение нового типа, провозгласившее своей приоритетной

* Сченнович В.Н., научный сотрудник, отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН.
e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

целью борьбу с международным терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом.

Россию с Центральной Азией связывают глубокие исторические корни, которые тесно переплелись в советский период (построенный единый народнохозяйственный комплекс и в наши дни продолжает работать). Действия России для поддержания политической стабильности в регионе направлены на урегулирование конфликтов на постсоветском пространстве; на эффективное взаимодействие в области безопасности в рамках ОДКБ; на экономическое сотрудничество, в том числе в рамках Договора о зоне свободной торговли СНГ; на создание условий для трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию (в России сегодня на постоянной основе работают более 4 млн трудовых мигрантов из ЦА, которыми создаётся около 10% ВВП страны). РФ является крупнейшим инвестором в Центральной Азии. Угрозы безопасности для стран Центральной Азии исходят от международных террористических организаций и кризиса в соседнем Афганистане. Гарантом безопасности в регионе служит российское военное присутствие в ЦА.

Япония первой после создания ШОС и начала антитеррористической операции в Афганистане предложила центральноазиатским партнёрам открыть диалоговый формат регулярных встреч глав внешнеполитических ведомств. ЕС сразу же после раз渲ала Советского Союза начал взаимодействие со странами Центральной Азии через инициированную им программу ТАСИС. В 2007 г. в Корее была заложена традиция проведения форума по сотрудничеству «Республика Корея – Центральная Азия». В ЦА повышенным остаётся интерес к опыту экономического развития Кореи; деятельности особых экономических зон; достижениям в сфере науки и технологий; «зелёной энергетике»; сельскому хозяйству; медицине и здравоохранению. В 2012 г. Индия выдвинула свой проект под названием «Политика соединения с Центральной Азией» для улучшения состояния торгово-экономического сотрудничества со странами региона, расширения взаимодействия в сфере безопасности, включая консультации по Афганистану.

В 2011 г. США анонсировали идею запуска собственной инициативы «Новый Шёлковый путь», которая не нашла широкой поддержки в регионе. Вместо неё был предложен формат диалога «США и Центральная Азия». В новой Стратегии США в Центральной Азии на 2019–2025 гг. отмечается, что США за последние 25 с лишним лет предоставили странам региона помочь на

сумму более 9 млрд долл., а также обеспечили финансирование свыше 40 тыс. учебных и профессиональных обменов. В 2020 г. американская сторона заявила, что США хотят присутствовать в регионе и продолжать защищать их способность оставаться суверенными и независимыми государствами.

Китай в числе первых признал независимость и суверенитет новых государств Центральной Азии. Урегулирование пограничного вопроса со странами ЦА открыло широкие перспективы для Китая. Центральная Азия играет стратегически важную роль в обеспечении национальной безопасности современного Китая. В сотрудничестве с Россией и центральноазиатскими партнёрами, а также в рамках ШОС предпринимаются меры для совместной борьбы с незаконным оборотом наркотиков, оружия и другими видами транснациональной преступной деятельности. Налажено практическое сотрудничество по совместному противодействию угрозам и вызовам в информационном пространстве. Опасность подобных действий проявилась в период распространения пандемии COVID-19. Китай и страны Центральной Азии смогли эффективно использовать свои географические преимущества для воссоздания идеи Великого Шёлкового пути. Синергетический эффект дало взаимодействие в транспортной и энергетической областях, геолого-минералогической разведке и добыче, а также в сфере сельского хозяйства, телекоммуникации и инфраструктуры. За период с 2001 по 2019 г. товарооборот между Китаем и странами региона увеличился в 30 раз, а объём прямых китайских инвестиций в регион приблизился к 20 млрд долл. (в Казахстан – 9,27 млрд, Киргизию – 1,39 млрд, Таджикистан – 1,95 млрд, Туркмению – 0,31 млрд, Узбекистан – 7 млрд).

О.Г. Карпович и С.А. Кондаков [2] рассматривают роль России в Центральной Азии через призму эволюции интеграционных подходов. В октябре 2020 г. состоялась онлайн-встреча министров иностранных дел пяти стран Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан) и России, на которой было принято Заявление министров иностранных дел государств Центральной Азии и РФ о стратегических направлениях сотрудничества. В документе выделены следующие стратегические направления сотрудничества: политico-дипломатическая сфера; сфера безопасности; торгово-экономическая сфера; транспортная сфера; сфера охраны окружающей среды и адаптации к изменению климата; энергетическая сфера; в области обеспечения санитарно-

эпидемиологического благополучия; миграционная и гуманитарная сферы.

Появился и дипломатический формат, аналогичный американскому «C5+1», созданному ранее. Несмотря на внешнюю схожесть этих форматов, их содержание и модальность кардинально отличаются друг от друга. И это во многом связано с геополитическим противостоянием сверхдержав: России, КНР и США. Исследователи полагают, что российский формат для Центральной Азии возник как некий ответ американскому. Явная или скрытая разница в целях и содержании двух форматов ставит пять стран региона в ситуацию выбора. Для России это означает эволюцию её подхода к Центрально-Азиатскому региону. Ранее она либо развивала двусторонние связи с пятью странами, либо работала с ними как с участниками курируемых ею интеграционных объединений на постсоветском пространстве – ОДКБ, ЕАЭС, СНГ. Обнародованное заявление шести министров «О стратегических направлениях сотрудничества» можно считать программным документом, своего рода новой стратегией российской внешней политики в Центральной Азии. Россия рассчитывает, что государства региона не будут предоставлять свою территорию, морское и воздушное пространство под военные нужды внeregиональных держав, прежде всего США.

Большой раздел стратегии посвящён совместной работе по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия. В период COVID-19 Россия оказывала помощь странам «пятёрки»: отправляла тест-системы, реагенты, медицинские расходные материалы, команды врачей. Со всей «пятёркой» ведутся переговоры о поставках российских вакцин. Впредь страны региона и Россия намерены активнее реализовывать совместные проекты и обмениваться результатами научно-исследовательской деятельности в области профилактики и борьбы с инфекционными болезнями.

Укрепляя свои позиции в мире, Россия, как представляется авторам, должна их усиливать и в регионах, где её влияние было традиционно высоким, в частности в Центральной Азии, которая сейчас становится ареной борьбы крупнейших супердержав. В рамках сдерживания России и Китая в их стремлении поменять мир на многополярный США всё активнее включают в свою стратегию действий регион Центральной Азии. Важнейшим рычагом воздействия США на этом направлении является их взаимодействие с внешнеполитическими ведомствами стран Центральной Азии в формате «C5+1», созданном для дискредитации действующих форматов сотрудничества в Центральной Азии. Проект на-

правлен на формирование условий, препятствующих интеграции центральноазиатских государств в продвигаемые Россией, Казахстаном (ЕАЭС, ОДКБ, СНГ) и Китаем («Экономический пояс Шёлкового пути») объединения, а также взаимодействию в рамках ШОС. За роль лидера в ЦА активно борется и Китай, которому нужны новые рынки и новые ресурсы, особенно энергетические. Тактика Пекина преимущественно экономическая. В Казахстане, Узбекистане, Киргизии активно создаются совместные предприятия с китайским капиталом.

Усиление позиций основных геополитических игроков в перспективе несет серьёзные вызовы для России у её границ, что, в свою очередь, представляет угрозу геополитическому статусу России как ведущей евроазиатской державы.

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Бибикова О.П.* О СИСТЕМНОМ РАСИЗМЕ В ЛИВАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

DOI:10.31249/rimm/2022.01.07

Аннотация. На примере Ливана рассматриваются особенности функционирования системы найма иностранных работников (кафала) в арабских странах. В Ливане эта система применяется в отношении домашней прислуги, прежде всего женщин. Однако наниматели зачастую не выполняют своих обязанностей по контракту. Кроме того, свои корректиды внес экономический кризис, разразившийся в стране.

Ключевые слова: кафала; кафель / работодатель; домашние работники; депортация; ответственность; расизм.

Система «кафала» (спонсорство) предполагает наём домашней прислуги в странах Южной и Юго-Восточной Азии (Шри-Ланка, Филиппины, Индонезия, Бангладеш, Непал, Вьетнам...) и Африки (Эфиопия, Кения, Того, Мали, Уганда...). Само название кафала присутствовало еще в адрате, обычном праве, арабов. Оно предполагает форму усыновления без передачи имущества для защиты несовершеннолетних детей-сирот. В современном прочтении термин «кафала» означает, что работодатель берет на себя ответственность за нанятого работника-иностраница.

Эта система (под другими названиями) применяется во многих странах, в том числе в Европе.

* Бибикова О.П., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, e-mail: olbibikova@mail.ru

© Бибикова О.П., 2022

В данной статье рассмотрим ситуацию, которая сложилась в Ливане. В других арабских странах она также существует, однако Объединенные Арабские Эмираты официально отменили профессиональную кафалу в 2008 г., а Катар – в 2016 г. Но вне закона она продолжает существовать практически во всех странах Ближнего Востока, что делает наемных работников еще более бесправными.

По сведениям Международной организации труда (МОТ), Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия и ОАЭ (а также Иордания и Ливан) активно пользуются этой системой, поставляющей рабочую силу во времена экономического благоденствия и позволяющей легко отказаться от неё в менее благополучные периоды.

Миграция домашней прислуги в Ливан стала широко использоваться с начала 1980-х годов. До этого в качестве домашней прислуги выступали в основном ливанские девушки, которые приезжали из деревень в города, или сирийские и палестинские женщины. Гражданская война внесла свои корректизы в отношения между самими ливанскими гражданами разных конфессий, а также палестинцами. Теперь предпочтения стали отдавать женщинам из неарабских стран, таких как Филиппины, Шри-Ланка и позднее Эфиопия¹, это страны с преимущественно христианским населением, а также другие страны Африки и Юго-Восточной Азии. Женщин набирают, как правило, в качестве домашней прислуги (горничной и повара в одном лице) для того, чтобы они выполняли домашнюю работу (уборка, стирка, приготовление пищи, уход за малолетними детьми и т.д.). До 2019 г. их число оценивалось примерно в 400 тыс. – из них от 100 тыс. до 150 тыс. работали нелегально. Эти женщины прибывают в Ливан через частные агентства. Некоторые исследователи оценивают эту деятельность как «торговлю людьми»².

Дороже других стоит нанять филиппинку, которая, по мнению ливанских нанимателей, «лицом белее» (что свидетельствует о том, что некоторая степень расизма ливанцам не чужда) и более образована, знает английский язык. Спросом пользуются также

¹ Эфиопки составляют примерно 80% домашней прислуги, находящейся в Ливане по системе кафалы. Одна из причин выбора именно эфиопок состоит в том, что в основном это христианки.

² Beyrouth. Chroniques d'une ville brisée // http://www.slate.fr/monde/beyrouth-chroniques-dune-ville-brisee/10-travailleuses-domestiques-immigrees-explosion-liban-escalavage?utm_source=ownpage&utm_medium=newsletter&utm_campaign=hebdo_20210905&_ope=eyJndWlkIjoiZjMxNGVmODcyNjBiNTRiYmIzMzY4MWY2NzI5NzExN2QifQ%3D%3D (дата обращения: 30.12.2021).

франкоязычные малагасийки. Эфиопки составляют самую большую группу нанимаемых, так как это наиболее дешевая категория работниц.

Официально через агентство привезти себе прислугу (например, из Африки) стоит около 2000 долл. В эту сумму входят расходы на визу, страховку, билет и юридические формальности. По системе кафала за визу и юридический статус трудового мигранта отвечает *кафиль* / спонсор внутри страны, т.е. работодатель. Но нередко он злоупотребляет своими правами, задерживая оплату или не выполняя условий, содержащихся в контракте.

Вокруг миграции домашней прислуги сложилась целая экономика. Кандидаты из разных стран мира подают заявки в кадровые агентства в своих странах. Как только работодатель найден, агентство запрашивает необходимые документы для разрешения на выезд, а затем и визу.

Чтобы выбрать прислугу работодателю предлагают легальные и нелегальные каталоги, в которых есть фото и краткая характеристика работницы, перечень ее умений. После этого *кафиль* (гарант) оплачивает расходы на транспорт для предполагаемой работницы и платит определенный налог. Таким образом, он становится своего рода опекуном. По условиям договора он должен предоставить своей прислуге визу, жилье, медицинскую страховку, предметы первой необходимости и технические средства, связанные с ее работой. Позиция работодателя-опекуна, гарантированная кафалой, способствует формированию патерналистской системы, где работодатель становится единственным авторитетом перед своим работником. Однако зачастую наниматель не выполняет взятых на себя обязательств. Например, известно что, несмотря на то что в соглашении прописано наличие отдельной комнаты для прислуги, кафиль может предложить ей спать на кухне, в коридоре и даже на балконе в летнее время. Кроме того, он должен еженедельно предоставлять выходной и т.д.

Характерно, что система оплаты услуг домашней прислуги может быть различна: иногда деньги за работу направляются непосредственно семье, что лишает прислугу даже карманых денег. Выход из этой ситуации домработницы вынужденно находят в периодической проституции. Внутри сообщества домашней прислуги уже создана система предоставления помещения для тех, кто вынужден прибегать к проституции.

Контракт заключается на определенный срок. Обычно договор составляется на арабском языке, которого нанимаемая работ-

ница не знает. Более того, она может быть вообще неграмотной, но и устный перевод на ее родной язык обычно не делается. Если нет телефона или хозяева не разрешают пользоваться телефоном или интернетом, то работница оказывается в полной изоляции. Автор этих строк, будучи в гостях в ливанской семье, наблюдала взаимоотношения между ливанской семьей и их домработницей из Эфиопии. У женщины была небольшая комната, прилегающая к кухне. Однажды хозяйка дома рассказала, что ночью они, наконец, смогли дозвониться до родственников домработницы на родине. Такой звонок хозяйки должна периодически предоставлять своей работнице. Позднее эфиопка, вероятно, соскучившись и впав в депрессию из-за одиночества, незнания языка и др., самостоятельно покинула этот дом. По дороге ее встретила знакомая принявшей её семья и отвезла ее обратно. После чего кафиль, то есть хозяйка дома, обратилась в агентство, которое нашло ей домработницу, чтобы урегулировать проблему. Дело кончилось тем, что эфиопке нашли другой дом.

Согласно договору, прислуга должна иметь восемь часов работы, восемь часов свободного времени и восемь часов отдыха в сутки, а также один выходной день в неделю. Остальное относится к компетенции работодателя, который, кроме того, несет за нее граждансскую ответственность.

Но в ситуацию могут вмешаться различные обстоятельства, в результате чего прислуга становится ненужной. Уйти из семьи нанимателя прислуга может только после того, как пройдет предусмотренный срок на погашение стоимости расходов на ее приезд в страну. Однако нередки случаи побега из принимающей семьи. Теперь в контракт был введен пункт, согласно которому можно подать жалобу на своего хозяина в течение 48 часов после побега от своих хозяев. В противном случае бывшая домработница остается на улице без документов, так как документы сразу после приезда передаются нанимателю. Естественно, что для неграмотной девушки подобная ситуация заканчивается негативно. Кроме того, хозяева зачастую обвиняют своих служанок в воровстве, что влечет за собой необратимые последствия. В ливанских газетах зачастую можно встретить объявления о пропаже наемной работницы, которые в суде характеризуются как «беспокойство и забота» о бывшей домработнице. Доказать, что никаких драгоценностей украдено не было, практически невозможно.

Нередко работницы сталкиваются не просто с нарушением трудовых прав, но и сексуальными домогательствами, которые

проходят для насильника безнаказанно. Поскольку это происходит дома, многие в Ливане рассматривают это как «частный вопрос», выходящий за рамки вмешательства государства и социальных структур¹.

Как отмечают исследователи проблемы кафала, несмотря на то что система была осуждена правозащитными организациями, трудящийся-мигрант не может расторгнуть свой трудовой контракт без согласия его работодателя. Эта система дает работодателям почти полный контроль над жизнью работников и делает их уязвимыми для всех форм эксплуатации и жестокого обращения. В случае если они покинут своего работодателя без его согласия, их пребывание в стране станет незаконным.

Экономический кризис в Ливане, усугубленный пандемией, привел к увеличению безработицы. В частности, в Ливане, особенно после взрыва в порту (4 авг. 2020), экономическая ситуация заметно ухудшилась. Её осложняет одно из самых высоких в мире соотношений долга к валовому внутреннему продукту: государственный долг составляет более 80 млрд евро, или 172 % ВВП². Ситуация усугубляется политической неопределенностью, внутренними разногласиями и наличием более 1,5 млн сирийских беженцев.

По некоторым оценкам численность домашней прислуги в стране на 2019 г. составляла 250 тыс. человек, из которых около 50 тыс. находятся на нелегальном положении. Как мы уже отмечали, отряд последних образуется в результате добровольного ухода или отказа хозяев содержать прислугу. Некоторые бросают свою работу в качестве прислуги в надежде на более удачливых соотечественников, которые уже нашли работу в магазинах, гостиницах и т.д., другие вынуждены обратиться к проституции, чтобы выжить... На какую-либо защиту своих интересов они рассчитывать не могут. Соответственно, они юридически не имеют права создавать профсоюзы.

В конце концов «сарафанное радио» доносит до беглянок информацию о том, что в Ливане существует Центр общин мигрантов, который оказывает помочь попавшим в подобную ситуа-

¹ Migrant Workers' Rights and Women's Rights – Women Migrant Domestic Workers in Lebanon: A Gender Perspective// <https://reliefweb.int/report/lebanon/migrant-workers-rights-and-women-s-rights-women-migrant-domestic-workers-lebanon> (дата обращения: 03.01.2022).

² Внешний долг и госдолг Ливана 2022. // <https://take-profit.org/statistics/government-debt-to-gdp/lebanon/> (дата обращения: 04.01.2022).

цию. Так, например, по воскресеньям на евангелистском кладбище Содеко в Бейруте происходит раздача продуктов, прежде всего риса, женщинам, оставшимся без работы и документов. Что касается работодателя, то он снимает свою гарантию и больше не несет ответственности за нанятого им человека.

Со временем правозащитники добились того, что правосудие предусмотрело причины, по которым иностранные наемные работницы могут разорвать контракт: 1) горничная подвергается сексуальному или физическому насилию; 2) если ей не платят более трех месяцев подряд; 3) если ее заставляют работать в другом месте, кроме того, что указано в контракте. Естественно, что нарушения статей договора нужно доказать. Но в таких случаях очевидно, что полиция больше доверяет ливанским гражданам, чем иностранной работнице. Если женщина пожалуется, то она в любом случае будет задержана, а ее документы могут объявить фальшивыми. Наемную работницу могут депортировать до того, как об этом случае узнают мигранты, которые могли бы подтвердить ее слова.

По словам эфиопского рабочего, «агентства по найму и работодатели относятся к нам так, как к товару... Иногда меня избивали и отказывали в еде, но из-за моего контракта я не могу выбрать, работать где-то еще или вернуться домой. Мой работодатель сказал: “Я купил тебя. Заплати мне 2000 долларов, а потом можешь уезжать, куда захочешь”»¹.

Иностранные работницы, ушедшие от своих спонсоров, не отработав оговоренный в контракте срок, могут «застрять на много лет», поскольку не располагают средствами на приобретение обратного билета и не имеют документов.

Посольства в таких случаях, как правило, избегают участия в судьбе своих соотечественников. Максимум того, что они могут сделать, заключается в оказании помощи в случае принудительной или желаемой депатриации или в привлечении адвокатов. Некоторые посольства, например, посольство Эфиопии, ввиду массовости подобных конфликтных ситуаций, организовали приюты для своих граждан, оказавшихся в затруднительном положении.

Совершенно катастрофическая ситуация возникает у иностранной работницы в случае, если она забеременеет и родит ребенка. На гражданство Ливана для ребенка у матери нет никаких прав.

¹ Lebanon crises increase suffering of migrant domestic workers. 25.12.2021 // <https://www.bignewsnetwork.com/news/272021126/lebanon-crises-increase-suffering-of-migrant-domestic-workers> (дата обращения: 30.12.2021).

В вопросах получения гражданства по рождению в мире существуют две позиции: право крови и право земли *Jus soli*. Согласно первому праву, гражданство ребенка зависит от статуса родителей (в Ливане – от статуса отца), их национальности и гражданства и не зависит от места непосредственного рождения ребенка. *Jus soli* (право земли) означает то, что страна, где малыш рожден, автоматически предоставляет ему свое гражданство. Однако в Ливане такого права нет.

В 2015 г. правительство Кот-Д'Ивуара, стремясь защитить своих граждан, запретило им получать визы для домашней прислуги в Ливане. Аналогичные запреты или ограничения были приняты в Эфиопии, Мадагаскаре, Непале и Филиппинах. Однако со стороны Ливана нет запрета принимать иностранных работников. Поэтому соискатели кафалы по-прежнему пытаются найти работу в Ливане.

Работу за рубежом ищут и женщины из Нигерии. Здесь сложилась катастрофическая ситуация: в результате кровопролитной гражданской войны (1967–1970) в Нигерии погибло от 700 тыс. до 3 млн человек. В штате Имо¹ проживает почти 4 млн человек, из них 3 млн женщин и 900 тыс. мужчин. В таких условиях женщины вынуждены рассчитывать только на себя. Многим кажется, что работа в качестве прислуги за границей это наилучший вариант.

В повседневной жизни именно общинные центры, управляемые НПО или различными ассоциациями, позволяют домашним работницам находить друг друга и организовываться, создавая сети солидарности. Как правило, местом общения становится церковь, куда работницы приходят по воскресеньям. Таким образом, церкви становятся местом общения и получения информации, своего рода зоной безопасности, к которым иностранные работницы имеют доступ.

Альянс домработниц-иммигранток в Ливане, организованный в 2016 г. небольшой группой мигрантов, является одной из тех организаций, которая работает практически нелегально. Любопытно отметить, что для привлечения внимания к своей деятельности Альянс пытался организовать спектакль, посвященный проблеме иностранных работниц в ливанском обществе. Он должен был состояться в Бейруте в театре Зукака по случаю Дня труда (1 мая). В последний момент Генеральная Служба безопасности

¹ Штат Имо был образован 3 февраля 1976 г., до этого он был частью непризнанного государства Биафра.

запросила список лиц, участвующих в спектакле «Несправедливая депортация», а также копии виз, что привело к поспешной отмене представления. Спустя 3 дня состоялась демонстрация домашней прислуги в Бейруте, которая также хотела привлечь внимание общественности к своим проблемам.

Для наемных работниц, исповедующих христианство, обычно предусмотрен выходной (или полдня) в воскресенье, что позволяет им встречаться в церквях. С тех пор как проблемы иностранных работниц стали достоянием общественности, посольства вынуждены отслеживать ситуации. Так, например, филиппинское посольство по воскресеньям посыпает своего сотрудника к месту сбора своих сограждан в какой-либо церкви, традиционно ими посещаемой. Известно, что малагасийки, уроженки Мадагаскара, собираются в приходе французской протестантской церкви в районе Крайтем, где они создали хор.

Уроженцы «Черной Африки» предпочитают снимать квартиру, в которой они молятся перед импровизированным алтарем и общаются между собой. Они отмечают, что посещение ливанских церквей для них унизительно в связи с проявляемым к ним нескрываемым любопытством, а иногда и бесцеремонностью.

Характерно, что «черная» прислуга, которая сопровождает детей в бассейны или на пляжи, никогда не купается вместе с ними. Сами ливанцы, анализируя эту ситуацию, говорят, что это результат отношения к ним принимающего общества, которое проявляет, таким образом, некий « passifive racism », хотя никто этого не признает. Условия такого социально и коллективно признанного расизма в значительной степени обусловлены отсутствием правовой защиты трудящихся-иммигрантов, что делает расовую дискриминацию характерной чертой ливанского общества.

Сегодня церковь является единственной организацией, которая оказывает им реальную помощь. В декабре 2019 г. протестантский приход в Бейруте хотел создать социальный продуктовый магазин, но средств, необходимых для его организации, не хватило. Теперь, помимо распределения медикаментов и продовольствия, церковь берет на себя сбор пожертвований¹.

Контракты, подписанные домашними работницами-иммигрантками по прибытии в Ливан, никогда не имели реальной

¹ Polverini L. Les travailleuses domestiques au Liban ou la honte des invisibles de l'explosion 25.08.2020 г.// <http://www.slate.fr/story/193851/liban-travailleuses-domestiques-esclaves-modernes-precaires-covid-explosion-beirut> (дата обращения: 02.01.2022).

ценности, и их условия всегда могут изменяться по желанию работодателей или агентств. В сентябре 2020 г. министр труда Ламия Яммин Дуайхи выдвинула предложения по изменению положения иностранных работниц, предложив новый «унифицированный (стандартный) контракт», дающий более безопасную основу для защиты прав женщин, работающих в системе кафалы, который, как она предполагала, позволит устранить неравенство, присущее этой системе¹.

Несмотря на то что этот проект контракта не сопровождался каким-либо надзорным механизмом, что могло бы обеспечить соблюдение его принципов, Союз владельцев агентств по найму в Ливане подал апелляцию в Совет Шуры, Высший административный суд Ливана, который отклонил предложение о новом законодательстве.

Первая организация «Союз домашних работников» была создана в 2015 г. Несмотря на то что организация была поддержана Международной организацией труда, Международной федерацией профсоюзов и Национальной федерацией профсоюзов рабочих и служащих Ливана, министр труда Седжан Аззи без каких-либо доказательств отказался ее признать, назвав ее «незаконной».

Ливан подписал Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), а также Декларацию о правозащитниках (1998). Таким образом, отказ иностранным домашним работникам в гарантированном Трудовым кодексом статусе, а также объявление незаконными объединений этой группы населения, созданных для их защиты, являются нарушением Ливаном своих обязательств. Аналогичным образом, Конвенция N 189 Международной организации труда гарантирует предоставление прав и защиту домашним работникам. Ливан подписал эту конвенцию, но не ратифицировал ее².

В результате пандемии COVID-19 положение работников, занятых в качестве домашней прислуги, заметно ухудшилось. Взрыв в бейрутском порту, опустошивший город 4 августа 2020 г., еще больше усугубил положение иностранных трудящихся. Среди

¹ Beyrouth: la révolte des travailleuses domestiques // https://www.rtb.be/info/dossier/les-grenades/detail_beyrouth-la-revolte-des-travailleuses-domestiques-une-chronique-de-stephanie-ngalula-mukadi?id=10574471 (дата обращения: 04.01.2022).

² La Kafala, système d'exploitation des travailleurs domestiques // <https://www.observatoirepharos.com/pays/liban/la-kafala-systeme-dexploitation-des-travailleurs-domestiques-fr/> (дата обращения: 03.01.2022).

пострадавших оказались и иностранные работники¹. От взрыва был сильно разрушен зажиточный христианский район Ашрафийа, жители которого активно пользовались услугами иностранных работниц. В этих условиях некоторые ливанские семьи решили отказаться от прислуги, покинули свои квартиры и уехали в горы или к родственникам. Многие работницы, уволенные работодателями, оказались на улице. Известны случаи, когда хозяева привозили своих работниц вместе с их пожитками к зданиям посольств и оставляли их там.

После взрыва в порту Бейрута ливанские работодатели предпочтуют нанимать в качестве домашней прислуги сирийских женщин или своих соотечественниц, оплата труда которых меньше, так как не требуется платить за визу, разрешение на работу и т.д. Кроме того, эта прислуга не нуждается в жилье, что также сокращает расходы.

Действительно, ситуация после взрыва в порту изменила жизнь страны. 300 тыс. жителей Бейрута потеряли жилье. С экономическим спадом, девальвацией ливанского фунта и кризисом COVID-19, цены на основные продукты взорвались. Среди иностранцев, проживающих в Ливане нелегально, начался голод. Несмотря на то что после трагедии 4 августа международное сообщество мобилизовало усилия для оказания помощи ливанцам, иностранцы по-прежнему остаются анонимными жертвами этой трагедии. В частности, на стенах некоторых клиник в Бурдж-Хаммуде, где организована бесплатная раздача еды, начали появляться таблички «*Lebanese only*» (только для ливанцев)².

Как правило, заработная плата женщин, работающих в качестве домашней прислуги, составляет около 150–500 долл. США (127–423 евро) в месяц, часть из которых передается их семьям, оставшимся на родине. Но после девальвации ливанского фунта оплата резко сократилась. До кризиса 1 доллар стоил 1500 ливанских фунтов. Сегодня – около 8000, а зарплаты выплачиваются в фунтах, что, в связи с сокращением оборота валюты в стране, затрудняет перевод денег за границу.

¹ Известно о гибели 5 граждан Филиппин и 2 граждан Эфиопии.

² Polverini L. Les travailleuses domestiques au Liban ou la honte des invisibles de l'explosion 25.08.2020 г. // <http://www.slate.fr/story/193851/liban-travailleuses-domestiques-esclaves-modernes-precaires-covid-explosion-beirut> (дата обращения: 02.01.2022).

10 августа 2021 г. кенийская община вышла на демонстрацию перед своим консульством в районе Бадаро к югу от Бейрута. Она требовала немедленной депатриации и протестовала против сотрудников консульства, которые посоветовали им заняться проституцией, чтобы оплатить обратный билет.

Ливанское правительство было вынуждено отреагировать на возникшую ситуацию. Генпрокуратура решила приостановить штраф в 300 тыс. ливанских фунтов (168 евро) для женщин, 400 тыс. (224 евро) для мужчин, которые применялись к мигрантам без документов, желающим покинуть страну. Но это был единственный жест ливанского правительства¹.

Фарах Баба из организации «Движение борьбы с расизмом» отмечает «трагическую банальность» положения иностранной домашней прислуги в Ливане: дешевую иностранную прислугу часто используют потому, что «это позволяет компенсировать недостаток услуг, предоставляемых ливанским государством, особенно в плане ухода за заболевшими и пожилыми людьми»².

Действительно, до недавнего времени в мусульманском мире не было практики создания домов для престарелых или приютов для детей-сирот. Как правило, мусульманская община берет на себя заботу о них, хотя единичные случаи появления подобных организаций для временного пребывания имели место, как правило, после каких-либо геоклиматических или политических потрясений. В то же время христиане организовывали подобные убежища, имея опыт создания монастырей. В Ливане подобные учреждения для христиан существуют; однако, это не всем по карману.

После взрыва в порту некоторые посольства были вынуждены организовать временные приюты, а затем и массовый отъезд своих граждан. До этого подобная акция в меньших масштабах произошла в 2006 г. во время обострения ливано-израильских отношений. В общей сложности (по оценкам) около 170 тыс. трудящихся женщин-иммигранток покинули Ливан в течение последних двух лет из-за резкого ухудшения экономической ситуации. Тем не

¹ Polverini L. Les travailleuses domestiques au Liban ou la honte des invisibles de l'explosion 25.08.2020 г. // <http://www.slate.fr/story/193851/liban-travailleuses-domestiques-esclaves-modernes-precaires-covid-explosion-beyrouth> (дата обращения: 02.01.2022).

² Beyrouth. Chroniques d'une ville brisée // http://www.slate.fr/monde/beyrouth-chroniques-dune-ville-brisee/10-travailleuses-domestiques-immigrees-explosion-liban-escalavage?utm_source=ownpage&utm_medium=newsletter&utm_campaign=hebdo_20210905&_ope=eyJndWlkIjoiZjMxNGVmODcycNjBiNTRiYmIzMzY4MWY2NzI5NzExN2QifQ%3D%3D (дата обращения: 03.01.2022).

менее в 2020 г. были выданы 11 453 новых разрешения на работу. Это свидетельствует о снижении спроса: по сравнению с 43 825 в 2019 г. произошло снижение на 73,8%¹.

Вади аль-Асмар, генеральный секретарь ливанского «Центра по правам человека», считает, что «страна, которая не способна обеспечить безопасность и достоинство людей, приезжающих на свою территорию, должна просто перестать побуждать людей приезжать. Она должна запретить им приезжать, сказав: “Послушайте, мы не в состоянии вас защитить”. К сожалению, этого не делается». И далее: Вади аль-Асмар сравнивает агентства по найму рабочей силы с «функционированием мафии, занимающейся торговлей людьми»².

Весной 2020 г. в Ливане был арестован мужчина, который разместил в Facebook объявление о продаже нигерийской домработницы. Он предложил желающим приобрести 30-летнюю домашнюю прислугу за 1 тыс. долл. Таким образом он хотел вернуть себе расходы на переезд работницы из Нигерии в Ливан³. Но нигерийка *отказалась возвращаться на родину* даже после вмешательства нигерийского посольства, предложившего отправить её на родину. После того как стало известно, что уже 69 домашних работниц, пострадавших от насилия, были эвакуированы из Ливана в Нигерию, ливанское посольство в Нигерии *приостановило выдачу рабочих виз*.

Притеснения домашней прислуги происходят не только в Ливане, – они широко распространены во всём регионе Персидского залива. В Саудовской Аравии кафала охватывает почти 70% работников частного сектора. В августе 2018 г. две нигерийские

¹ Beyrouth. Chroniques d'une ville brisée// http://www.slate.fr/monde/beyrouth-chroniques-dune-ville-brisee/10-travailleuses-domestiques-immigrees-explosion-liban-escalavage?utm_source=ownpage&utm_medium=newsletter&utm_campaign=hebdo_20210905&_ope=eyJndWlkIjoiZjMxNGVmODcyNjBiNTRiYmlzMzY4MWY2NzI5NzExN2QifQ%3D%3D (дата обращения: 03.01.2022).

² Polverini L. Les domestiques au Liban, un esclavage qui ne dit pas son nom. 02.09.2018 // <http://www.slate.fr/story/165914/kafala-domestiques-liban-esclavage-racisme>

³ **قصص مروعة تروي بها العاملات المنزليات الأفريقيات في لبنان.** (Ужасающие истории о жизни африканских домашних работниц в Ливане) 2.07.2020 // <https://ru.globalvoices.org/2020/07/10/95120/> (дата обращения: 04.01.2022).

домработницы были убиты своими хозяевами-саудовцами в Эр-Рияде¹.

* * *

Анализируя применение системы кафала в Ливане, приходишь к выводу, что она является не чем иным, как современной формой рабства. Во многих африканских странах, отсутствие четкой позиции в отношении миграции, отсутствие регламентирующих законов в этой области, а также отчаянное желание граждан иммигрировать в более благополучные страны, – вылились в торговлю людьми под видом домашней прислуги.

Оценивая сложившуюся ситуацию, Вади Аль-Асмар отмечает, что «ливанцам трудно признать, что они расисты. Для них расизм – это то, что они ощущают, когда едут в Европу или Страны Содружества Независимых Государств, но им трудно понять, что существует расистское поведение. Функционирование правосудия является дискриминационным для всех людей, которые не говорят по-арабски, для всех людей, приехавших из страны, которую подсознание ливанца считает страной с более низким уровнем»².

К сожалению, с тех пор как в 2011 г. МОТ приняла Конвенцию N 189 о достойном труде домашних работников, документ был ратифицирован лишь в 29 странах. При этом страны Персидского залива и арабские государства – Оман, Саудовская Аравия, ОАЭ и Ливан, а также их африканские партнёры, такие как Эфиопия, Нигерия и Танзания, — ещё не ратифицировали конвенцию и не учли её в своём законодательстве.

Летом 2021 г. несколькими учреждениями ООН был подготовлен специальный доклад, в котором было заявлено, что правительство Ливана несет главную ответственность за злоупотребления в отношении домашних трудящихся-мигрантов. В нём содержится призыв к ликвидации системы кафала и созданию правовой защиты для всех иностранных работников, занятых в до-

¹ قصص مريرة ترويها العاملات المنزليات الأفريقيات في لبنان . (Ужасающие истории о жизни африканских домашних работниц в Ливане) 2.07.2020 // <https://ru.globalvoices.org/2020/07/10/95120/> (дата обращения: 04.01.2022).

² Polverini L. Les domestiques au Liban, un esclavage qui ne dit pas son nom. 02.09.2018//<http://www.slate.fr/story/165914/kafala-domestiques-liban-esclavage-racisme> (дата обращения: 04.01.2022).

машнем хозяйстве в Ливане¹. Тем не менее внутренние неурядицы в стране отодвинули борьбу за права иммигрантов на второй план. Положение женщин-иностранок, работающих в качестве домашней прислуги, в значительной степени столкнулось с безразличием населения, которое думает о том, как спасти себя.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

2022.01.003. Атамали К.Е.*

**СЕВЕРНАЯ АФРИКА:
ПРОБЛЕМА МИГРАЦИИ МУСУЛЬМАН
В ЕВРОПУ И ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19.
(Сводный реферат)**

DOI: 10.31249/rimm/2022.01.08

1. Тюкаева Т.И. Миграция из стран Магриба: внешние и внутренние вызовы для Европы // Современная Европа. 2021. №3 (103). С. 61–70.

2. Колесникова Ю.С., Будженах Сохейб. Влияние пандемии COVID-19 на международную миграцию в странах Северной Африки // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 54–62.

Ключевые слова: международная миграция; Магриб; Европа; социально-экономическое развитие; интеграция мигрантов; мусульманские диаспоры; терроризм; пандемия; COVID-19; радикализация; угрозы.

Тюкаева Т.И.,

кандидат политических наук, научный сотрудник
Центра ближневосточных исследований ИМЭМО РАН
им. Е.М. Примакова

¹ Lebanon crises increase suffering of migrant domestic workers. 25.12.2021//<https://www.bignewsnetwork.com/news/272021126/lebanon-crises-increase-suffering-of-migrant-domestic-workers> (дата обращения: 04.01.2022).

* Атамали К.Е., ведущий редактор, отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН,
e-mail: mrsxeniya@ya.ru

Колесникова Ю.С.,

доктор экономических наук, доцент,

главный научный сотрудник

Института демографических исследований ФНИСЦ РАН,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Будженах Сохейб,

аспирант, Казанский (Приволжский)

федеральный университет

Т.И. Тюкаева [1] исследует проблему миграции в Европу из стран Магриба и указывает на то, что неконтролируемые миграционные потоки служат причиной серьезных внешних и внутренних вызовов для европейцев, связанных с усилением охраны границ, борьбой с нелегальной миграцией и необходимостью социально-экономической и культурной интеграции мигрантов. Тема иммиграции в Европу из арабских стран широко изучается, и можно заключить, что главным вызовом для Европы является не нелегальная иммиграция и связанные с ней риски, а проблема интеграции потомков иммигрантов, т.е. европейских граждан, зачастую имеющих лишь формальную связь с арабо-мусульманской культурой.

Автор отмечает, что главным направлением миграции из Марокко, Алжира и Туниса традиционно является Европа. События «арабской весны» и последовавшая за ней военно-политическая и социально-экономическая дестабилизация в странах Магриба привели к существенному росту миграции (особенно нелегальной) в Европу и увеличению количества ливийцев среди беженцев. На пике миграционного кризиса в 2014–2017 гг. в Италию из Ливии ежегодно нелегально прибывали 170–180 тыс. мигрантов. Кроме того, на фоне очередного витка вооруженного конфликта активизировались контрабандисты, переправляющие через ливийские границы нелегальных мигрантов из африканских стран. В результате принятых мер по усилению пограничного контроля и береговой охраны нелегальный миграционный поток из Ливии в Европу в 2018 г. снизился на 86%. Активизировались другие маршруты нелегальной миграции. Так, в 2018 г. наблюдалось резкое увеличение притока мигрантов в Испанию, преимущественно из Марокко; в связи с этим был усилен пограничный контроль. В 2020 г. нелегальный миграционный поток снова вырос: например, в Италию за год прибыло более 34 тыс. человек, что втрое больше, чем в 2019 г. Большую часть мигрантов составляли тунисские граждане, на втором и третьем месте – ливийцы и алжирцы

соответственно. В Испании также был зафиксирован всплеск миграции, хотя и несопоставимый с потоками в Италию. Береговая охрана и военно-морские флоты европейских государств в сотрудничестве со странами Магриба вернули значительное число мигрантов обратно на родину.

Заметный успех европейской политики по борьбе с нелегальной миграцией привел к резкому снижению ежегодных прибытий после 2017–2018 гг., даже несмотря на всплеск в 2020 г. Тем не менее число нелегальных мигрантов крайне мало по сравнению с количеством легальных мигрантов, регулярно прибывающих в Европу из стран Магриба и получающих вид на жительство. Так, в 2011–2017 гг. вид на жительство в Европе получили более 545 тыс. граждан Марокко, тогда как нелегальных мигрантов прибыло лишь чуть более 16 тыс. Важно понимать, что снижение количества мигрантов, попадающих в европейские страны, не означает, что меньше людей стремятся в ЕС. Следовательно, миграционные потоки будут увеличиваться в будущем, хотя вряд ли вновь достигнут кризисных масштабов середины 2010-х годов.

Рассматривая причины миграции из стран Магриба, исследователь обращает внимание на то, что миграция из Марокко, Туниса и в меньшей степени Алжира является исторически и экономически обоснованным явлением. В 1960-х годах были подписаны первые соглашения о трудовой миграции между магрибинскими и некоторыми европейскими государствами. Тысячи мигрантов ежегодно прибывали в Европу на заработки, что способствовало решению проблемы нехватки низкоквалифицированной рабочей силы в странах прибытия и снижало давление на экономики стран Магриба с традиционной для них высокой безработицей. Несмотря на ограничение выдачи рабочих виз, поток легальной миграции из стран Магриба постоянно увеличивался. В последнее десятилетие заметен рост доли высококвалифицированных мигрантов, а также молодежи, приезжающей по студенческим визам. Автор отмечает, что сезонная и циклическая миграция граждан стран Магриба все чаще приобретает постоянный характер. Кроме «воссоединяющихся с семьей», значительное число прибывающих в Европу для временной работы предпочитают не уезжать домой после окончания действия рабочих виз. Опросы общественного мнения в конце 2020 г. демонстрируют значительную долю желающих покинуть родину, особенно среди молодежи: 47% тунисцев и 31% марокканцев в возрасте от 18 до 29 лет хотят эмигрировать. В Алжире и Ливии эти показатели немного ниже: 23 и 21% соответственно. Более

того, около 40% опрошенных готовы эмигрировать нелегально. Главная причина для эмиграции – недовольство социально-экономической ситуацией на родине. Традиционно высокие для арабских стран показатели безработицы в странах Магриба последние несколько лет возрастают, особенно среди молодежи: 22% в Марокко, 29,5% в Алжире и 36,3% в Тунисе на начало 2020 г. Увеличивается и доля безработных среди выпускников вузов и уровень «неформальной» занятости. Таким образом, значительная часть населения стран Магриба либо не имеет возможности найти работу, либо вынуждена жить в условиях финансовой нестабильности и социальной незащищенности, работая в «неформальном» секторе. Это приводит к маргинализации, особенно остро она ощущается в сельских районах, отстающих от городов по уровню развития. В свою очередь, маргинализация побуждает жителей к радикализации и / или миграции.

Автор подчеркивает чрезвычайно низкий уровень заработной платы как у низкоквалифицированных работников, так и у высококвалифицированных специалистов. Вот почему люди прибывают в Европу в поиске достойно оплачиваемой работы. Большинство мигрантов ссылается на успешный пример друзей или родственников в качестве мотивации к эмиграции. Что касается низкоквалифицированных циклических мигрантов, то они зарабатывают в Европе приличные деньги и формируют в обществе стереотип: «кто уехал – победитель». Многие магрибинцы выбирают сезонную миграцию, но не меньшее количество людей не намерены возвращаться домой, в том числе и из-за системного политического и экономического кризиса.

Вдобавок к экономическим и военно-политическим вызовам в среднесрочной перспективе можно ожидать, что изменение климата также приведет к миграции, так как рост среднегодовой температуры и сокращение осадков спровоцируют дефицит водных ресурсов, который ударит по большинству отраслей экономики стран Магриба и приведет к ухудшению качества жизни граждан. Ливия, Марокко, Алжир и Тунис к 2040 г. войдут в число наиболее вододефицитных стран мира, но уже сегодня значительная доля населения Магриба (от 40% в Алжире до 80% в Тунисе) страдает от отсутствия регулярного доступа к воде. Таким образом, причины, толкающие магрибинцев к миграции, имеют комплексный характер и не исчезнут в обозримой перспективе.

Исследователь считает, что подавляющее число мигрантов прибывает в Европу в силу острой необходимости, хотя в редких

случаях с потоком мигрантов в Европу могут проникнуть радикальные элементы с целью совершения терактов.

Мигранты из Магриба избирают преимущественно страны с традиционно большими марокканскими, тунисскими и алжирскими диаспорами: Францию, Бельгию, Нидерланды, Италию, Испанию и Германию. Несмотря на меры по социальной интеграции, иммигранты (в том числе их дети и внуки, родившиеся в Европе) воспринимаются европейским обществом как «чужаки». Исламофобские настроения в Европе только ухудшают ситуацию, поскольку ислам часто воспринимается как чуждый элемент с точки зрения европейских ценностей. Однако принадлежность к арабо-мусульманской культуре далеко не всегда является частью идентичности иммигрантов и их потомков.

Следует отметить, что маргинализация острее всего проявляется на этнокультурном уровне. Например, по результатам исследования, проведенного в Париже, успешные иммигранты второго поколения из стран Магриба зачастую становятся объектами отчуждения со стороны французов только на основании своей неевропейской внешности и имени. Как следствие, многие представители мигрантских сообществ остаются в районах компактного проживания иммигрантов, что препятствует интеграции. Автор обращает внимание на то, что социально-культурное отторжение со стороны европейцев вкупе с ощущением несправедливости может привести к кризису идентичности у детей мигрантов и вызвать чувство непринадлежности ни к западной, ни к арабо-мусульманской культуре. Это служит фундаментом для радикализации молодых представителей мигрантских сообществ, которые являются чрезвычайно восприимчивыми к исламистской пропаганде. Исследователь приводит мнение французского политолога Оливье Руа о наблюдающейся сегодня «исламизации радикализма»: ислам является «идейной рамкой» для глобального протesta против как европейского общества, так и арабо-мусульманского. Его представители – потомки мигрантов, имеющие проблемы с законом – используют исламскую доктрину для оправдания насилия.

Наиболее серьезные вызовы внутренней европейской безопасности, заключает автор, создает не масштабный поток нелегальных мигрантов, а отчужденность значительной части представителей мигрантских диаспор. Например, во Франции, согласно опросу конца 2020 г., 57% молодых мусульман считают, что законы шариата важнее, чем законы республики. Это свидетельствует об

их неизбежной радикализации и служит благодатной почвой для деятельности исламистских организаций.

Ю.С. Колесникова и С. Будженах [2] изучают влияние глобальной пандемии COVID-19 на международную миграцию и связанные с ней угрозы. Авторы предоставляют общие сведения о миграции из стран Северной Африки, отмечая Алжир, Египет, Ливию, Марокко, Судан и Тунис как страны транзита и отправления мигрантов из Африки. Большинство эмигрантов из Алжира, Марокко и Туниса проживает в странах Западной Европы, в то время как эмигранты из Египта, Ливии и Судана оседают в Западной Азии. Численность международных мигрантов увеличилась за последние пять десятилетий: в 2019 г. – около 272 млн, тогда как в 1990 г. их было 153 млн. На долю Северной Африки приходится 9,4% от общего количества международных мигрантов.

Переходя к теме COVID-19, авторы говорят о том, что страны всего мира пытаются справиться с экономическим кризисом, вызванным пандемией. UNDESA прогнозирует сокращение мировой экономики на 3,2%, в частности сокращение темпов роста в Северной Африке до 1,8%. Ожидаемое восстановление экономики зависит от того, будут ли меры, предпринимаемые правительствами, успешными.

Влияние COVID-19 на экономику стран Северной Африки можно рассмотреть по двум основным направлениям. Первое направление – это снижение экономической активности: предприятия закрываются, сотни тысяч человек теряют работу из-за пандемии. Особенно сильно в Северной Африке пострадали туризм и транспорт, произошел сбой в цепочках поставок, что, в свою очередь, влияет на обрабатывающую промышленность. Второе направление – падение мировых цен на сырьевые товары, в основном на нефть и газ, которые имеют огромное значение для стран, зависящих от нефти. В марте 2020 г. цены на топливо упали почти на 50%, что нанесло огромный удар по экономике Алжира, Ливии и Судана. Работая в критических секторах, мигранты являются наиболее уязвимой группой, подверженной влиянию пандемии COVID-19. По данным ООН, мигранты составляют не менее 4,5% населения в 12 из 20 стран с наибольшим количеством случаев COVID-19, и эта доля составляет более 10% в 8 из этих стран. Okolo 20% иммигрантов Северной Африки живут в относительной бедности в странах ОЭСР по сравнению с европейцами. Плохие жилищные условия и скученность проживания повышают вероятность заражения коронавирусной инфекцией.

Авторы обращают внимание на то, что рынки труда в Северной Африке характеризуются особенно высокими показателями недоиспользования рабочей силы, которое имеет ярко выраженный гендерный аспект. В целом 40,1% женщин сталкиваются с той или иной формой недоиспользования рабочей силы по сравнению с 19,7% мужчин. Кроме того, существует низкая вероятность перевода сотрудников-мигрантов на удаленную работу, поскольку в большинстве случаев они заняты в таких сферах деятельности, где это невозможно. Мигранты, особенно временные, часто имеют ограниченный доступ к системам социального обеспечения, включая здравоохранение, не говоря уже о нелегальных мигрантах. Более того, незнание языка страны пребывания для некоторых иммигрантов может затруднить доступ к информации о COVID-19.

Рассматривая здравоохранение Северной Африки в целом, авторы приходят к выводу, что субрегион не в состоянии справиться с быстрым распространением коронавируса. Системы здравоохранения в регионе Северной Африки слабее, чем на других континентах, существует потребность в медперсонале и больничных койках. Пандемия COVID-19 выявила слабые стороны системы социальной защиты и здравоохранения, показала необходимость усиления мер по ограничению распространения COVID-19 после постепенной отмены мер сдерживания.

Что касается социальной стороны, под ударом оказываются наиболее уязвимые категории людей: нелегальные и низквалифицированные работники, молодежь и женщины. Потеря рабочих мест и доходов только усугубит неравное положение внутри страны. Политическое руководство стран предпринимает активные меры, чтобы избежать коллапса экономики, оказывая финансовую поддержку предприятиям и работникам.

В заключение авторы подчеркивают, что мигранты особенно подвержены риску заражения коронавирусом, поскольку работают во время пандемии и живут скученно. Исследования, проведенные в ряде стран, показали: риск заражения мигрантов как минимум вдвое выше, чем у местных жителей. Мобильность также не вернется на прежний уровень еще в течение некоторого времени из-за низкого спроса на рабочую силу, ограничений на передвижение и распространения дистанционной работы среди сотрудников.

2022.01.004. Дмитриева Е.Л.*

**НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ ЕГИПТА И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА С РОССИЕЙ.
(Сводный реферат)**

DOI: 10.31249/rimm/2022.01.09

1. Воболевич А.А. Современные внешнеэкономические стратегии Египта // Свободная мысль, 2021, № 3 (1678). – С. 161–174.

2. Немкевич С.Ю., Шафиев Р.М. Инвестиционная привлекательность Египта для России // E-Scio, 2021, № 7(58). – С. 277–283.

Ключевые слова: Египет; Россия; внешнеэкономический курс; международная торговля; сотрудничество; Российская промышленная зона; торговые соглашения.

Воболевич А.А.,

старший преподаватель, Российской университет дружбы народов, г. Москва

Шафиев Р.М.,

доктор экономических наук, профессор,
Российская таможенная академия

Немкевич С.Ю.,

магистрант, Российской таможенной академии

В статье А.А. Воболевич [1] анализируются направления внешнеэкономической деятельности Египта. Египет – одна из наиболее развитых стран Африки, имеет экономические связи со многими странами мира, в том числе и с Россией. В последние десятилетия в Египте отмечается существенная либерализация условий внешней торговли, но по отношению к торговым партнерам используются разные стратегии. Египет экспортирует те товары, которые может производить наименее затратно, а не те, на которые есть мировой спрос. Экспорт товаров высокой стоимости ограничивается устаревшими методами производства в промышленности и сбора урожая в сельском хозяйстве, неразвитой инфраструктурой хранения и транспортировки, нехваткой земельных и водных ре-

* Дмитриева Е.Л., старший научный сотрудник, отдел Азии и Африки, ИИОН РАН, e-mail: eldmi@list.ru

сурсов. Египет активно защищает тарифами первичный сектор экономики, что загоняет экономическую систему в целом в ловушку протекционизма.

Как считает А.А. Воболевич, понимание того, какие стратегии реализует Египет во внешней торговле, позволит определить перспективные направления развития внешней торговли с Египтом для стран-партнеров, в том числе и России. Структура, динамика и регулирование внешней торговли Египта отражают его внешнеэкономическую стратегию. Автор считает, что подверженность страны внешним экономическим потрясениям возрастает с увеличением открытости торговли.

Продуктовая и географическая диверсификации помогают избежать чрезмерных колебаний экспортных поступлений. Диверсификация продуктов, если это происходит в сторону более сложных и дорогостоящих продуктов, может повысить производительность и обеспечить долгосрочный экономический рост. Расширение масштабов и повышение качества существующих продуктов будет способствовать более высокому росту экспорта.

По мнению автора статьи, Египту постепенно удаётся диверсифицировать свой экспорт как по направлениям, так и по ассортименту. Тем не менее подавляющая часть экспорта остается концентрированной и сильно зависит от нескольких рынков. В последнее десятилетие страны ЕС и США были самыми важными торговыми партнерами, но постепенно значение США снижалось в пользу арабских стран. На долю ЕС, США и арабских стран приходится около 70% экспорта Египта. Торговые связи с соседними африканскими странами остаются недостаточно развитыми.

Египет значительно больше импортирует, нежели экспортит. Есть несколько факторов, которые могут объяснить такие торговые дисбалансы и определить, какие стратегии внешнеторговой политики реализует Египет. Автором статьи разработана следующая типология стратегий внешнеэкономической деятельности Египта:

1. В отношении стратегических партнеров. С такими странами (США, Китай, ЕС, Россия) Египет ведет активное сотрудничество. Стратегия здесь состоит в увеличении объемов экспорта и импорта товаров.

2. Со странами Африканского региона у Египта нет больших торговых контактов, но он активно принимает участие в подписании торговых соглашений, хотя и поверхностных. В данном случае стратегия Египта состоит в формальном налаживании связей.

3. Стратегия относительно территориально близких стран. Главными здесь являются страны Персидского залива, но они вводят ограничения на импорт из Египта. Стратегия Египта состоит в адаптации к сложившейся ситуации.

Исследование, проведённое автором статьи, показало, что Египет все еще недостаточно торгует со многими странами по сравнению со своим экономическим потенциалом. Наиболее важными торговыми партнерами Египта являются не страны-соседи, с которыми у него наименьшие издержки в торговле, а такие страны, как США, Китай, страны ЕС, Россия, что наталкивает на мысль о существенном влиянии политических факторов при формировании внешнеэкономической стратегии Египта.

В статье С.Ю. Немкевич и Р.М. Шафиева [2] рассмотрены вопросы партнерских отношений между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет, перспективы двустороннего сотрудничества в строительстве Российской промышленной зоны (РПЗ) в Египте, а также анализируются риски, связанные с инвестиционной деятельностью в условиях глобальной пандемии.

Россия и Египет имеют долгую историю взаимоотношений во всех областях и на сегодняшний день являются партнерами (стоит заметить, что в настоящее время Египет является крупнейшим импортером российской пшеницы). Авторы статьи определяют параметры для оптимального уровня инвестиционного сотрудничества между Россией и Египтом, результатом которого должно стать создание платформы для экспансии российских компаний на Ближнем Востоке. Египет, по мнению автора является перспективной страной, которая является инициатором расширения сотрудничества с Россией.

По данным ООН, учитывая официальные показатели ВВП, Египет занимает 8-е место в списке самых развитых стран Африки в 2021 г.; в государстве проживает более 101 млн человек; ВВП на душу населения весьма высокий – 3058 долл.; минимальная заработная плата за 2020 г. составила 127,41 долл., а золотовалютные резервы к концу 2021 г. составят 42 млрд долл.

Египет имеет инвестиционную привлекательность для многих государств, и за последнее время прямые иностранные инвестиции значительно выросли, а их большая часть была направлена на добычу газа и нефти. Параллельно проводятся реформа денежно-кредитной политики, стабилизация валютного курса, корректировка в структуре управления, которая призвана сократить и устранить бюрократию. В феврале 2021 г. в Египте заработал

терминал сжиженного природного газа (СПГ), после чего начались его регулярные поставки в Евросоюз. Открытие в 2015 г. газового месторождения Зохр изменило ситуацию в области внешней торговли, возвратив египтянам статус экспортёра газа. Добыча газа началась в 2017 г. для обеспечения внутреннего египетского рынка. Оператором Зохр является итальянская энергетическая компания Эни, а портфельный пакет в 30% принадлежит «Роснефти». Участие России в добыче углеводородов за рубежом могло быть и больше, но с 2014 г. существуют санкции со стороны США, по которым можно наложить ограничения на иностранные проекты, где доля любых российских компаний превышает 30% от уставного капитала. Соответственно партнерские отношения между российскими компаниями и иностранными партнерами ухудшились, так как иностранные партнеры опасаются санкций США. Автор делает вывод, что сотрудничество российских компаний с египетской стороной в энергетике будут маловероятными.

В марте 2018 г. между правительством России и Египта было подписано соглашение о создании и обеспечении деятельности Российской промышленной зоны (РПЗ) в Египте. Цель проекта – появление платформы для закрепления российских компаний на Ближнем Востоке. Полная реализация проекта займет около 13 лет. Российская сторона рассчитывает, что компании-резиденты смогут начать выпуск продукции уже в 2022 г. Перспективным представляется инвестиционное сотрудничество между Россией и Египтом в области строительства и модернизации железных дорог (создание ЦУП железнодорожным транспортом, поставка и сборка вагонов), судостроения и модернизации судостроительных цехов, производства нефтесаливных танкеров и плавучих мастерских. Создание промышленной зоны в Египте является для России пи-лотным проектом на Африканском континенте и может стать примером для реализации подобных производственных зон в других странах. В Египте уже действует большое количество свободных экономических зон, и между ними возникает высокая конкуренция. Первоначально в проекте предусмотрено 90% рабочих мест для египтян, но со временем квоты могут быть пересмотрены в пользу россиян. Положительным аспектом является также расположение РПЗ, а именно близость к Суэцкому каналу, что значительно снижает себестоимость произведенной продукции. Следует отметить также тот факт, что прибыль от промышленной зоны будет поступать в российский бюджет, а не в частные компании.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Мельник С.В.*

СОВМЕСТНАЯ РОССИЙСКО-ИРАНСКАЯ КОМИССИЯ ПО ДИАЛОГУ «ПРАВОСЛАВИЕ – ИСЛАМ»: ИСТОРИЯ И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

DOI: 10.31249/rimm/2022.01.10

***Аннотация:** В статье рассматривается деятельность Совместной российско-иранской комиссии по диалогу «Православие – Ислам». Комиссия была создана в 1997 г. при непосредственном участии Председателя Отдела внешних церковных связей митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (будущего Святейшего Патриарха Московского и всея Руси). Заседания Комиссии проходили с периодичностью около одного раза в два года поочередно в Москве и Тегеране. Описываются история прошедших заседаний, обсуждаемая тематика, приводятся выдержки из совместных заявлений по итогам встреч. Деятельность Комиссии анализируется в контексте разных типов межрелигиозного диалога.*

***Ключевые слова:** межрелигиозный диалог; христианско-исламский диалог; православие; Русская Православная Церковь; ислам; Россия; Иран; миротворчество; эсхатология; сотрудничество.*

* Мельник С.В., кандидат философских наук, заведующий Отделом философии ИНИОН РАН, старший научный сотрудник Центра межрелигиозного диалога Болгарской исламской академии, доцент Общецерковной аспирантуры и докторанттуры, e-mail: melnik.s.vl@yandex.ru

1. История Комиссии

4–8 сентября 1995 г. митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, который тогда занимал должность Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, посетил Иран. В Тегеране он встретился с главой Организации культуры и исламских связей аятоллой Мухамедом Али Тасхири. В 1997 г. состоялся визит аятоллы Мохаммада Али Тасхири в Россию. В результате встреч была достигнута договоренность осуществлять межрелигиозные контакты Русской Православной Церкви и исламской общине Ирана на регулярной основе. Представители двух религий сформировали главные принципы межрелигиозного диалога, который они решили налаживать следующим образом: «искренняя вера в Бога, любовь к ближнему, взаимное уважение, ясность целей и плодотворность» [1].

Митрополит Кирилл в этом контексте отмечал: «Как известно, Иран – религиозное государство, где принципы веры положены в основу развития общества. С другой стороны, Иран – современное государство, которое сталкивается с теми же проблемами, с которыми сталкиваются любые другие страны. И нам было очень интересно понять основные идеи, которыми иранцы вдохновляются, соединяя современную государственную жизнь с религиозными принципами» [3]. В качестве формата межрелигиозных отношений было выбрано проведение встреч, на которых бы осуществлялось знакомство с представлениями двух религий, главным образом, как видно из приведенной цитаты митрополита Кирилла, в социальной сфере. В связи с этим было принято решение создать Совместную российско-иранскую комиссию по диалогу «Православие – Ислам».

Первое заседание Совместной комиссии «Православие – Ислам» прошло в декабре 1997 г. в столице Ирана. В рамках тегеранской встречи «участники представили доклады по вопросам миссии и прозелитизма, войны и мира, взаимоотношений религии, государства и общества. Комиссия осудила прозелитизм – распространение религии посредством насилия и подкупа, что разрушает межрелигиозный мир и попирает человеческую свободу» [3]. Иранскую сторону возглавил заместитель Председателя Организации культуры и исламских связей Ходжат-оль-Ислам Номани, делегацию Русской Православной Церкви – заместитель Председателя ОВЦС протоиерей Виктор Петлюченко. В дальнейшем встречи

двуухсторонней комиссии проводились с периодичностью раз в два года, поочередно в Москве и Тегеране.

Заседания Комиссии были посвящены следующим темам: II «Мир и справедливость в богословском, религиозно-общественном и международном аспектах» (4–7 мая 1999, Москва); III «Роль межрелигиозного диалога в международных отношениях» (24–25 января 2001, Тегеран) [4]; IV «Отношение двух великих религий к вопросам глобализации с позиций религиозной нравственности, культуры и религиозных убеждений» (26–27 апреля 2004, Москва) [5]; V «Эсхатология и ее влияние на современную жизнь» (28 февраля – 4 марта 2006, Тегеран) [6]; VI «Учение о Боге и человеке в Православии и Исламе» (16–17 июля 2008, Москва) [7]; VII «Роль религии в жизни человека и общества» (6–9 октября 2010, Тегеран); VIII «Религия и права человека» (26–27 июня 2012, Москва); IX «Важность и укрепление сотрудничества и взаимопонимания между исламом и православием» (25–26 августа 2014, Тегеран) [8]; X «Межрелигиозный диалог и сотрудничество как инструменты достижения прочного и справедливого мира» (26–27 сентября 2016, Москва) [9], XI «Религии и окружающая среда» (5–7 мая 2018, Тегеран) [10]. Очередное двенадцатое заседание Комиссии по теме роли СМИ должно было пройти в России в мае 2020 г., однако было отменено из-за пандемии коронавируса. Итак, главным образом в рамках встреч обсуждалась социальная проблематика, хотя два заседания затронули собственно богословские проблемы (учение о Боге, эсхатология).

Во встречах участвовало с каждой стороны примерно от 4 до 8 человек. Например, во втором заседании, прошедшем в Москве в 1999 г., делегации возглавили председатель ОВЦС митрополит Кирилл и председатель Организации исламской культуры и связей Ирана аятола Тасхири. В третьем заседании 2001 г. в Тегеране со стороны РПЦ участвовали епископ Бакинский и Прикаспийский Александр, протоиерей Всеивод Чаплин, профессор Московской духовной академии А.И. Осипов (он неоднократно принимал участие в заседаниях и в дальнейшем), сотрудник ОВЦС Р.А. Силантьев. То есть во встречах со стороны РПЦ участвовали представители Отдела внешний церковных связей, священнослужители, деятельность которых осуществляется в мусульманских странах и регионах, а также приглашенные эксперты, которые могут быть как в сане, так и без него.

В ходе встреч участники поочередно выступали с докладами по теме заседания. Например, в рамках V заседания Совместной

комиссии, посвященного проблеме эсхатологии, были прочитаны доклады по следующим темам: «Введение в эсхатологию: Последний День с точки зрения ислама и христианства» (аятолла Имами Кашани), «Сравнительная эсхатология: православный и мусульманский взгляд» (архиепископ Казанский и Татарстанский Анастасий), «Православное учение о посмертной жизни» (профессор А.И. Осипов), «Учение Корана о Последнем Дне» (доктор Ансари-пур), «Эсхатология и секуляризм» (Г.Е. Рошин), «Последний День в исламской философии и богословии» (Ходжат-оль-ислам Джебраили), «Эсхатология и политика» (священник Георгий Рябых).

2. Позиция Комиссии по актуальным социальным проблемам (коммюнике)

По итогам заседаний принимались коммюнике, выражавшие консолидированную позицию по рассматриваемой на прошедшей встрече тематике. Приведем несколько примеров таких заявлений. В коммюнике II заседания (тема: «Мир и справедливость») указывалось: «Доктринальные основы обеих религий признают неразрывную взаимосвязанность мира и справедливости, морали и закона, правды и любви. Служение вечной неизменной истине является нашим первоочередным долгом... В то же время такое служение не бывает всецелым, если не соединяется с любовью и прощением, со стремлением к согласию и примирению, с милосердием к падшим... Справедливое отношение к каждому человеку и каждому человеческому сообществу видится нам тесно взаимосвязанным с духовно-моральными ценностями и конструктивными традициями... История показывает, что разрушение нравственных устоев приносит людям смерть, кризис личности, вражду и внутреннюю пустоту. Вот почему мы видим нашу святую обязанность во всемерном утверждении моральных ценностей в наших обществах и во всем мире посредством образования, массовой информации и проявления гражданской позиции верующих» [11]. В заявлении мы видим одну из ключевых тем, которая постоянно затрагивается религиозными лидерами в ходе диалога – указание на близость понимания традиционными религиями нравственных ценностей и стремление к сотрудничеству во имя их утверждения в обществе. Также в коммюнике подчеркивается неразрывная связь категорий справедливости и нравственности, то есть указывается, что необходимым условием благополучия общества, социального процветания должно быть следование моральным принципам.

В совместном заявлении по итогам третьей встречи, посвященной проблематике межрелигиозного диалога в контексте международных отношений, говорилось: «Такой диалог должен развивать равноправное и взаимоуважительное сотрудничество наций в многополярном мире. Религиозные лидеры сообща могут и должны направлять политиков и общества на путь мира и согласия. Они также могут и должны противостоять попыткам построить новый мировой порядок на основе доминанты одной культуры, цивилизации или политической системы. Богатство этого мира, созданного Всевышним, должно присутствовать на всех уровнях мировой политической системы» [2]. В коммюнике приводится еще одна первостепенная для повестки межрелигиозных отношений тема – миротворчество. Также здесь подчеркивается идея, что нельзя выстраивать глобальный мировой порядок по одним лекалам, стремясь нивелировать религиозно-культурные различия. Тогда как следует относиться с уважением к цивилизационным различиям, уникальной идентичности и самобытности представителей разных этноконфессиональных групп.

В коммюнике по итогам VI заседания Комиссии 2008 г. (учение о Боге в двух религиях) отмечено: «Основы учения обеих религий признают неразрывную связь достоинства личности человека с тем, что он был сотворен по образу Божию и является венцом творения... Участники собеседований признают, что, несмотря на дарованную человеку Творцом свободу нравственного выбора, грех, порождаемый отпадением от Него, не имеет оправдания, а пороки разрушают не только общественную нравственность, но также духовное и физическое здоровье человека, а в конечном счете – его жизнь... Стороны выразили обоюдную убежденность в том, что реализация прав и свобод человека должна быть гармонизирована с соблюдением моральных норм и нравственным воспитанием. Осуждая поругание религиозных ценностей, составляющих важную часть жизни многих людей, мы призываем государства и мировое сообщество предотвращать осквернение святынь, почитаемых верующими, и обеспечивать их религиозные права» [13]. В коммюнике нашла отражение идея, что верующие призваны Самим Творцом свидетельствовать современному миру о существовании абсолютных нравственных норм и греха. Кроме этого, в заявлении комиссии осмысливается идея свободы выбора и утверждается, что этот дар Бога требует ответственного отношения к нему человека. Не следует воспринимать свободу как вседозволенность, но необходимо соотносить ее с нравственными нормами.

мами, тогда и сам человек, и общество в целом будут благополучны. Также в коммюнике затронута тема защиты религиозных святынь и прав верующих как одна из возможных задач для сотрудничества православных и мусульман.

Шестое заседание ознаменовало собой десятилетие работы Комиссии, в связи с чем в коммюнике отмечалось, что встречи способствуют «развитию равноправного и взаимоуважительного диалога между религиями, культурами и цивилизациями. Подобный подход сохраняет и подчеркивает самобытность каждой из религий и не приводит к синкретизму, пересмотру вероучений, стиранию границ между духовными традициями... подобные встречи способны внести реальный вклад в мирное сосуществование христианской и исламской общин в современном мире, показать пример братского взаимодействия» [14]. Участники обращают внимание, что сам факт дружественной встречи представителей православия и ислама, готовность слушать и слышать друг друга, уважительное обсуждение ими различных проблем, волнующих верующих, вносит вклад в гармонизацию отношений между религиозными общинами.

В совместном коммюнике VII заседания Комиссии (2010) отмечалось: «...участники представили доклады по вопросам влияния религии на духовное здоровье общества, роли религии в укреплении института семьи и семейных ценностей; проблемам взаимоотношений религиозного и секулярного сообществ, соотношения религиозной традиции и доктрины прав и свобод человека, влияния религиозной традиции на нравственность индивида... Во время диалога много раз говорилось об опасности агрессивного секуляризма, который рассматривает религию как источник насилия и конфликтов, а также настаивает на ее исключении из общественной жизни... Участники заседания отметили атмосферу радужия и открытости, в которой прошла дискуссия» [15]. Здесь мы снова видим ряд ключевых тем, характерных для повестки межрелигиозных отношений на современном этапе: опасность размыкания традиционных семейных ценностей; угроза разрушения общественной морали как результат распространения идеологии секуляризма; осмысление концепции прав и свобод человека; место религии в жизни общества.

Представители разных религиозных общин в рамках межрелигиозного диалога нередко утверждают, что все они являются приверженцами так называемых традиционных нравственных ценностей, и это то, что их сближает. Однако зачастую концепт

традиционных ценностей понимается скорее интуитивно и не проясняется, что конкретно он в себя включает. В этом контексте представляет интерес формулировка понятия «традиционные ценности», которую разработали участники VII заседания Комиссии и отразили в итоговом коммюнике: «Было признанно необходимым объединение усилий Русской Православной Церкви и мусульманской общин Ирана по формированию понятия “традиционные ценности”, его признания в международном праве и закрепления в деятельности международных организаций. Под традиционными ценностями понимаются важная роль религии в общественной и частной жизни; стремление человека к нравственному совершенствованию; сохранение святости семейной жизни как союза мужчины и женщины; уважение к старшим; трудолюбие; помочь бедным и защита слабых» [16]. Итак, участники заседания в качестве традиционных нравственных ценностей, которые разделяют последователи православия и ислама, выделили две заповеди из библейского декалога – пятую и седьмую – предписывающую почтать родителей (старших) и запрещающую прелюбодеяние. Также в коммюнике говорится о важнейших для религий принципах сострадания и милосердия, которые в документе были выражены преимущественно в практическом аспекте – как помочь нуждающимся и поддержка людей, которые не могут защитить себя сами. В заявлении нашел отражение и тот факт, что религия представляет собой не просто систему взглядов и норм, но предполагает деятельность, динамику, процесс внутренней трансформации, изменения верующего (самосовершенствование). Кроме этого, участники предложили отнести к традиционным нравственным ценностям труд и убеждение верующих в том, что религию не следует загонять в некое гетто, но религиозные общины должны иметь полное право активно участвовать в социальной жизни.

Следует добавить, что в ходе визита церковной делегации в рамках проведения VII заседания Комиссии в Тегеранском университете состоялась презентация перевода «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» на фарси.

Таковы, в общих чертах, основные идеи, которые высказывались членами Совместной комиссии «Православие – Ислам». Более подробно с текстами коммюнике, составом участников заседаний можно познакомиться в открытом доступе в Интернете по указанным в примечаниях к данной статье ссылкам.

3. Анализ деятельности Комиссии по диалогу «Православие – Ислам» в контексте типов межрелигиозных отношений: специфика и ограничения

Рассмотрев историю и концептуальные основания работы Комиссии, перейдем к анализу ее деятельности в более широком контексте – как одного из возможных подходов к межрелигиозному диалогу.

По мнению автора, говоря о межрелигиозном диалоге, следует различать четыре основных его типа: «полемический», «когнитивный», «миротворческий» и «партнерский». Перечисленные типы диалога преследуют разные цели и, соответственно, основываются на разных принципах и выражаются в различных формах. Указанным типам диалога можно сопоставить следующие вопросы, определяющие содержание и характер межрелигиозных отношений: «кто из нас прав, чья вера лучше?» (полемический диалог); «кто ты, каких убеждений ты придерживается?» (когнитивный диалог); «как мы можем обеспечить гармоничное сосуществование последователей разных религий и содействовать укреплению согласия?» (миротворческий диалог) и «что мы можем совместно сделать для улучшения мира, в каких сферах мы можем сотрудничать?» (партнерский диалог). В полемическом и когнитивном типах диалога речь идет, главным образом, о богословских проблемах, осмыслиении соотношения представлений религий как мировоззренческих систем. Миротворческий и партнерский типы диалога выстраиваются вокруг обеспечения гармоничного сосуществования и сотрудничества религиозных общин как социальных институтов. В каждом из названных типов диалога можно выделить различные их подвиды [17].

Полемический межрелигиозный диалог, предполагающий спор об истинности религиозных мировоззрений, может приводить к антагонизму и вражде. Во многом именно этим обусловлено то, что сегодня на официальном уровне от такого типа межрелигиозных отношений стремятся отказываться. Участники Совместной комиссии, как было отмечено, на I заседании, осудили прозелитизм в таком его понимании: «распространение религии посредством насилия и подкупа, что разрушает межрелигиозный мир и попирает человеческую свободу». То есть фактически здесь утверждается принцип религиозной свободы – отказ от насильственного при-

нуждения к вере и отказ участников выстраивать межрелигиозный диалог в рамках полемической модели.

В рамках деятельности Комиссии межрелигиозный диалог ставил своей целью не переубеждение оппонента и демонстрацию преимущества своей религии, как это имеет место в полемическом диалоге, а знакомство со взглядами диалогического партнера и сопоставление их со своим собственным религиозным мировоззрением. Установка на понимание других религий позволяет сместить акцент с проблематичного и зачастую болезненного вопроса о спасительности и истинности разных религий, в некотором смысле вынести его за скобки [18]. То есть в ходе межрелигиозного взаимодействия немалое значение имел когнитивный диалог [19].

Когнитивный межрелигиозный диалог имеет разные виды. Наиболее характерными из них являются те, что в католической классификации обозначается как «диалог теологического обмена» (также используются термины «теологический диалог», «диалог изучения») и «диалог религиозного опыта» («диалог духовности», «духовный диалог»). «Теологический диалог» ставит своей целью составление объективного представления о другой религии, получение необходимой для этого информации, устранение ложных стереотипов и предрассудков. «Диалог теологического обмена» также включает в себя сравнение взглядов религий по разным вопросам (представления о Боге, загробной жизни, грехе, душе, значении священных писаний и пр.). При этом такое знакомство с другой религией и сопоставление со своей верой, в терминах католического подхода, реализуется на уровне «головы» («head»), то есть носит интеллектуальный характер. В духовный же диалог должно быть вовлечено и «сердце», то есть участники стремятся прочувствовать, глубоко войти в перспективу опыта другой религии, вплоть до использования ее духовных практик. Целью духовного межрелигиозного диалога считается «взаимное обогащение» участников, их «личностный и духовный рост» [20].

Для Русской Православной Церкви и исламской общины Ирана характерно стремление к сохранению сакральной сферы в неприкосновенности, ее ограждению от попыток вторжения извне, отказ от каких-либо компромиссов в вопросах веры и слияния религиозных мировоззрений. В связи с этим о развитии отношений, соответствующих парадигме духовного диалога, речи в ходе работы Комиссии не шло.

Рассматривая опыт российско-иранской комиссии, мы можем увидеть в нем черты теологического диалога. Примечательно, что

только два заседания – пятое и шестое – были посвящены собственно богословским вопросам: анализу учения о Боге в двух религиях и эсхатологических представлений. Такая модель отношений, когда православные и мусульмане рассказывали друг другу о представлении их религии о Боге, может быть характеризована как теологический диалог. При этом в коммюнике седьмого заседания по теме представлений о Боге, выдержка из которого приводилась выше, акцент делался не на теологических проблемах (христианское учение о Троице и монотеизме, возможность богооплощения и пр.), а на моральных аспектах. То есть отмечалось, что Бог выступает источником вечных и неизменных нравственных норм, в соответствии с которыми следует выстраивать личную и общественную жизнь; акцент был сделан на том, какие следствия представления о Боге имеют в социальном измерении. В связи с этим говорилось об ошибочности с точки зрения религиозного сознания представления о том, что свобода человека должна быть ограничена только лишь свободой другого человека. Но необходимо, в том числе при формулировании концепции прав и свобод человека, учитывать понятие греха и нравственных принципов, чтобы свобода не понималась как вседозволенность. Тогда как на всех остальных встречах, кроме двух указанных, обсуждались вопросы, касающиеся гармоничного сосуществования верующих в условиях современного мира и их возможного позитивного вклада в жизнь общества. То есть фактически осмыслились различные аспекты миротворческого диалога и возможные области сотрудничества религиозных общин в рамках партнерского диалога.

Вообще говоря, для верующих разных религий, которые решили фактически «с нуля» начать выстраивать диалог, закономерно и логично предложить осуществлять знакомство со взглядами и ценностями своих религиозных традиций. Например, началом современного католического-христианского диалога считаются проведенные в 1988 г. в Гонконге и в 1991 г. в Беркли международные конференции. На этих межрелигиозных встречах принимали участие видные христианские и конфуцианские эксперты, которые обсуждали три основные темы. Первая – это взаимоотношения Бога и мира. В конфуцианстве эта проблематика рассматривается в контексте категорий взаимодействия «неба» («тян») или «дао» и человечества («рен»). Вторая тема была связана с исследованием этики христианства и конфуцианства, в том числе проблематики соотношения личной и общественной морали. Третьей темой было понимание в двух религиях взаимоотношений человека и живой

природы [21]. Еще один вопрос, поднимавшийся в ходе межрелигиозных встреч, касался того, можно ли считать конфуцианство религией. По итогам двух указанных конференций были изданы сборники докладов.

Как отметил в одном из выступлений Святейший Патриарх Кирилл, «доверительная, сбалансированная, работающая по правильной методологии система может приводить к замечательным результатам, а именно: межрелигиозный диалог должен давать значимый духовный интеллектуальный продукт» [22]. Встречи Совместной российско-иранской комиссии по диалогу «Православие – Ислам» не всегда носили характер глубоких богословских, научных дискуссий с целью разностороннего анализа позиций религий по разным проблемам, как это имело место на упомянутых христианско-конфуцианских конференциях. В этом контексте показательно, что в России материалы конференций, выступления докладчиков вообще не были опубликованы.

Вместе с тем представляется неправильным считать, что заседания российско-иранской комиссии были лишь имитацией подлинного теологического диалога. Действительно, само идеальное, концептуальное содержание встреч отчасти носило второстепенный, вспомогательный характер, рассматривалось лишь как средство. Деятельность Совместной российско-иранской комиссии можно охарактеризовать, главным образом, как одну из форм миротворческого межрелигиозного диалога – как дипломатический диалог. Перед участниками не стояла цель тщательного изучения и богословского осмыслиения соотношения взглядов христианства и ислама (когнитивный диалог). Также члены Совместной комиссии не стремились организовывать конкретную практическую деятельность верующих, что характерно для партнерского диалога (одним из примеров такого диалога является работа Межрелигиозной рабочей группы по оказанию гуманитарной помощи жителям Сирии, которая действует при Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ).

Главной задачей Комиссии было не столько исследование обсуждаемых тем с академической тщательностью, сколько у становление и поддержание коммуникации между двумя религиозными общинами. И эта цель была достигнута: благодаря деятельности этой площадки удалось наладить прочные дипломатические контакты и благожелательные, доверительные отношения между Русской Православной Церковью и исламской общиной Ирана, обсудить множество проблем, волнующих верующих людей. На

этой основе, при желании, у религиозных общин имеется возможность развивать межрелигиозный диалог в любых сферах: реализовывать научные теологические межрелигиозные исследования, осуществлять академический обмен студентов, выступать с совместными миротворческими заявлениями по актуальной повестке международных отношений, организовывать совместную практическую деятельность верующих.

В коммюнике VI заседания указывалось, что благодаря Совместной комиссии удалось «показать пример братского взаимодействия для других религий и всего общества». То есть важным аспектом деятельности комиссии стала демонстрация для рядовых верующих примера добрых,уважительных межрелигиозных отношений, поскольку различия в религиозных убеждениях не должны вести к антагонизму и вражде. Близость позиции ислама и христианства по различным моральным и социальным проблемам позволяет верующим быть «в одном лагере», сотрудничать в сферах, представляющих общий интерес. Сам факт наличия таких благожелательных встреч имеет немаловажное символическое значение.

Конечно же, отношения двух религиозных общин не ограничивались только лишь заседаниями один раз в два года, имели место другие контакты и взаимные визиты. Например, автор сопровождал делегацию из Университета Религий и конфессий города Кума в составе более двадцати человек (преподаватели и студенты аспирантуры и докторантury) в ходе экскурсии по Троице-Сергиевой лавре в августе 2017 г. С 14 по 18 июля 2019 г. в Москве с визитом находился руководитель Центра межрелигиозного диалога Организации по культуре и исламским связям Ирана, ходжатуль-ислам М. Тасхири. В ходе визита для М. Тасхири Отделом внешних церковных связей были организованы следующие мероприятия: встреча с председателем ОВЦС митрополитом Волоколамским Иларионом, экскурсия в Московскую соборную мечеть, визит в Общечерковную аспирантуру и докторантuru, визит в резиденцию Духовного собрания мусульман России, визит в Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь, встреча в Общественной Палате РФ с председателем Комиссии по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений И.Е. Дискиным, встреча с митрополитом Казанским и Татарстанским Феофаном в полномочном представительстве Татарстана в Москве [23].

В целом опыт Комиссии, в рамках которой на регулярной основе осуществлялось двухстороннее взаимодействие между пред-

ставителями Русской Православной Церкви и мусульманами Ирана, можно назвать уникальным для истории религиозных общин двух стран. Более чем двадцатилетняя работа комиссии позволила наладить прочные и дружественные отношения между двумя религиозными общинами, что может служить фундаментом для дальнейшего развития межрелигиозного диалога в различных сферах.

Литература

1. Председатель ОВЦС встретился с руководством Центра по межрелигиозному диалогу Исламской Республики Иран. [Electronic source]. Available at: <https://mospat.ru/ru/2011/10/21/news50153/> (Accessed: 07.07.2021).
2. Цит. по: Межрелигиозные отношения. [Electronic source]. Available at: <https://patriarch.patriarchia.ru/mezhreligioznye-otnosheniya/> (Accessed: 07.07.2021).
3. Коммюнике встречи Совместной российско-иранской комиссии по диалогу между Исламом и Православием. [Electronic source]. Available at: mospat.ru/ru/news/86207/ (Accessed: 07.07.2021).
4. Православно-мусульманский диалог в Тегеране. [Electronic source]. Available at: <https://mospat.ru/ru/news/85126/> (Accessed: 07.07.2021).
5. Совместное коммюнике IV заседания российско-иранской комиссии по диалогу «Ислам-Православие». [Electronic source]. Available at: <https://mospat.ru/ru/news/81891/> (Accessed: 07.07.2021).
6. В Тегеране состоялось V заседание российско-иранской комиссии по диалогу «Ислам-Православие». [Electronic source]. Available at: www.patriarchia.ru/db/text/87262.html (Accessed: 07.07.2021).
7. Завершилось VI заседание Совместной российско-иранской комиссии по диалогу «Ислам-Православие». [Electronic source]. Available at: www.patriarchia.ru/db/text/437442.html (Accessed: 07.07.2021).
8. В Тегеране прошло девятое заседание Совместной комиссии по диалогу «Православие-Ислам». [Electronic source]. Available at: www.patriarchia.ru/db/text/3710805.htm (Accessed: 07.07.2021).
9. Коммюнике X заседания Совместной российско-иранской комиссии по диалогу «Православие-Ислам» на тему «Межрелигиозный диалог и сотрудничество как инструменты достижения прочного и справедливого мира». [Electronic source]. Available at: <https://mospat.ru/ru/news/49177/> (Accessed: 07.07.2021).
10. В Тегеране завершилось XI заседание Совместной комиссии по диалогу «Православие-Ислам», посвященное проблемам экологии. [Electronic source]. Available at: <https://mospat.ru/ru/news/47480/> (Accessed: 07.07.2021).
11. Иларион, митрополит Волоколамский. Патриарх Кирилл. Жизнь и мироцерзание. М.: Эксмо; 2010. – 580 с.
12. Православно-мусульманский диалог в Тегеране. [Electronic source]. Available at: <https://mospat.ru/ru/news/85126/> (Accessed: 07.07.2021).
13. Коммюнике по итогам VI заседания Совместной российско-иранской комиссии по диалогу «Ислам-Православие» // Интернет-портал пресс-службы Мос-

- ковской Патриархии. [Electronic source]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/437430.html> (Accessed: 07.07.2021).
14. Коммюнике по итогам VI заседания Совместной российско-иранской комиссии по диалогу «Ислам-Православие» // Интернет-портал пресс-службы Московской Патриархии. [Electronic source]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/437430.html> (Accessed: 07.07.2021).
15. Совместное коммюнике VII заседания российско-иранской комиссии по диалогу «Ислам-Православие». [Electronic source]. Available at: <http://www.mospat.ru/ru/2010/10/12/news27994/> (Accessed: 07.07.2021).
16. Совместное коммюнике VII заседания российско-иранской комиссии по диалогу «Ислам-Православие». [Electronic source]. Available at: <http://www.mospat.ru/ru/2010/10/12/news27994/> (Accessed: 07.07.2021).
17. Мельник С.В. Классификация типов межрелигиозного диалога // Коммуникация. 2020; Т. 8, № 2. С. 25–51.
18. Madigan D. Christian-Muslim dialogue. In: CornilleC. (ed.). The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue. Chichester: John Wiley & Sons; 2013. Pp. 244–260.
19. Мельник С.В. Когнитивный межрелигиозный диалог: задачи, принципы, формы реализации // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. Вып. 2. С. 209–227.
20. Moyaert M. Interreligious Dialogue In: D. Cheetham, D. Pratt, and D. Thomas. (eds.). Understanding Interreligious Relations. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 193–217.
21. Berthrong J. Christian–Confucian dialogue. In: CornilleC. (ed.). The Wiley-Blackwell companion to inter-religious dialogue. Chichester: John Wiley & Sons; 2013. P. 303–304.
22. Святейший Патриарх Кирилл: Без поддержки снизу межрелигиозный диалог теряет смысл. [Electronic source]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1546480.html> (Accessed: 07.07.2021).
23. Завершился визит в Москву руководителя Центра по диалогу религий и культуры Организации по культуре и исламским связям Ирана. [Electronic source]. Available at: www.patriarchia.ru/db/text/5474165.html (Accessed: 07.07.2021).

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

Чикризова О.С.* , Лашхия Ю.В.**

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР

В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

DOI: 10.31249/rimm/2022.01.11

Аннотация. Статья посвящена выявлению ключевых особенностей влияния религиозного фактора на мировую политику в свете традиционного для науки о международных отношениях игнорирования религии и отстаивания позиции о разделении «светского» и «духовного» в исследованиях международных отношений.

Ключевые слова: религия; международные отношения; мировая политика.

Длительное время религиозный фактор практически не рассматривался теорией международных отношений (ТМО). Возникнув как академическая дисциплина после I мировой войны, наука о международных отношениях первоначально отражала позицию, в соответствии с которой под давлением процессов секуляризации религия будет иметь весьма ограниченное значение для мироустройства. Вследствие такой убежденности религии уделялось крайне мало внимания, особенно в США, где проживало большинство ведущих специалистов по международным отношениям.

Возобладавший в Америке с 1940–1950-х годов политический реализм основывается на трех основополагающих предпосылках, которые можно сформулировать следующим образом: 1) внешняя политика государств преследует две основные цели – накопление материальных благ, главным образом ресурсов и власти; 2) все государства разделяют схожие международные мотивы и цели; 3) международная система есть анархическая система са-

* Чикризова О.С., кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, e-mail: chikrizova-os@rudn.ru

** Лашхия Ю.В., аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российской университета дружбы народов, e-mail: george-leo@mail.ru

© Чикризова О.С., Лашхия Ю.В., 2022

мопомощи, характеризующаяся конфликтами, конкуренцией и стратегическим сотрудничеством¹.

Другим, не менее важным, аспектом реализма является четкое разведение внешней и внутренней политики. В рамках данной парадигмы обыкновенно считается, что противоборствующие внутри страны силы объединяются в целях защиты объективно существующих «национальных интересов», главным из них реалисты считают обеспечение безопасности и выживания государства, которое, в свою очередь, мыслится сторонниками этой школы как первичная единица анализа и первичная онтологическая единица в международных отношениях. Что касается нематериальных факторов, то в них реализм во всем своем многообразии закономерно видит своего рода миштуру, которую отдельные государства по мере необходимости используют в качестве обоснования и оправдания своей политики, в действительности детерминированной «реальными» национальными интересами, что всегда обусловлено какими-либо материальными факторами. Либеральные и неолиберальные подходы к изучению международных отношений также не уделяют существенного внимания религиозному фактору. Для сторонников либерализма глобальная система представляет собой переплетение различных проблемных областей, включая торговлю, экологию, энергетику, права человека и демократию. Наряду с государством либерализм признает значимость транснациональных акторов, например межправительственных организаций и транснациональных корпораций (ТНК). За религиозными субъектами транснациональная важность также признается, но их значимость рассматривается с точки зрения конкретных вопросов, в частности обозначенных выше, а не в целом². Правда, некоторые либеральные авторы (к примеру, Мадлен Олбрайт в своей книге «Религия и мировая политика») пытались заниматься вопросом религии, отталкиваясь от собственных убеждений, но местами в их трудах чувствуются чрезвычайная эмоциональность и нехватка некоторых важных знаний. Так, М. Олбрайт выносит до крайности спорные суждения о религиях народов Африки южнее Сахары, а также фактически воспроизводит колониальное разделение ислама на «черный» (*Islam noir*) и «арабский», увязывая его с другой, не

¹ Haynes J. An Introduction to International Relations and Religion. 2nd ed. Routledge, 2013.

² Haynes J. An Introduction to International Relations and Religion. 2nd ed. Routledge, 2013.

бесспорной, классификацией ислама на «умеренный» и «экстремистский»¹.

Марксизм, третья классическая школа понимания природы международных отношений, и его производная – неомарксизм предлагают взгляд на мировые политические процессы как манифестацию классовой борьбы. Религия не рассматривается неомарксистами в качестве важного аспекта конфликтов на классовой основе и видится ими завесой, скрывающей истинные экономические интересы субъектов международных отношений.

Среди причин лежащего в основе традиционных теорий пренебрежительного отношения к религии как фактору внешней политики и международных отношений следует назвать, во-первых, унаследованную от эпохи Просвещения мировоззренческую установку, согласно которой религия и другие «иррациональные» формы познания и мышления со временем окончательно уступят место секулярному разуму. Во-вторых, современная система международных отношений восходит, как обычно считается, к 1648 г. Более века религиозные войны и сопутствующие им нарушения суверенитета служили главной причиной раздоров в европейской политике, однако, после заключения Вестфальского мирного договора, этот тип конфликтов в Европе исчез². В политологии и международных отношениях образца XX в. скептическое отношение к религии достигло еще большей степени. Традиционные школы международных отношений и их аналитические инструменты крайне плохо подходят для исследования религии.

Грандиозное значение для теории международных отношений имеет период «третьих дебатов» (1970-е годы), когда на авансцену науки вышли рефлексивистские подходы, в первую очередь, конструктивизм. В отличие от традиционных парадигм, конструктивизм является собой не столько школу или стройную теорию, сколько метод. Важным объединяющим элементом всех исследований и работ, произведенных в русле конструктивизма, признается приданье центрального значения идеям, нормам, культурным традициям и идентичности. Более того, именно конструктивисты, а не приверженцы классических теорий начали писать обстоятельные работы на тему религиозного фактора в международных отношениях. Именно конструктивистский подход способен снабдить

¹ Олбрайт М. Религия и мировая политика. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.

² Marsden L. Religion and International Security. Cambridge: Polity Press, 2019. P. 10–11.

исследователей религии в мировой политике и международных отношениях надлежащим инструментарием благодаря своей концентрации на нематериальных факторах.

Хотя для исследования религиозного фактора в мировой политике и международных отношениях и появились относительно подходящие методы, но часть связанных с данной темой вопросов до сих пор не нашла окончательных ответов, выступая пунктами разногласий в научном сообществе. Главным из них следует считать отсутствие общепринятой дефиниции термина «религия», что создает существенные трудности для обозначения границ обозначаемого им феномена и, следовательно, определения его места в политических процессах; остальные, так или иначе, проис текают из этой проблемы или связаны с ней. Как бы там ни было, религия в наши дни состоялась как фактор международной политики, что обусловливает необходимость привлечения к ней самого пристального внимания научного сообщества. Будучи неразрывно связанной с мировоззрением, являясь его основой или оказывая на него влияние иным способом, религия в той или иной мере задает паттерны мышления человека и, следовательно, его деятельности, в том числе в сфере политики.

Сегодня религия задает паттерны поведения как государственных, так и транснациональных игроков. Что касается государственных религиозных субъектов, то в настоящее время в полном смысле слова таковыми принято считать только две страны – Королевство Саудовскую Аравию и Исламскую Республику Иран. Кроме них ни одно другое государство мира не провозглашает религию в качестве руководящего принципа во внутренней и внешней политике на уровне рамочного закона, хотя их также невозможно считать единственными государственными субъектами с религиозной идентичностью. В целом, религия – это очень мощный инструмент убеждения, позволяющий одному государственному актору оказывать влияние на глав и граждан других государств, а в контексте глобальной политики она используется в целях оправдания весьма различных линий внешнеполитической активности. Религия в международных отношениях «является обюдоострым оружием, способным принести выгоды любому актору»¹, так как одно государство в состоянии прибегнуть к ней в противостоянии с другим государством, но второе тоже может

¹ Демченко Д.А. Религиозный фактор во внешней политике стран Персидского залива: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2020. С. 53.

применить религию против первого. Подобное наблюдается в случае суннито-шиитского противостояния, в рамках которого Иран и его прокси, в первую очередь ливанская группировка «Хезболла», соперничают со странами суннитского мира, в частности с Саудовской Аравией.

Религиозно мотивированные государственные субъекты мировой политики оказались по разные стороны баррикад в ходе «арабской весны» в Сирии, где, помимо прочего, схлестнулись опирающийся на движение «Братьев-мусульман»¹ турецко-катарский альянс и Королевство Саудовская Аравия, вектор формирования внешней политики которого задает ваххабитское течение суннитского ислама².

Но, что закономерно, религиозная легитимность имеет границы, поскольку доводы конкретного религиозного течения полностью принимаются только его сторонниками и с неизбежностью обнаруживают расхождения с приверженцами других направлений этой же религии, не говоря об иноверцах и светских играх. Чем более партикуляристское мышление проявляет политический субъект, формируя аргументацию в поддержку собственного курса, тем меньшее число других субъектов окажутся склонны поддержать его. К примеру, в этом заключается одна из препятствий к распространению саудовской модели в исламском мире, поскольку ваххабизм в значительной мере известен «своей чрезмерной сурвостью и фанатичностью методов его имплементации»³.

Однако, как ни парадоксально, подчас и правительства официально светских стран придерживаются религиозных доктрин в той или иной степени. Например, Израиль является еврейским государством только в национальном смысле, оставаясь с момента провозглашения в 1948 г. секулярным. Тем не менее сложно сказать, что его правительство всегда и во всем руководствуется соображениями узко понимаемого pragmatизма. В частности, очень важное место в видении израильских политических лиц занимает Иерусалим, к контролю над которым ни в коем случае нельзя до-

¹ Организация запрещена в РФ.

² Хайруллин Т.Р. Катарско-турецкий альянс и Саудовская Аравия: борьба ультраконсервативных проектов в Сирии // Ислам в современном мире. 2018. Т. 14. № 4. С. 235–246.

³ Чикризова О.С. Саудовская модель развития для «мира ислама»: особенности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 546.

пустить арабов-мусульман, поскольку он крайне свят для иудеев. Ситуацию осложняет тот факт, что для мусульман Иерусалим тоже важен, потому что именно этот город играл роль первой киблы (направления для ритуальной молитвы) и уступает по своей значимости только Мекке и Медине. Вопрос принадлежности Иерусалима есть один из существенных камней преткновения между Израилем и странами с мусульманским большинством населения, в первую очередь – частично признанной Палестиной, поддерживающими актуальность арабо-израильского конфликта, его неразрешенность по сей день.

Государства за пределами Ближнего Востока и Северной Африки тоже далеко не всегда игнорируют религию. Так, христианские религиозные убеждения с очевидностью сформировали подход к внешней политике 43-го президента Соединенных Штатов, Джорджа Буша-младшего. Дж. Буш утверждал, что именно по воле Бога США распространяют свободу и демократию на Ближнем Востоке¹. Также необходимо упомянуть приход к власти в Индии в 2014 г. Нарендры Моди, лидера исповедующего идеологию хиндутвы (индийского национализма с религиозной индуистской окраской) партии «Бхаратия Джаната парти» (БДП), которая известна широкой публике в различных странах мира своей политикой, направленной против индийских мусульман. Например, БДП совместно с другой, сходной по идеологическим установкам, организацией «Вишва хинду паришад» стояла за разрушением мечети Бабура (Бабри Масджид) в Айодхье в 1992 г.

По мнению многих индуистов, мусульмане в XV в. построили мечеть на руинах разрушенного полководцем Бабура Мир Баки Ташканди храма Рамы, а сама земля почитается как место рождения Рамы (джанмастхан). Юридическая тяжба за место, имеющее значение для последователей обеих религий, продолжалась на протяжении долгих десятилетий, а вопрос принадлежности земельного участка превратился в одну из ключевых проблем индийской политики. 9 ноября 2019 г. Верховный суд Республики Индия признал право на спорную территорию за индусами, мусульманам же присудил другой участок в Айодхье для строительства новой мечети взамен разрушенной Бабри Масджид. Наконец,

¹ Haynes J. An Introduction to International Relations and Religion. 2nd ed. Routledge, 2013.

в 2020 г., несмотря на карантин, Нарен德拉 Моди заложил на данной территории храм Рамы¹.

Интересно обратить внимание и на способы, посредством которых государственные религиозные игроки реализуют свою политику. Нередко они действуют напрямую, как отчасти продемонстрировано на примерах выше, но могут прибегать и к косвенным средствам. К примеру, Королевство Саудовская Аравия распространяет свое видение ислама в политике посредством своего богатства, по сей день остающегося для этой страны главным – нефтедолларов. В рамках программ содействия социально-экономическому развитию Саудовской Аравии удается практиковать так называемую дипломатию мечетей, которая заключается в финансовой поддержке строительства мечетей по всему миру. Исламские ученые, работающие в мечетях и исламских центрах, построенных на деньги Королевства, пропагандируют саудовское понимание ислама, часто будучи выпускниками учебных заведений этой страны. Свою стратегию Саудовская Аравия реализует через Организацию экономического сотрудничества и развития, а также Саудовский фонд развития и многочисленные благотворительные фонды, формально негосударственные, но на деле возглавляемые кем-либо из членов правящей семьи или приближенным к ней человеком².

Однако основными религиозными субъектами мировой политики и международных отношений в наши дни следует считать не государства, а различные и довольно многочисленные транснациональные религиозные организации. Среди примеров необходимо обозначить Римско-католическую церковь со штаб-квартирой в Ватикане; англиканскую (в Америке епископальную) церковь с центром в Кентербери, Англия; Всемирный совет церквей, состоящий из около 350 протестантских церквей с головным офисом в Женеве, Швейцария; Организацию Исламского сотрудничества, межправительственную организацию мусульманских стран, в которую входят 57 членов и 5 наблюдателей. Штаб-квартира ОИС расположена в Джидде, Саудовская Аравия.

¹ Нарен德拉 Моди заложил индуистский храм, несмотря на карантин // BBC News Русская служба. 05.08.2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53664949> (дата обращения: 11.01.2022).

² Чикризова О.С. Саудовская модель развития для «мира ислама»: особенности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 545—565.

Говоря о роли международных организаций, невозможно обойти вниманием папу Римского Иоанна Павла II, с именем которого связана эра гибели идеологии коммунизма в Европе. Лидер Ватикана в глазах многих является таким же ярким ее символом, как первый и последний президент СССР М.С. Горбачёв. При этом Иоанн Павел II был не только ярым антикоммунистом, но и критиковал негативные стороны современного капиталистического мира, а также изобличал политический авторитаризм. В годы его папства Ватикан заявил о неприятии американо-британского вторжения в Ирак.

Отдельно следует отметить разнообразные транснациональные исламистские организации, некоторые из которых практикуют способы борьбы, называемые террористическими. Необходимо сказать, само понятие терроризма в значительной мере условно, поскольку общепризнанное определение его отсутствует и различные акторы международных отношений нередко могут считать «террористическими» организации, которые необязательно таковы с точки зрения других акторов. В данном контексте показателен пример «Хезболлы», которая считается террористической и запрещена в США, Великобритании, странах Залива, Египте и многих других государствах, но не рассматривается в подобном качестве Россией, Сирией и Ираном. То же самое имеет место с другой политической исламистской организацией – палестинской ХАМАС. Россия, Норвегия, КНР, Турция, Катар, Китай и ОИС не признают данную организацию террористической, в то время как, например, позиция США, Канады, ЕС, Японии и Израиля противоположна.

Не менее важно понимать, что даже знаменитые своими действительно впечатляющими зверствами организации, вроде печально известного запрещенного в РФ ИГ, нередко пользуются поддержкой контролируемого ими населения. Главной причиной этого принято считать – и, по всей видимости, небезосновательно, – эффективную социальную политику «халифата» и других подобных группировок. Например, после захвата Мосула группировкой ИГ три четверти населения более чем полуторамиллионного города не переселились, к тому же около 35% горожан сочли, что город при боевиках стал чище и безопасней, чем при признанном международным сообществом иракском правительстве¹.

¹ Revkin M.R. Competitive Governance and Displacement Decisions under Rebel Rule: Evidence from the Islamic State in Iraq // The Journal of Conflict Resolution. 2021. Vol. 65. No. 1. P. 46–80.

Среди наиболее вероятных, как думается, причин успешной социальной политики и популярности среди широких народных масс необходимо перечислить следующие: отсутствие у джихадистских организаций громоздкого бюрократического аппарата и относительная простота структуры¹; малая дистанция между лидерами ячеек и остальными членами; отсутствие у повстанческих формирований легальных оснований осуществлять политическую власть.

Наконец, невозможно игнорировать ту роль, которую сегодня играют некоторые суфийские братства (тарикаты). Будучи мощными транснациональными сетевыми организациями, современные суфийские тарикаты и общины, как убедительно показывает украинский исламовед О.А. Ярош, являются «одним из инструментов привлечения коренных жителей стран Запада к исламу, чему способствует окружающий их ореол “мистичности”, приобщения к “сокровенному”, культа “божественной любви”, возникший, в немалой степени, благодаря усилиям ученых-ориенталистов и получивший распространение в работах западных эзотериков и “традиционистов”. Вместе с тем суфийские тарикаты на Западе привлекают не только искателей “просветления”, мечущихся между различными духовными традициями и учителями, но и тех, кто искренне стремится к кардинальному изменению собственного способа жизни и мировоззрения через религиозное обращение»².

В настоящее время практически во всех странах мира, за очень редким исключением, наличествуют старые и даже появляются новые суфийские группы, отличающиеся друг от друга по ряду параметров, в том числе по отношению к исламской нормативной традиции. Не всегда принимая непосредственное участие в политике, суфии обычно оказывают существенное влияние на культуру и идентичность обществ, частью которых являются; в связи с этим вполне возможно влияние на внутреннюю и внешнюю политику.

Также ислам в целом и суфизм в частности подчас сливаются со всевозможными контркультурными парадигмами, в том числе и политизированными. Одним из наиболее интересных прояв-

¹ Наумкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д. Ближний Восток в эпоху испытаний: травмы прошлого и вызовы будущего. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2016. С. 17.

² Ярош О.А. Проблемы изучения обращения в ислам в суфийских общинах Запада: социокультурный контекст, институты, харизма // Islamology. 2017. Т. 7. № 1. С. 72—87.

лений этого следует считать так называемый «анархо-ислам», приверженцы многообразных толков которого сочетают самоидентификацию в качестве верующих мусульман или находятся под влиянием каких-либо исламских, часто суфийских, концепций с анархическим мировоззрением. Первые персонажи в истории европейского ислама, пытавшиеся осуществить в своих воззрениях синтез ислама и анархизма, известны еще с минувшего столетия и представлены именами шведского художника и первого студента Аль-Азхара западного происхождения, автора термина «исламофобия» Ивана Агуэли (Агели; 1869–1917); итальянской анархопацифистки и феминистки Леды Рафанелли (1880–1971); швейцарской феминистки и исследовательницы Изабель Эберхардт (1877–1904), а также французского карикатуриста и философа Густава-Анри Жоссо (1866–1951).

В наши дни наиболее известны афроамериканский мыслитель-анархист Мохаммед Жан Венез, чья интерпретация принципа божественного единства в исламе (ат-таухид) заключается в почитании только Бога, но не искусственных политических институтов; британский блогер, журналист и писатель Йунус Йакуб Ислам (Джулиан Хоарп); американский новеллист и основатель музыкального стиля taqwacore Майкл Мухаммад Найт, американский философ Питер Ламборн Уилсон (псевдоним Хаким Бей). Нельзя отрицать, что этот и другие подобные тренды продолжат свое развитие и в гипотетическом будущем появятся политические организации, отстаивающие схожие концепции как основу для более справедливого и органичного уклада жизни.

Как можно видеть, религиозных акторов достаточно много и все они обладают собственной спецификой, выражаящейся в конкретной форме религиозного мировоззрения и средствах реализации политических интересов. К примеру, папа Римский использует свой авторитет главы самой многочисленной христианской церкви мира и высказывает суждения по животрепещущим проблемам современности, к которым неизменно прислушиваются. Ислам же, в отличие от православного и католического толков христианства, не знает феномена церкви, и, как указывает американский исламовед Айра Лапидус, в основе ислама как цивилизации лежит «сетевой принцип», то есть она традиционно существовала в виде сетей улемов (исламских ученых), суфийских тарикатов, торговцев и т.д., действовавших поверх границ владений конкретных политий.

Кроме того, сами сообщества мусульман (джамаат) являли собой «сети отношений между составляющими его группами»¹.

Некоторые религиозные акторы вроде суфийских тарикатов не всегда напрямую вмешиваются в политику, но нередко оказывают заметное влияние на культурно-цивилизационное своеобразие социума, а внешняя политика любого государственного актора формируется под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. Более того, относительно крупная община гипотетически может со временем получить возможность лоббировать свои интересы и в некоторой степени корректировать внешнеполитический курс страны. Учитывая привлекательность суфизма для западных духовных искателей, можно предположить дальнейший рост численности суфийских групп и даже появление новых, идентифицирующих себя в качестве исламских и требующих принятия ислама от новых членов, так и условных «гетеродоксов», делающих акцент исключительно на так называемый «духовности».

Нельзя, как полагают авторы, сбрасывать со счетов вероятность возникновения новых религиозно-политических движений, в том числе самых необычных и способных комбинировать элементы разных мировоззрений в своих идеологиях. Как бы странно это ни выглядело на первый и поверхностный взгляд, на деле появление подобных групп очень вероятно. Так, в своем дебютном романе *The Taqwacores*, представитель панк-сцены и «анархо-мусульманин» Майкл Мухаммад Найт описал вымышленную общину мусульман-панков, собирающихся дома у главного героя, пакистано-американского студента инженерного факультета Юсуфа Али. Эта необычная книга уже в начале 2000-х годов, когда и была впервые издана, вдохновила появление целой музыкальной субкультуры, играющей панк-рок с ближневосточными мотивами и часто интересными текстами песен, причем достаточно политизированными.

Таким образом, отмечает М.М. Мчедлова, «современность изменяет традиционные смыслы и формы религии, а религиозный фактор меняет традиционные теоретические конструкции и политические конфигурации: религия в новых и множественных формах пронизывает социальную реальность, размывая традиционные политические константы и заставляя размышлять об алгоритмах

¹ Lapidus I. Hierarchies and Networks: A Comparison of Chinese and Islamic Societies // Conflict and Control in Late Imperial China / ed. by F. Wakeman Jr., Carolyn Grant. Los Angeles, L.A.: University of California Press, 1975. P. 26–42.

свершения социально-политического процесса, о смысложизненных и ценностных императивах и потребностях»¹.

Налицо «политизация религии и конфессионализация политики»², свидетельствующие об ошибочности традиционных для науки о международных отношениях представлений о полном исчезновении религии из исследовательского поля социальных наук. Это все дает основание, во-первых, говорить о необходимости срочного пересмотра утверждения об универсальности классических парадигм ТМО, который назрел уже давно, а во-вторых, включать области публичного пространства, на которые религия оказывает серьезное влияние, в предмет науки о международных отношениях, что уже происходит на Западе. В России же специалистов, которые чувствуют это веяние, пока очень мало.

*Статья предоставлена авторами для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

¹ Мчедлова М.М. Религия в политических конструкциях современности: представляю номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 546.

² Мчедлова М.М., Кудряшова М.С. Религия и политика: от секуляризации к новым теоретическим координатам исследования // Политическая наука. 2016. № 5. С. 44.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2022 – 1 (323)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Корректор О.П. Шамова
Компьютерная верстка
К.Л. Синякова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 10/III – 2022 г. Формат 60×84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 6,5 Уч.-изд. л. 6,1
Тираж 250 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 5

**Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литер У